

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В О П Р О С Ы
Ж У Р Н А Л И С Т И К И

Russian Journal of Media Studies

Научный журнал

2018

№ 3

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

***Редакционная коллегия журнала
«Вопросы журналистики»***

Ю. М. Ершов (Томск, Россия) –
главный редактор
Ю. А. Эмер (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
И. Ю. Мясников (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Д. А. Катунин (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
П. П. Каминский (Томск, Россия) –
отв. секретарь
В. С. Байдина (Томск, Россия)
М. А. Бережная (Санкт-Петербург,
Россия)
И. В. Высоцкая (Новосибирск, Россия)
Г. В. Кручевская (Томск, Россия)
В. Д. Мансурова (Барнаул, Россия)
М. А. Мясникова (Екатеринбург,
Россия)
Е. В. Перевалова (Москва, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вопросы журналистики»***

Е. Л. Вартанова (Москва, Россия)
И. М. Дзялошинский (Москва, Россия)
О. Д. Журавель (Новосибирск, Россия)
С. Г. Корконосенко (Санкт-Петербург,
Россия)
К. Лехтисаари (Хельсинки, Финляндия)
Б. Н. Лозовский (Екатеринбург,
Россия)
Д. Л. Стровский (Ариэль, Израиль)
П. Тамаш (Будапешт, Венгрия)
В. В. Тулупов (Воронеж, Россия)
Л. П. Шестеркина (Челябинск, Россия)

***Editorial Board of the
Russian Journal of Media Studies***

Yu. M. Ershov (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
Yu. A. Emer (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
I. Yu. Myasnikov (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D. A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
P. P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
V. S. Baydina (Tomsk, Russia)
M. A. Berezhnaya (St. Petersburg,
Russia)
I. V. Vysotskaya (Novosibirsk, Russia)
G. V. Kruchevskaya (Tomsk, Russia)
V. D. Mansurova (Barnaul, Russia)
M. A. Myasnikova (Yekaterinburg,
Russia)
Ye. V. Perevalova (Moscow, Russia)

***Editorial Council of the
Russian Journal of Media Studies***

Ye. L. Vartanova (Moscow, Russia)
I. M. Dzyaloshinskiy (Moscow, Russia)
O. D. Zhuravel (Novosibirsk, Russia)
S. G. Korkonosenko (St. Petersburg,
Russia)
K. Lehtisaari (Helsinki, Finland)
B. N. Lozovskiy (Yekaterinburg,
Russia)
D. J. Strovskiy (Ariel, Israel)
P. Tamás (Budapest, Hungary)
V. V. Tulupov (Voronezh, Russia)
L. P. Shestyorkina (Chelyabinsk, Russia)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет журналистики сайт <http://journals.tsu.ru/journalism>

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАСИСТЕМЫ

Дементьева К. В., Зеткин С. Н. Православные СМИ Республики Мордовия: типологические и уникальные черты	5
Тепляшина А. Н. Новые медиа & традиционные СМИ: конкуренция как тренд	24

МЕДИАТЕКСТ И МЕДИАДИСКУРС

Высоцкая И. В., Петрова Н. Е. К проблеме периодизации языка современных российских СМИ	36
Шайхитдинова С. К. Журналист в дискурсе СМИ: детерминация или позиция? (На примере информационного спора вокруг интервью Сергея Гуркина и Светланы Алексиевич)	48

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семенова А. Л., Иванова Д. Н. «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» – первое новгородское советское издание	60
Стровский Д. Л. Еврейская тема в советской журналистике. Субъективные заметки о времени, авторах и их героях	73

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Ершов Ю. М. Крымский передел [Рецензия на книгу: СМИ Крыма и Севастополя в медиасистеме России: сборник статей / под ред. Д. В. Жукова, Г. Г. Щепиловой. М.: МедиаМир, 2018. 220 с.]	128
Сведения об авторах	132

CONTENTS

CONTEMPORARY MEDIASYSTEMS

Dementieva K. V., Zetkin S. N. Orthodox media of the Republic of Mordovia: typological and unique features	5
Teplyashina A. N. New media & traditional media: competition as a trend	24

MEDIATEXT AND MEDIADISCOURSE

Vysotskaya I. V., Petrova N. E. The problem of periodization of the modern Russian media language	36
Shaykhitdinova S. K. A journalist in the discourse of media: determinism or position? (A case study of informational argument around Sergey Gurkin's interview with Svetlana Alexievich)	48

HISTORICAL STUDIES

Semyonova A. L., Ivanova D. N. <i>Izvestiya of the Novgorod Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies</i> : The first Soviet edition in Novgorod	60
Strovskiy D. L. The Jewish theme in Soviet journalism. Subjective notes about time, authors and their heroes	73

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Ershov Yu. M. Crimean Repartition. Book Review: Zhukov, D.V. & Shchepilova, G.G. (eds) (2018) <i>SMI Kryma i Sevastopolya v mediasisteme Rossii</i> [Mass Media of Crimea and Sevastopol in Russian Media System]. Moscow: MediaMir	128
Information about the authors	132

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАСИСТЕМЫ

УДК 070:271.2(470.345)

DOI: 10.17223/26188422/3/1

К.В. Дементьева, С.Н. Зеткин

ПРАВОСЛАВНЫЕ СМИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И УНИКАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

На примере разнообразного спектра православных средств массовой информации Республики Мордовия представлено современное состояние православных региональных СМИ. Анализируя сложившуюся систему, авторы предлагают функционально-типологическое описание православных медиаресурсов регионального культурно-информационного пространства, выявляют тематическую направленность изданий, формулируют ряд существенных проблем в развитии православной журналистики Мордовии.

Ключевые слова: православная региональная журналистика, православные медиаресурсы, региональное информационное пространство, средства массовой информации, типология православных СМИ

Активное развитие современного российского общества подразумевает многообразие и интенсивное преобразование всех его сторон, соответствующих им социальных институтов, а также усложнение и совершенствование их взаимодействия с широкой общественностью. Наиболее ярко и отчетливо это проявляется в становлении и функционировании тематических разновидностей журналистики, отражающих потребность различных социальных институтов в продуктивном сотрудничестве с населением – целевой и нецелевой аудиторий. При этом если некоторые тематические разновидности журналистики существовали и в советскую эпоху (спортивная журналистика, автомобильная журналистика и т.д.), то другие являются «приметой» нового времени, порождением этапа развития страны, когда были преодолены различные запреты, в том числе связанные с религией. Относительная новизна конфессиональной журналистики в России и главным образом журналистики православной, поскольку основная масса изданий такого плана относится к православным медиаресурсам, обуславливает ее недостаточную изученность сегодня и прежде всего в

ее региональном формате, ставя перед исследователями в качестве одной из приоритетных задач ее подробное аналитическое рассмотрение и функционально-типологическое описание. При этом нельзя констатировать полное отсутствие внимания к православным СМИ: ведутся дискуссии о правомерности и параметрах их выделения в самостоятельный сегмент современной российской журналистики, его границах, функциональной направленности и т.д., однако до формирования целостного и полного о нем представления пока еще далеко. Еще более сложная ситуация складывается с православными региональными СМИ, которые как особое явление в современной медиасреде подробно практически не изучались, не считая отдельных наблюдений ряда исследователей относительно развития православной журналистики в том или ином регионе без учета общих и уникальных тенденций в функционировании [1–4].

В Республике Мордовия религиозная жизнь и деятельность Русской православной церкви изучалась в разных аспектах и в разные временные периоды [5–7]. Так, в статье А.К. Моисеева «Межконфессиональный диалог как основа действующей религиозной политики региона (на примере Республики Мордовия)» рассмотрена проблема координации и взаимодействия органов власти республики, правоохранительных и иных органов, заинтересованных в совершенствовании межконфессиональных отношений, а особое внимание уделено взаимодействию властных структур с нетрадиционными конфессиями [8]. Конфессиональная пресса в регионе в целом изучалась в рамках отдельных работ [9–11]. Например, в статье В.И. Антоновой аргументируется предметно-функциональная сущность конфессиональных СМИ, их роль в процессе формирования нравственных ориентиров региональной молодежной аудитории [9].

Тем не менее глубокого комплексного анализа православных СМИ проведено не было. Таким образом, не осмыслена их роль в современном медиaprостранстве региона, не выявлены их типология и функции.

Православные медиаиздания Республики Мордовия по территориальному признаку / широте распространения относятся к региональным, что во многом обуславливает такие их уникальные характеристики, как:

- непродолжительная история развития;
- малочисленность;

- преимущественная активность только печатных и интернет-СМИ при отсутствии активно функционирующих теле- и радиопроектов;
- непредставленность многих специализированных изданий Мордовской митрополии в интернет-среде, вытекающая из этого их незаинтересованность в обратной связи с читателями;
- несбалансированность различных сегментов православной журналистики (например, отсутствие в онлайн-среде изданий, учрежденных митрополией, но присутствие в интернете широкого круга изданий, посвященных православной тематике, но не относящихся к митрополии);
- сосредоточенность православной журналистики Мордовии на событиях и вопросах, актуальных именно для этого региона;
- стремление к тематической всеохватности, компенсирующей ограниченное число конфессиональных СМИ в республике;
- неразвитость информационно-аналитического направления в церковных СМИ, учрежденных митрополией, которое мы расцениваем как наиболее важное и актуальное для читателя, своего рода «мостик» между Церковью и аудиторией, имеющей множество актуальных и сложных, спорных, но требующих грамотного разбора и комментирования вопросов (частично данная задача решается лишь в СМИ, учрежденных не митрополией).

Типологическими чертами православных СМИ Мордовии мы считаем многоотемность и многофункциональность.

Рассмотрим систему православных СМИ Республики Мордовия и их характеристики подробнее.

Начало активной работы православных СМИ в Республике Мордовия непосредственно связано с моментом образования и регистрации Саранской епархии как религиозного органа в 1999 г., хотя их появление фиксируется немногим ранее. Подготовка к созданию епархии подразумевала и широкую работу с общественностью, в связи с чем было принято решение об учреждении в 1991 г. епархиального информационно-новостного издания – газеты «Саранские епархиальные ведомости», которая сейчас преобразована в журнал и носит название «Ведомости Мордовской митрополии».

За 27 лет ситуация в православной журналистике Саранска и Мордовии практически не изменилась. «Религиозного бума» не случилось, несмотря на общую популярность православной темы в региональных изданиях. Анализ системы православных СМИ в Республике

Мордовия позволяет нам выделить следующие их разновидности, в упрощенном виде повторяющие типологию всех существующих в современной России религиозных изданий [12].

К числу специализированных православных медиаизданий Республики Мордовия можно отнести, безусловно, основной печатный орган Мордовской митрополии – журнал «Ведомости Мордовской митрополии». Он содержит общую новостную информацию о религиозной жизни региона. Также нередко в нем присутствуют сочинения ученых и публицистов на религиозные темы.

Систему печатных православных СМИ, изданных при участии Саранской епархии, дополняет молодежная газета «Альфа», издаваемая МРМОО «Союз православной молодежи Мордовии». Ее можно назвать не только информационно-новостной, но и духовно-просветительской, на что указывает постоянная рубрика «Советы духовника». Существенным отличием ее от журнала «Ведомости Мордовской митрополии» является подчеркнутая ориентация на молодежные вопросы. Этим обусловлена частая публикация материалов на темы:

- духовного просвещения подрастающего поколения;
- его религиозного воспитания, прежде всего с опорой на религиозные традиции, существовавшие в дореволюционной России;
- нравственных качеств и духовных ориентиров православного человека, к осознанию и обретению которых необходимо стремиться;
- связанные с деятельностью исторических реконструкторов – «Владычного полка», члены которого также являются активными участниками православного молодежного движения в республике, а его выступления всегда собирают большое число зрителей;
- связанные с поступлением в образовательные духовные учреждения или с участием в православных лагерях, экскурсиях, паломничествах, широко организуемых мордовским духовенством и миссионерскими организациями для детей различных возрастов, испытывающих потребность в духовном общении в свободное от учебы время.

К специализированным изданиям Мордовской митрополии можно отнести и журнал «Духовная школа», выпускаемый Саранской духовной семинарией Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви. По сравнению с рассмотренными выше изданиями заметна специфика этого журнала, имеющего главным образом духовно-просветительскую и проповедническую направленность при нивелировании роли собственно новостного сегмента. Духовно-

просветительская и проповедническая направленность диктует его многотемность. В то же время используются не все существующие в журналистике жанры. Так, анализируя выпуск № 1 за 2015 г., можно отметить:

- напутствия архипастыря, официальные обращения духовенства к мирянам и священнослужителям, в том числе к будущим, по случаю каких-либо важных событий, праздников и т.д. (см., напр.: Слово Высокопреосвященнейшего Зиновия, митрополита Саранского и Мордовского, произнесенное в Саранском Духовном училище в праздник Обретения главы Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна 9 марта 2015 г.);

- проповеди (см., напр: прот. Павел Горбунов. Вход Господень в Иерусалим);

- исторические сведения и очерки (см., напр.: Сысуев Д.А. Очерк истории Свято-Предтеченской церкви города Саранска (К 215-й годовщине ее устройства));

- историко-литературные разыскания (см., напр.: Прот. Алексей Пенькевич. «Восхваления Господа» („Laudes Domini”), памятник древнехристианской латинской поэзии начала IV века;

- философско-просветительские наставления (см., напр.: Грыжанкова М.Ю. Добродетель как социальный идеал в наследии святителя Иоанна Златоуста);

- спортивную информацию (Фокин Е.Н. Культура и спорт: обзор православных новостей интернета);

- новостную отчетную информацию (см., напр.: Гордеев В.П. Поездка студентов СПДУ в Москву и Санкт-Петербург) и т.д.

Изучая тематику и проблематику материалов журнала «Духовная школа», можно констатировать тот факт, что данное издание успешно реализует практически все тематические направления, заданные его духовно-просветительской и проповеднической ориентацией, однако, к сожалению, информационно-аналитическая составляющая в нем отсутствует, что лишает его остроты, стремления работать над серьезными, животрепещущими и, возможно, спорными, дискуссионными темами, всегда привлекающими внимание и интерес самого широкого круга читателей.

Отсутствие информационно-аналитической составляющей – одна из характерных черт православных изданий Республики Мордовия, вышедших в свет при поддержке митрополии. Причины этого мы можем

усмотреть в таких моментах, как материальная незаинтересованность в читателе, низкий профессиональный уровень редакторских групп и сотрудничающих с ними авторов, аутентичность журналистской среды в епархии и т.д. При этом возможность использования аналитических жанровых форм в православных СМИ доказывают примеры других изданий, таких как «Журнал Московской Патриархии» [13–15].

Подчеркнем, что ни одно из специализированных православных медиаизданий Республики Мордовия, учрежденных митрополией, не имеет электронных версий с онлайн-доступом: широкому кругу читателей приходится либо обращаться в библиотеки, прежде всего в библиотеку Саранской епархии, что по понятным причинам весьма сложно и неудобно, либо довольствоваться архивными выпусками. Соответственно, нет и обратной связи с читателями, мнения которых могли бы содействовать совершенствованию конфессиональных медиаисточников, усилению их актуальности и ориентации на вопросы, действительно волнующие многих мирян, в том числе только вступающих на путь веры.

Наоборот, узкоспециализированные православные СМИ Республики Мордовия имеют главным образом электронное распространение. Среди них отметим постоянно обновляющие новостную информацию официальные сайты епархии и епархиальных отделов, благочиний, приходов и монастырей: сайт Саранской епархии Мордовской митрополии РПЦ, сайт Свято-Феодоровского кафедрального собора, сайт отдела по благотворительности и социальному служению, сайт миссионерского отдела, сайт епархиального отдела по культуре, сайт Центрального благочиния г. Саранска, сайт Юго-западного благочиния г. Саранска, сайт Восточного благочиния г. Саранска, сайт Южного благочиния г. Саранска, сайт Храма святых равноапостольных Мефодия и Кирилла г. Саранска с расписанием богослужений, описанием новостей приходов и т.д.

Обращает на себя внимание широкое присутствие узкоспециализированных православных СМИ Республики Мордовия в социальных сетях и других интернет-источниках. Например, Саранская епархия имеет официальную «публичную страницу» в социальной сети «ВКонтакте» под названием «Православная Мордовия. Новости (Саранск)», а также свой телеканал на видеохостинге *Youtube* «Саранская епархия», правда, с небольшим количеством подписчиков. В социальной сети «ВКонтакте» можно обнаружить официальные «публич-

ные страницы» различных молодежных движений, функционирующих при Саранской епархии и ее миссионерском отделе: «Союз православной молодежи Мордовии», «Молодежный клуб храма Кирилла и Мефодия», «Молодежное братство “Трезвение” (Саранск)», «Мультиклуб “Китеж”», «Дискуссионный клуб», Клуб «Архистратии», г. Саранск, «Инициативная группа “Доброделание”», г. Саранск, «Молодежное служение на приходе Кафедрального собора святого воина Феодора Ушакова» и др. Все это свидетельствует об активной социальной работе молодежного сегмента Саранской епархии и деятельности самой епархии в информационно-новостном направлении.

Православная тематика в светской журналистике Республики Мордовия представлена главным образом отдельными рубриками и публикациями в политематических информационно-новостных изданиях: «Известия Мордовии», «Столица С», «Вечерний Саранск», имеющих электронные версии, т.е. охватывающие еще и интернет, обеспечивающие легкий доступ для широкой аудитории, обратную связь с ней.

Стоит отметить отсутствие каких-то магистральных направлений православной тематики в светских СМИ, помимо собственно новостной составляющей, ориентированной на сообщение важной информации о будущих событиях в жизни верующих региона (организация православных выставок и других религиозных мероприятий, встреча святынь в приходах, праздничные богослужения и т.д.). Однако поскольку обращение к такого рода православной тематике в большей мере является результатом личной инициативы заинтересованных в этой теме корреспондентов, то нередко можно встретить на страницах этих изданий и материалы информационно-аналитической направленности, как мы отмечали выше, наиболее актуальные для читателей, поскольку пишутся на «злобу дня», затрагивая наиболее интересные их моменты. Так, в во время Чемпионата мира по футболу были организованы и сопутствующие ему светские мероприятия (в частности, Фестиваль болельщиков ФИФА на прихрамовой площади). В этой связи в издании «Столица С» от 21 июня 2018 г. было опубликовано интервью со священнослужителем по поводу участия верующих в этих мероприятиях, их поведении с учетом того, что данные спортивные и культурные события пришлось на середину Петрова поста, о котором забывать никак нельзя («Во время чемпионата мира по футболу жители Саранска впали в грех?!»). Именно в этом

издании имеется и специальная рубрика «Религия», включающая в себя не только, как мы видим, информационно-новостные и информационно-аналитические материалы, но и публикации социокультурной, исторической направленности (см., напр.: Краевед Сергей Бахмутов о Крещении в советском Саранске: «Многие партийные и сами погружались в холодную воду» // Столица С. 2018. 17 янв.)

Не менее активной в этом отношении выглядит газета «Известия Мордовии», в которой материалы на религиозную тематику выходят под рубрикой «Общество», однако они, как правило, исключительно новостного содержания: «В Мордовии на Никольской церкви села Сиалеевская Пятина установили новые купола» (2018. 6 июля); «В Мордовии откроют новую часовню над святым источником» (2018. 5 июля) и др.

Не приживаются в регионе радио- и телевизионные православные СМИ. Так, анонсированная на сайте Саранской епархии телепередача «Просто о главном» на 10-м телевизионном канале (ведущий – ректор Саранского духовного училища протоиерей Александр Пелин) имела всего десять выпусков, после чего закрылась. Успешным стал телепроект «Мордовская голгофа», подготовленный в рамках грантовой поддержки конкурса «Православная инициатива» телеканалом ГТРК «Мордовия», который рассказал об узниках, замученных в застенках НКВД: «...о заключенных лагеря в 30-е годы на территории Чуфаровского монастыря. Попадали туда священники, а также обычные люди за политические анекдоты, за нежелание идти в колхоз». Телепроект «Мордовская голгофа» получил поддержку мордовской митрополии («Россия. ГТРК Мордовия». 2018. 19 апр.)

В 2016–2017 гг. выходила в эфире ГТРК Мордовии радиопередача «Православная беседа» о роли православия в жизни человека с участием священников Иоанно-Богословского Макаровского мужского монастыря. Другим опытом стало православное интернет-радио «Ковчег спасения», созданное при Кафедральном соборе святого праведного воина Феодора Ушакова. В его эфире весьма недолго звучали проповеди, отрывки из Святого Писания, проводились беседы по различным вопросам, интересующим православных. Сейчас радиостанция также прекратила свое существование. При этом отдельные новостные репортажи, посвященные темам, связанным с православной жизнью региона, на всех функционирующих в республике телеканалах выходят достаточно часто и регулярно.

Активное присутствие в региональном информационном пространстве Республики Мордовия разных по принципу содержательной направленности православных изданий (и узкоспециализированных, и специализированных, и светских, затрагивающих тему православия, последние из которых указывают на вовлечение в религиозное информирование и просвещение населения светских СМИ), различный характер их деятельности (информационно-новостной, проповеднический, духовно-просветительский, социально-педагогический (образовательно-воспитательный), в меньшей мере – информационно-аналитический) и обусловленные им функции объясняют многообразие православной журналистики.

Анализ публикаций в православных СМИ Республики Мордовия позволяет выделить отдельные тематические конструкты, наиболее свойственные православной журналистике данного региона, а на их основе – тематические направления, активно реализующиеся в православных медиаресурсах. Среди них:

1. Информирование об актуальных новостных событиях в православно-религиозном поле региона, наиболее хорошо представленное в светских СМИ. Это могут быть события, связанные:

– с открытием новых храмов или их освещением, с реконструкцией уже ранее действовавших и т.д. (см., напр.: В Мордовии Никольский храм украсят золотой росписью // Известия Мордовии. 2018. 31 янв.); Николаев В. Старинный храм нуждается в обновлении (В Саранске «законсервируют» старейший в городе собор // Московский Комсомолец. Саранск. 2018. 27 апр.; Новый храм строится в Темниковском районе Мордовии // Известия Мордовии. 2018. 21 июня; В Мордовии освятили новый храм // МордовМедиа (информационный портал). 2017. 30 окт.); В Теньгушевском районе Мордовии откроется новый храм // Известия Мордовии. 2017. 31 окт.) и др. По своей жанровой природе это, как правило, новостные заметки, отличающиеся предельной сжатостью, лаконичностью в подаче информации и содержащие всего несколько строк о событии. В большинстве своем это двухчастные материалы с блоками вводной и основной или основной и дополнительной информации. Например, в заметке «В Мордовии освятили купола нового храма» читаем:

«Митрополит Саранский и Мордовский Зиновий освятил крест и купола строящегося храма в честь преподобного Сергия Радонежского в селе Атьма Ромодановского района. Его Высокопреосвященству сослужили

секретарь Саранской епархии, клирики Свято-Феодоровского кафедрального собора» (блок основной информации).

«Напомним, первая встреча и обсуждение вопросов закладки и строительства будущего храма с жителями села состоялась летом 2014 года. Менее чем за две недели была подготовлена строительная площадка и залит фундамент храма» (блок дополнительной информации) (Известия Мордовии. 2017. 25 февр.)

Дополнительная информация служит средством воссоздания цепочки событий, связанных с данной новостью, формирования о них более полного представления у читателя, создания ощущения наблюдения буквально «своими глазами» за возведением новой святыни в Мордовии, которая в будущем, несомненно, станет средоточием духовной жизни целого поселения, пополнит копилку святынь республики и сделает свой посильный вклад в возрождение православия на нашей земле.

Реже структура подобного рода новостной заметки может быть трехчастной, включать, помимо обозначенных выше, третью часть, содержащую комментарий компетентного в освещаемом вопросе лица; например, в материале «В Мордовии освятили новый храм» читаем:

«Чин освящения храма в честь Казанской иконы Божией Матери совершил митрополит саранский и мордовский Зиновий. Напомним, что его возведение началось несколькими годами ранее. Владыка приехал в село Ключарево Рузаевского района. После освящения глава митрополии возглавил в новой церкви божественную литургию.

“После богослужения архиерей обратился к сельчанам, которые отныне смогут вести полноценную церковно-приходскую жизнь, с поздравлениями. Также митрополит Зиновий отметил епархиальными наградами потрудившихся в деле строительства храма в Ключарево”, – отметили в пресс-службе Саранской епархии» (МордовМедиа (информационный портал). 2017. 30 окт.);

– с прибытием в действующие храмы различных святынь из других городов России и даже зарубежья. Например, в 2011 г. практически все информационные источники Мордовии, включая сайты приходов и монастырей, светские издания, а также издания Мордовской митрополии, были наполнены новостными сообщениями о прибытии в Саранск Пояса Пресвятой Богородицы из афонского монастыря (В Саранск прибывает уникальная святыня – Пояс Богородицы // Ве-

черний Саранск. 2011. 2 нояб.; В Саранск привезут Пояс Богородиц // Новостной портал «МордовМедиа». 2011. 5 окт. и др.). Новостные заметки данной тематической направленности в итоге сложились в широкомасштабную информационную кампанию, цель которой заключалась в оповещении о будущем событии всех жителей республики и соседних регионов, желающих помолиться святыне.

О других подобных событиях информационных заметок публикуется намного меньше (В Саранск прибыла частица Креста Господня // Столица С. 2017. 27 сент.; Козлова А. В Саранск прибудет Распятие с частицей Креста Господня // СаранскБезформата.ру. 2017. 26 сент.; Ефремов А. В Мордовию привезли подлинную частицу Креста Господня // Известия Мордовии. 2017. 26 сент. и др.).

Менее значительные события, разумеется, привлекают и меньше внимания, однако вереница новостных сообщений прослеживается практически всегда – в данном случае светские и специализированные СМИ работают в продуктивном тандеме. При этом если светские СМИ в подаче новостной информации, связанной с религией, придерживаются в большей мере перспективной формы подачи материала (т.е. речь идет о будущих событиях), то специализированные СМИ – ретроспективной (хроникальной) формы (т.е. речь идет об уже прошедших событиях в виде отчета). Об этом можно судить, например, исходя из рубрик «Ведомостей Мордовской митрополии»: «Из хроник Главы Мордовской митрополии», «Итоги» (в предрождественском выпуске за 2017 г. под этой рубрикой опубликован материал «В Иоанно-Богословском Макаровском монастыре прошло итоговое годовое собрание духовенства Саранской епархии»).

Приведем примеры и других публикаций из этого выпуска, демонстрирующих ретроспективную форму подачи новостной информации: «Столетие органов ЗАГС России (В Саранске состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию органов ЗАГС Российской Федерации)» (рубрика «Дата»); «Рождественские образовательные чтения “Нравственные ценности и будущее человечества” (С 8 по 10 декабря 2017 года на нескольких площадках города Саранска и Республики Мордовия прошли региональные Рождественские образовательные чтения на тему “Нравственные ценности и будущее человечества”)); «Молодежное служение: “Наша задача – открыть молодым людям истинность и красоту православия” (С 10 по 11 декабря 2017 года в Саранске на базе Паломнического центра Иоанно-

Богословского Макаровского мужского монастыря прошел III Межрегиональный обучающий форум для руководителей православного молодежного движения Приволжского федерального округа “Пересвет”)» и др.

Такой же подход к работе над актуальной новостной информацией присутствует и в узкоспециализированных СМИ (например, на сайтах приходов и благочиний г. Саранска). Однако в отличие от светских СМИ здесь часто применяется более развернутая и эмоциональная подача материала, поэтому на смену новостным заметкам приходят отчеты и репортажи (см., напр.: Они служат нам образцом... (об открытии фотовыставки «Святые царственные страстотерпцы – идеал христианской семьи», подготовленной Северо-Западным благочинием г. Саранска и епархиальной комиссией по вопросам семьи, защиты материнства и детства // Ведомости Мордовской митрополии, 2017. Предрождественский выпуск). Заметен большой синкретизм при реализации собственно информирующей и духовно-просветительской функций православной журналистики;

– с проведением различных мероприятий и акций, организуемых миссионерскими организациями. Как правило, такая новостная информация репрезентируется в виде небольших сообщений-объявлений в социальных сетях – на «публичных страницах» миссионерских организаций, т.е. в узкоспециализированных СМИ:

«Дорогие друзья! Нужны добровольцы для расчистки завалов после урагана на месте святого источника Казанской иконы Божией Матери. Сбор добровольцев состоится в четверг, 5 июля, в 14.00 возле храма Казанской иконы Божией Матери на Светотехстрое. С собой нужно будет взять топоры, ножовки и бензопилы (если есть). Очень просим помочь!» (сайт «ВКонтакте», «Миссионерский отдел Саранской епархии», 4 июля 2018 г.);

«Доброго всем утра! Дорогие наши друзья, мы сейчас проводим акцию ко Дню защиты детей! Совместно с молодежным клубом при Храме Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия мы решили собрать помощь по силам для нашего Гуманитарного склада» (сайт «ВКонтакте», «Молодежный клуб храма Кирилла и Мефодия», 4 июля 2018 г.) и др.

2. Историко-культурное информирование, предусматривающее:

– сообщение региональной историко-культурной информации – различных историко-культурных сведений об известных православных святынях и храмах региона, рассказ о личностях, задействован-

ных в строительстве или реставрации, росписи храмов и т.д. Данное тематическое направление является не особо популярным ни в специализированных, ни в светских СМИ, однако неизменно присутствует на их страницах как элемент историко-культурного просвещения и воспитания патриотизма, любви к родной земле – своей «малой родине», важность чего вполне осознают совершенно разные по принципу содержательной направленности издания. Например: Каким мог быть собор Ушакова: нереализованный проект главного храма Мордовии // Известия Мордовии. 2017. 27 февр.); «Тайна сохраняется до сих пор! (В Иоанно-Богословском храме хранится уникальная Владимирская икона Божией Матери. У одной из самых чтимых реликвий оказалась непростая судьба) // Столица С. 2016. 20 нояб.); Зеткина И.А. Школьное просвещение нерусского населения Мордовского края во второй половине XVI–XVIII вв. // Духовная школа. 2015. № 2; Зотова В.Д. Наш храм (О возрождении религиозной жизни в Мордовии в 1990-х годах XX столетия) // Духовная школа. 2015. № 2); Иконописец из Саранска, расписавший 40 храмов, отметил юбилей // Саранск.13.ru (новостной портал). (дата обращения: 6 февр. 2018 г.);

– сообщение общей историко-культурной информации: сведений о величайших христианских святых и их духовном опыте, наставлениях, православных праздниках, свойственное только специализированным и узкоспециализированным изданиям. Как правило, такие публикации приурочены к определенным календарным датам (см., напр.: Прот. Алексей Зверев. Покаяние и молитва: нравственно-аскетические воззрения святого преподобного Марка Подвижника // Духовная школа. 2015. № 2; Слово Высокопреосвященнейшего Зиновия, митрополита Саранского и Мордовского, произнесенное в Саранском Духовном училище на Пасхальной Вечерне (13 апреля 2015 г.) // Духовная школа». 2015. № 2; Прот. Павел Горбунов. Вознесение Господне (проповедь) // Духовная школа. 2015. № 2 и др.).

Обращает на себя внимание представленность большинства информационно-жанров данного тематического направления: среди отмеченных материалов примеры и новостных заметок, и интервью (в светских СМИ), и докладов, и воспоминаний, и проповедей (в том числе похвальных слов), и наставлений (на что нередко указывается в подзаголовке публикаций).

3. Проблематизация различных вопросов духовной жизни, свойственная прежде всего светским СМИ (например: Во время чемпио-

ната мира по футболу жители Саранска впали в грех?! // Столица С. 2018. 21 июня). В этой публикации речь идет о необходимости выбора православными мирянами взвешенного поведения во время празднеств, приуроченных к спортивному первенству, поскольку его проведение совпало со сложным периодом в жизни верующих – Петровым постом. Как было отмечено выше, материалы подобного характера в православной журналистике Республики Мордовия встречаются достаточно редко.

4. Обмен личным духовным опытом (в форме воспоминаний, дневниковых записей, литературно-художественных материалов, эссе), присутствующий на страницах специализированных православных изданий, прежде всего журналов «Ведомости Мордовской митрополии», «Духовная школа» и газеты «Альфа» (см., напр.: Кажав В.Г. Моя служба в армии // Духовная школа. 2015. № 2; Прот. Алексей Пенькевич. Письма с фронта // Там же; Большаков Д. Размышления прихожанина // Там же; Дунин С. Светильник под спудом // Духовная школа. 2015. № 2 и др.). В таких материалах присутствует проповедническая составляющая, поданная сквозь призму исключительно личных воззрений и эмоциональных переживаний; авторы обращаются к читателю на простом языке обычного мирянина. В некоторых случаях подобная тематика прослеживается и в материалах светских СМИ, но облеченная в форму интервью, она теряет ощущение камерности и доверительности общения, ввиду чего мы можем ее назвать уникальной для специализированной православной журналистики Республики Мордовия.

Анализ тематических направлений православной журналистики Республики Мордовия на основе изучения публикаций в узкоспециализированных, специализированных и светских СМИ различного характера (информационно-новостного, информационно-аналитического, духовно-просветительского, проповеднического, историко-культурного и литературно-художественного) позволил выделить:

– тематические направления, широко представленные во всех СМИ при выборе разной подачи и разных жанровых форм: а) информирование об актуальных новостных событиях в православно-религиозном поле региона, связанных с открытием новых храмов или их освещением, реконструкцией уже ранее действовавших и т.д., с прибытием в действующие храмы различных святынь из других городов России и даже зарубежья; б) историко-культурное информирова-

ние, предусматривающее сообщение региональной историко-культурной информации об известных православных святынях и храмах региона, рассказ о личностях, задействованных в строительстве или реставрации, росписи храмов;

– тематические направления, представленные преимущественно в специализированных СМИ: а) на «публичных страницах» молодежных миссионерских организаций: информирование об актуальных новостных событиях в православно-религиозном поле региона, связанных с проведением различных мероприятий и акций; б) в изданиях Мордовской митрополии: историко-культурное информирование о величайших христианских святах и их духовном опыте, наставлениях, православных праздниках; обмен личным духовным опытом;

– тематические направления, обозначенные главным образом в светских СМИ: проблематизация различных вопросов духовной жизни.

Дифференциация и специфика репрезентации этих направлений сопряжены с особенностями и целевыми установками тех или иных изданий (например, информировать общественность о грядущих событиях, что важно для светских СМИ, работающих с актуальной новостной информацией, или, наоборот, констатировать факт проведения тех или иных мероприятий, создавая определенное общественное мнение о деятельности РПЦ, что важно для специализированных СМИ). Более того, существенными оказываются и стилевые доминанты изданий, в частности недопустимость открытого проповедничества в светских СМИ, ориентированных на совершенно иную манеру подачи информации с целью ее своевременного сообщения, а не развития религиозного сознания читателей, что свойственно специализированным православным медиаресурсам.

Таким образом, анализ уникальных и типологических характеристик православных СМИ Республики Мордовия позволил нам не только структурировать их систему, обозначив диспозиции «интернет – печатное», «узкоспециализированное – специализированное – светское», но и выявить ряд существенных проблем в развитии православной журналистики Мордовии, связанных, на наш взгляд, с отсутствием у нее информационно-аналитического направления, множества высокопрофессиональных журналистов, с высокой степенью аутентичности изданий, учрежденных Мордовской митрополией. Однако мы имеем дело с молодой православной журналистикой, которая в будущем способна преодолеть существующие проблемы и сложности.

Литература

1. Гулюк Л.А. Православный медиадискурс региональной периодики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 9. С. 288–296.
2. Дымова И.А. Вероучительная проблематика православной интернет-публицистики: языковой и стилистический аспекты // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2017. № 2. С. 122–128.
3. Иванова Т.Н. Современная русская православная периодическая печать: типология, основные направления, жанровая структура : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 175 с.
4. Иванова Т.Н. Функции современных российских православных миссионерских изданий // Журналистика и культура : сб. научных статей I Международной научно-практической конференции (г. Пенза, декабрь 2014 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 14–15.
5. Мокина Е.Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2003. 247 с.
6. Моисеева Е.Н. Система социального служения Русской православной церкви в регионе : дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2010. 187 с.
7. Власенко Д.В. Конфессиональная ситуация в Мордовии в 1990-е – первой половине 2010-х гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2016. 22 с.
8. Моисеев А.К. Межконфессиональный диалог как основа действующей религиозной политики региона (на примере Республики Мордовия) // Вестник Чуваш. ун-та. 2010. № 2. С. 63–69.
9. Антонова В.И. Конфессиональная журналистика как средство формирования нравственных ориентиров молодежной аудитории Поволжского региона // Интеграция образования. 2006. № 2. С. 91–95.
10. Кузюткин М.А. Религиозная тематика в республиканских СМИ (на примере еженедельной газеты «Столица С») // Огарёв-online. 2017. № 6 (95). С. 6.
11. Меринова Д.А. Особенности освещения религиозной тематики в региональной прессе (на примере материалов СМИ Республики Мордовия) // XLVI Огаревские чтения: материалы научной конференции : в 3 ч. Гуманитарные науки. 2018. С. 115–119.
12. Бакина О.В. Современная православная журналистика России. Киров : КФ МГЭИ, 2003. 224 с.
13. Нравственные ценности – основа единства мультикультурного общества // Журнал Московской Патриархии. 2018. № 3. С. 20–25.
14. Корытко О. Работа и служение // Журнал Московской Патриархии. 2018. № 3. С. 54–62.
15. Касмауль С. От (аз) до (буки) // Журнал Московской Патриархии. 2017. № 5. С. 86–88.

ORTHODOX MEDIA OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA: TYPOLOGICAL AND UNIQUE FEATURES

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 5–23.

Kseniya V. Dementieva, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

E-mail: dementievakv@gmail.com

Sergey N. Zetkin, Saransk diocese (Saransk, Russian Federation).

E-mail: serzet@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/3/1

Keywords: Orthodox church regional journalism, Orthodox media resources, regional information space, mass media, typology of Orthodox mass media.

Orthodox media publications of the Republic of Mordovia on a territorial basis / distribution area belong to regional ones; therefore, they have their own unique features. The authors consider the multi-topicality and multi-functionality to be the typological features of the Orthodox media of Mordovia.

The lack of the information and analytical component is one of the characteristic features of the Orthodox journalism of the Republic of Mordovia established by the metropolis. The authors see the reasons for this in the material disinterest in the reader, the low professional level of editorial groups and journalists collaborating with them, etc.

The authors emphasize that none of the specialized Orthodox media titles of the Republic of Mordovia has electronic versions with online access. On the contrary, highly specialized Orthodox media of the Republic of Mordovia are mostly distributed electronically. Highly specialized Orthodox media of the Republic of Mordovia are widely presented in social networks and other Internet sources.

Orthodox themes in the secular journalism of the Republic of Mordovia are discussed in separate sections or publications in polythematic news editions. At the same time, radio and television Orthodox media do not survive in the region.

The study of the thematic areas of Orthodox journalism of the Republic of Mordovia based on the study of publications in highly specialized, specialized and secular media of various kinds has shown:

- thematic areas that are common for all media with different presentation and genre forms: a) informing about the current news in the Orthodox religious field of the region: opening of new churches or their dedication, reconstruction of old ones, arrival of sacred things from other Russian cities and from abroad in the operating temples; b) historical and cultural information about famous Orthodox saints and temples of the region, stories about people involved in the construction, restoration, painting of temples;

- thematic areas common for specialized media: a) the “public pages” of youth missionary organizations inform about current news in the Orthodox religious field of the region related to the holding of various events and actions; b) the Mordovian Metropolis publishes historical and cultural information about the greatest Christian saints and their spiritual experience, instructions, about Orthodox holidays, stories of personal spiritual experiences;

- thematic areas common for secular media: the problematization of various issues of spiritual life.

References

1. Gulyuk, L.A. (2013) Pravoslavnyy mediadiskurs regional'noy periodiki [Orthodox media discourse of regional periodicals]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law.* 9. pp. 288–296.
2. Dymova, I.A. (2017) Doctrinal issues of Orthodox internet-journalism: language and style aspects. *Vestn. Orenburg. gos. un-ta – Vestnik of the Orenburg State University.* 2. pp. 122–128. (In Russian).
3. Ivanova, T.N. (2003) *Sovremennaya russkaya pravoslavnaya periodicheskaya pechat': tipologiya, osnovnyye napravleniya, zhanrovaya struktura* [Modern Russian Orthodox periodicals: typology, main directions, genre structure]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
4. Ivanova, T.N. (2014) [Functions of modern Russian Orthodox missionary publications]. *Zhurnalistika i kul'tura* [Journalism and culture]. Proceedings of the I International Conference. Penza. December 2014. Penza: Penza State University. pp. 14–15. (In Russian).
5. Mokshina, Ye.N. (2003) *Religioznaya zhizn' mordvy vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI veka* [Religious life of the Mordovians in the second half of the 19th – early 21st centuries]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo.
6. Moiseyeva, Ye.N. (2010) *Sistema sotsial'nogo sluzheniya Russkoy pravoslavnoy tserkvi v regione* [The system of social service of the Russian Orthodox Church in the region]. Philosophy Cand. Dis. Saransk.
7. Vlasenko, D.V. (2016) *Konfessional'naya situatsiya v Mordovii v 1990-ye – pervoy polovine 2010-kh gg.* [The confessional situation in Mordovia in the 1990s – the first half of the 2010s]. Abstract of History Cand. Dis. Saransk.
8. Moiseyev, A.K. (2010) Interfaith dialogue as a basis of an operating religious policy of region (the example of the Republic of Mordovia). *Vestn. Chuvash. un-ta – Bulletin of the Chuvash University.* 2. pp. 63–69. (In Russian).
9. Antonova, V.I. (2006) *Konfessional'naya zhurnalistika kak sredstvo formirovaniya npravstvennykh oriyentirov molodezhnoy auditorii Povolzhskogo regiona* [Confessional journalism as a means of forming moral guidelines for the youth audience in the Volga region]. *Integratsiya obrazovaniya.* 2. pp. 91–95.
10. Kuzyutkin, M.A. (2017) Religion coverage in local mass media: a study of the weekly newspaper “Stolica S”. *Ogarev-online.* 6 (95). pp. 6. (In Russian).
11. Merinova, D.A. (2018) [Features of religious topics coverage in the regional press (on the example of media materials of the Republic of Mordovia)]. *XLVI Ogarevskiy chteniya* [XLVI Ogarev Readings]. Proceedings of the Conference. In 3 parts. Pt. 3. Saransk: Mordovia State University. pp. 115–119. (In Russian).
12. Bakina, O.V. (2003) *Sovremennaya pravoslavnaya zhurnalistika Rossii* [Modern Orthodox journalism in Russia]. Kirov: KF MGEI.

13. Patriarch Kirill of Moscow. (2018) *Nravstvennyye tsennosti – osnova yedinstva mul'tikul'turnogo obshchestva* [Moral values are the basis of the unity of a multicultural society]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 3. pp. 20–25.

14. Korytko, O. (2018) *Rabota i sluzheniye* [Work and ministry]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 3. pp. 54–62.

15. Kasmaul', S. (2017) *Ot (az) do (buki)* [From (a) to (b)]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 5. pp. 86–88.

УДК 070.4

DOI: 10.17223/26188422/3/2

А.Н. Тепляшина

НОВЫЕ МЕДИА & ТРАДИЦИОННЫЕ СМИ: КОНКУРЕНЦИЯ КАК ТРЕНД

Автор рассматривает конкуренцию со стороны интернет-изданий как вызов журналистике. В статье уделяется серьезное внимание динамике, тенденциям развития и отличительным признакам блогов как новых медиаформ. Рассматриваются такие аспекты, как интерактивность, гипертекстуальность, мультимедийность, эффективное воздействие на молодежь. В статье предлагается рассматривать блоги в контексте комплексного понимания интернета, прежде всего в плане возможности СМИ использовать его пространство в качестве анонса и продвижения контента.

Ключевые слова: медиаформы, жанрообразование, онлайн-издания, офлайн, сетевые медиа, интернет-СМИ, информационная эпоха

В условиях жесткой конкуренции со стороны интернет-изданий традиционные медиа как никогда должны четко представлять интересы своих читателей, иметь перед глазами картину релевантности, чтобы понимать, через какие темы возможно наиболее эффективно воздействовать, социализировать личность. Таким образом, становится очевидным, что выход на реципиента должен быть релевантным его ценностным установкам, мировоззрению.

Чтобы обеспечить надежный контакт и гарантировать обратную связь, журналисты должны работать в той сфере бытия и оперировать теми понятиями, которые интересны аудитории. В этом смысле, с точки зрения новых возможностей для развития традиционных печатных СМИ, и представляется необходимым изучать самостоятельное творчество в социальных сетях. Сегодня интернет является эффективным и самым массовым способом передачи информации. Более того, сетевое пространство стало некой жанрообразующей субстанцией, которая породила новые медиаформы, прежде всего, блоги.

Традиционно восприимчивые к технологическому прогрессу и политическим изменениям современные медиасистемы отличаются динамизмом. Скорость, с которой интернет завоевывает массовую ауди-

торию, для истории средств коммуникации и информации беспрецедентна. Прошло 38 лет, прежде чем американское радио собрало аудиторию в 50 млн человек. Телевидение прошло этот же путь за 14 лет. Интернету понадобилось только 4 года, чтобы число его пользователей в США достигло такого же количества – 50 млн человек [1. С. 11–14].

К ряду ключевых слов, имеющих, как интернет, почти столь же обязательное место в современных дискуссиях о будущем медиа, относится конвергенция. Это понятие стало синонимом магистральных преобразований в пространстве СМИ. Центральное место конвергенции в современных дискуссиях о трансформациях информационно-коммуникационной сферы объясняется его полисемичностью и многоплановой интерпретацией. Конвергенция является процессом, который в ближайшее десятилетие может полностью изменить не только систему средств массовой информации и коммуникации, но и различные, связанные с ними, индустрии. Ближайшим к конвергенции понятием является слияние. В разных случаях речь идет о разных процессах, но при этом их суть самым точным образом передается именно этим понятием.

Во-первых, это слияние технологий, которое позволяет разным техническим носителям – кабельным или телефонным сетям, беспроводной спутниковой связи – доставлять информацию пользователю или потребителю. В основе технологической конвергенции медиа лежит процесс дигитализации, перевода содержания в цифровую форму, позволяющий «уравнивать» вербальный материал и движущееся изображение. Цифровой формат контента позволяет осуществлять его распространение в различных формах вне зависимости от конкретной индустрии СМИ и технологических платформ. Технологическая конвергенция предполагает также, что интерактивность становится одной из важнейших составляющих современной коммуникации. В конечном результате технологическая конвергенция ведет к миниатюризации техники.

Во-вторых, конвергенция – это слияние прежде разноплановых и разобщенных медиа, в результате чего становится трудно определить, о каком же конкретно средстве идет речь. Радио в интернете, энциклопедия Британика на компакт-диске, видеофильм по каналу кабельного ТВ или электронное рекламное сообщение, принятое миниатюрным гаджетом, выполняющим большинство функций персонального компьютера.

Передача функций от одних СМИ к другим, «перемена ролей» каналов коммуникации, возможность получать одинаковые содержательные продукты разными средствами – все это радикально меняет прежние представления о каналах коммуникации и информации. Сближение разнообразных СМИ, производство общих для дифференцированных каналов информационных продуктов ведет к появлению новых интегрированных жанров. Продуктом информационной эпохи стал инфотейнмент, эпоха интернета создала эдютейнмент, индивидуализированные каналы современной информации породили инфорториал (information + editorial).

Общие теоретические подходы к феномену массовой коммуникации изложены в работах Д.П. Гавры, Л.Н. Федотовой, Ф.И. Шаркова, М.М. Назарова [2–5]. Исследователи медиаландшафта предпринимают попытки определить место интернет-журналистики в системе массовых коммуникаций, рассматривают особенности сетевых изданий, их жанров, вопросы организации и аспекты деятельности. Большое внимание уделено гипертексту как способу представления информации в Сети.

Исследуемые в данной статье медиаформы можно считать относительно новым явлением в массовой коммуникации. Именно по этой причине пока не насчитывается много научных трудов по этой теме. Основные работы принадлежат перу зарубежных представителей интернет-индустрии (разработчиков программного обеспечения, владельцев интернет-ресурсов и т.д.), а не медиаисследователей. Среди них выделяются Тим Орейли, Рихард Мюнх, Роберт Скобл и Шела Израэль [6–8]. Эти авторы фактически создали терминологию блогосферы, включая такие термины, как «Web 2.0» и «user-generated content». Они изучили интернет-среду с экономической, социологической и идеологической точек зрения, обозначив главные аспекты влияния интернета на постиндустриальное общество. Большинство работ написано на английском языке и никогда на русский не переводилось. Отечественные авторы пошли еще дальше, и стали рассматривать блоги как инструмент влияния бизнеса на потребителя [9].

Как показывает практика последних лет, традиционные методы обратной связи с читателями (письма читателей, телефонные звонки в редакцию, встречи с читателями), безусловно, полезны, но не достаточны вследствие низкой оперативности. Упуская обратную связь с аудиторией, пресса теряет свой престиж в обществе. Таким образом,

становится очевидным, что СМИ нуждаются в новых подходах для ускорения развития. Назовем эти подходы стимулирующими и отнесем к ним активное использование блогов для более эффективного общения с аудиторией.

Для того чтобы выявить, в какой степени новые медиа могут повлиять на развитие журналистики (в первую очередь печатных СМИ), необходимо выяснить, в каком положении пресса сейчас находится и как справляется со своими задачами в условиях коммуникационного общества и глобализации информационных потоков.

Журналистика является своеобразным коммуникатором, обеспечивающим обмен мнениями внутри общества, конструктивный диалог. За счет активизации мнений, актуальности публикаций журналистика привлекает людей к интересам общества, придавая их мышлению масштабный характер и способствуя процессу социализации личности, ее стремлению к идеалам гражданского общества. Если журналистика перестает выполнять свою задачу адекватного информирования общественности, она перестает существовать как общественный институт. Таким образом, можно сказать, что цель журналистики заключается в политическом ангажировании реципиентов, моральной идентификации личности. И в ходе реализации своей функции журналистика оказывает морально-политическое влияние на общество.

Для того, чтобы журналистика выполняла свою главную функцию, необходимо адекватно отражать реальную картину. Путь к адекватности текста пролегает через соразмерную действительности идентификацию социального масштаба факта и правдивость в его подаче, которая, в свою очередь, опирается на точность фактографии, требующую указаний на все стороны и детали, необходимые для характеристики факта. Неадекватное отражение информации, в свою очередь, порождает мифы, которые чаще всего используются для манипулирования читателем. Конфликтотенность взаимосвязей прессы и общества обусловлена моральным, экономическим, политическим несовершенством социума, который не в полной мере осознает необходимость той степени независимости и свободы СМИ, без которой невозможно реализовать функцию самостоятельного посредника и стимулятора жизненно важных массовых коммуникационных процессов.

К сожалению, в связи с расширением роли публичной коммуникации в современном обществе журналистика все чаще становится похожей на инструмент продвижения чьих-либо интересов. Политиче-

ские партии, государственные служащие, частные фирмы и общественные организации зачастую воспринимают СМИ как площадку для продвижения собственного бренда. При этом экономические факторы подталкивают журналистику к роли агентства по сдаче в аренду своих «сценических площадок».

Заинтересованные арендаторы постоянно увеличивают свои рекламные и «пиаровские» бюджеты, в тоже время сами СМИ нуждаются во все больших доходах от рекламы, поскольку в конкурентной борьбе за внимание публики приходится затрачивать все большие средства, которые не окупаются таким же ростом доходов, получаемых непосредственно от публики (подписчиков и покупателей печатных изданий). Поэтому растет зависимость СМИ от рекламодателей. Рекламодатели же предпочитают давать деньги тем СМИ, которые способны за счет интересных проектов поддерживать у целевой аудитории активные потребительские настроения [8].

Между тем только истинно независимая журналистика способна безотносительно к политической и экономической конъюнктуре ориентироваться на сверхзадачи, решение которых необходимо для выживания человека и сохранения среды, в которой он социализируется. Поскольку целевая аудитория, как часть всего массива потенциальных реципиентов, в условиях коммерциализации прессы и конкуренции СМИ выступает на рынке в роли совокупности свободных покупателей информационного продукта, существенным условием коммуникативного воздействия журналистского текста на читателя становится идентификация реципиентной среды. Под реципиентной средой понимается вся совокупность потенциальных потребителей журналистской продукции, способных воспринимать информацию. Часть реципиентов, реально потребляющих информационный продукт конкретного СМИ, составляет его аудиторию. Состав аудитории – величина переменная, но в любом случае она вербуеться из реципиентной среды в рамках определенного информационного и рыночного пространства.

Идентифицировать аудиторию будущего журналистского произведения – означает прогнозировать особенности ее субкультуры, количественные и качественные параметры, ее интеллектуальный, ментальный и концептуальный профиль. Освоить данную целевую аудиторию – значит при создании текста учесть ее требования к информации с точки зрения актуальности, новизны, истинности содержания и выра-

зительности формы. Необходимо точно знать, каковы интересы аудитории. Понимание этого вопроса и дают новые медиаформы (блоги).

Редакциям необходимо качественно изменить форму контакта с читателем, стать ближе. Доступность новых технологий позволяет говорить о том, что информация теперь доступна всем. Таким образом, под эффективной работой СМИ сегодня подразумевается грамотно организованный информационный поток, который не может существовать без эффекта обратной связи. Как журналисты, так и читатели стали частью чего-то нового в процессе производства газеты. Можно констатировать, что читатели, использующие интерактивные инструменты коммуникации (блоги, вики-страницы), узнают о новостях быстрее, чем журналисты. И в этой ситуации репортеры могут воспользоваться инструментами массовой журналистики, что даст возможность бороться с тотальной коммерциализацией СМИ и достичь результатов обратной связи.

Аудитория, до этого пассивно потреблявшая информацию, теперь может вливаться в процесс журналистской деятельности, помочь наладить массовую коммуникацию. Интерактивные способы взаимодействия с аудиторией являются приоритетными для СМИ, именно они представляют взаимодействие будущего. Блоги, социальные сети будут играть определяющую роль в дальнейшем развитии отношений между читателями и СМИ.

Как известно, гиперссылки разрушают иерархию. Эта особенность виртуального общения позволяет любому читателю, обладающему доступом в интернет, вступить в контакт с редакцией, оставить комментарий или пожелание на официальном сайте издания или же разместить в своем блоге запись, которая может стать информационным поводом для СМИ. В этом смысле самой интересной характеристикой блогов является не только то, что они – новый источник информации, но и то, что они могут частично изменить подход к информационному процессу. Многие считают блоги более демократичной площадкой по сравнению с площадками авторитетных печатных СМИ, поскольку они обеспечивают моментальную передачу персонализированной реакции на любую тему любым человеком, у которого есть для этого технологические возможности.

Цитирование надежных авторов блогов (экспертов, очевидцев событий) в газетных статьях стало обычной журналистской практикой. Такие авторы являются специалистами в определенных областях или

«обозревателями на местах», способными предоставить информацию или комментарий с места событий, недоступного журналисту, ограниченному пространством и временем. По мере развития блогосферы возможно возникновение символической зависимости журналистики от блогеров, причем такая зависимость будет выгодна для обеих систем, взаимно их обогащая.

Вероятней всего, блоги не станут источником самой актуальной информации, но среди профессионалов сложилось общее мнение, что они станут значимой силой и что традиционным изданиям жизненно необходимо адаптироваться к новым условиям. Эксперты The Media Center более 10 лет назад прогнозировали, что развитие блогов будет и в дальнейшем развивать модели традиционных СМИ [10]. Сетевые журналы фрагментируют аудиторию, как ничто другое, поэтому основная проблема издательских компаний не в перестройке работы журналистов, а в перестройке моделей ведения бизнеса с тем, чтобы обслуживать аудитории, распределенные между миллионами поставщиков информации, нацеленных на удовлетворение частных интересов. Их влияние уже ощущается. Ожидается диверсификация блогов за счет появления их фото- и видеOVERсий. Редакторам придется управлять работой газет с учетом присутствия этой новой силы в информационном процессе [11].

Коллективная журналистика, представленная блогами и откликами читателей, пользуется тем, что многие считают главной возможностью, предоставленной интернетом, возможность связаться с беспрецедентно большим количеством людей, находящихся в разных частях планеты. «Новые технологии создают новые медиа, которые, меняя способы распространения и потребления информации, радикальным образом преобразуют использование информации обществом. Инновации в информационных технологиях перенесли мир в эпоху демократических СМИ, когда почти каждый человек может немедленно получить доступ к новостям и информации и стать создателем и участником того или иного журналистского замысла» [10]. Сегодня имеет значение возможность блогов дополнять контент традиционных СМИ, предоставляя новые способы обратной связи с аудиторией и, как следствие, формирование портрета современного читателя.

Причины необходимости изучения новых интерактивных форм контакта редакции с читателем понятны. Люди хотят и должны иметь источники информации, которым можно доверять. До недавнего времени

этими источниками были только статьи серьезных журналистов. Сегодня к ним добавились блоги политиков, экспертов, очевидцев событий. В этом видится актуальность проблемы «обратной связи». Однако проблема использования новых медиаформ, под которыми понимаются блоги, не означает, что традиционные СМИ (пресса, радио, телевидение, мультимедиа/интернет) не оправдали себя. В настоящее время учебные заведения сталкиваются с необходимостью готовить журналистов, обладающих достаточной эрудицией, знаниями, технической грамотностью, чтобы суметь понять и объяснить все более сложные переплетения различных проблем, возникающих в мире. Нужны журналисты, способные выйти из узких профессиональных рамок и умеющие не только пользоваться новыми средствами коммуникации с читателями, но и прислушиваться к их мнениям и суждениям. Лишь при этих условиях журналистика уцелеет и не будет смыта коммуникационными потоками современного коммуникационного общества, подобно упавшим в реку гнилушкам, уносимым течением времени [8].

Появление новых форм коммуникации можно было предсказать, потому что оно не было внезапным, ему предшествовали технологические изменения, которые произошли в мире. Так считает Майкл Пинто (Michael Pinto), основатель компании Very Memorable Design, издатель сайта Anime.com и член совета директоров Нью-Йоркской софтверной ассоциации (<https://habr.com/post/4121/>). Он рассуждает об изменениях в мире, динамика которых зависит от интеграции телефонной связи, телевидения, межличностной коммуникации в Сети. Эта интеграция начинает постепенно затрагивать и другие устройства. Сеть станет местом, где мы находимся постоянно – важным элементом, без которого мир просто развалится. На смену понятию «выйти в онлайн» приходит понятие «быть в онлайн». Нечто подобное когда-то произошло с кинематографом. Сначала просто появилась новая технология «движущейся фотографии», но спустя десятилетия Сергей Эйзенштейн и Чарли Чаплин изобрели художественный язык кино. Современные молодые люди воспитаны на новых технологиях, принципиально отличных от всего, что было ранее, и для того, чтобы найти с ними общий язык издатели СМИ вынуждены перенимать онлайн-формы коммуникации и внедрять их на газетные площадки.

Интернет изменяет политическую структуру общества. Предоставляя широкой публике практически любую информацию о политиках, интернет заметно подрывает авторитет существующей власти.

Об этом свидетельствует стабильное снижение активности людей на политических выборах.

В то же время доверие к авторитетам лидеров интернет-сообществ, с которыми человек может лично общаться, возрастает. Само сообщество представляет собой политическую силу, которую труднее контролировать с помощью традиционной власти. Как правило, интернет-сообщества преследуют глобальные цели, не ограниченные государством, и способствуют стиранию границ между национальными государствами.

Имеет смысл подчеркнуть, что СМИ может использовать социальные сети как площадку для поиска читателей, новых идей. Кроме того, СМИ может создать собственную группу на площадке какой-либо из действующих социальных сетей. На этой площадке можно организовывать обсуждения вышедших или готовящихся к выходу статей, проводить социологические опросы, вступать в коммуникацию с читателями.

Социальная сеть – это бесплатная площадка, позволяющая внедрять интерактивные формы общения с аудиторией и решать проблему вовлечения в чтение газет и журналов новых поколений, которые практически не пополняют читательскую аудиторию. Тиражи падают, рекламные доходы растут медленнее. В условиях растущей конкуренции газеты начинают воспринимать интернет и новые возникающие там медиаформы как инструменты для привлечения новых читателей. Газеты хотят привлекать молодое поколение, но при этом боятся радикальных перемен, которые могут стоить изданию потерей лояльных читателей. Тем временем молодые люди утрачивают навыки письма и отвыкают от «бумажных» СМИ, иронично называя их «оффлайнновыми» носителями информации.

Сегодня редакторы крупнейших российских газет уже понимают, что практическое использование онлайн-способов общения с аудиторией – необходимое условие их дальнейшего развития. Для того, чтобы газеты смогли создать «эликсир молодости», им необходимо перестать рассматривать интернет и мобильные носители как угрозу для жизни и стремиться к взаимной конвергенции. Молодое поколение, заинтересовавшись анонсом на мобильном телефоне или интересным постом блогера со ссылкой на газетный материал, купит, наконец, газету и начнет ее читать.

Самая острая проблема газет сегодня – это конкуренция с интернетом, который позволяет не только наиболее оперативно получать информацию, но и участвовать в ее создании и оформлении. Стратегические коммуникации традиционных СМИ (печатной прессы) должны быть направлены на успешное сосуществование с поисковыми системами и их новостными агрегаторами, которые стали конкурентами газет, выходя напрямую к потребителю. Они позволяют с помощью ссылок на другие сайты давать людям разные точки зрения на одни и те же события и использовать блоги как способ поиска правды. При этом все выше становится ценность информации, переданной через знакомых, социальные сети, блоги и форумы. Глава Facebook Марк Цукерберг опубликовал манифест (2017), в котором заявил, что важнейшей задачей его компании является развитие социальной инфраструктуры с целью построения глобального сообщества. Подчеркнем, что такие заявления надо расценивать как конкурентный вызов журналистике и СМИ.

Литература

1. *Вартанова Е.Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11–14.
2. *Гавра Д.П.* Общие теоретические подходы к феномену коммуникации // Проблемы междисциплинарного синтеза в исследовании информационно-коммуникативной реальности современного общества. СПб., 2002. С. 9–14.
3. *Федотова Л.Н.* Социология массовой коммуникации. СПб. : Питер, 2003. 400 с.
4. *Шарков Ф.И.* Основы теории коммуникации. М. : Социальные отношения, 2002. 650 с.
5. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: Методология анализа и практика исследований. М. : Аванти плюс, 2004. 243 с.
6. *Lorica B., O.R.* Team. Virtual Worlds: A Business Guide. 2008. URL: <https://readrate.com/rus/books/virtual-worlds-a-business-guide-a-business-guide> (дата обращения: 27.09.2018).
7. *Scoble R., Israel Sh.* Naked Conversations: How blogs are changing the way businesses talk with customers. 2016. URL: https://www.goodreads.com/book/show/15021.Naked_Conversations (дата обращения: 3.10.2018).
8. *Мюнх Р.* Взаимопроникновения экономики и морали. 2015. URL: http://www.adhdportal.com/book_880.html (дата обращения: 7.10.2018).
9. *Попов А.* Блоги. Новая сфера влияния. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008. 336 с.

10. Пескин Д., Начисон Э. Мы – Медиа: Новейшие СМИ меняют глобальное общество // eJournal USA. 2006. Т/ 7, № 3. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/54>.

11. Редакционные тенденции 2006 (Trends in Newsrooms 2006) / под ред. Б. Пекери и Дж. Берка. Париж : Всемирный форум редакторов, 2006.

NEW MEDIA & TRADITIONAL MEDIA: COMPETITION AS A TREND

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 24–35.

Alla N. Teplyashina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a-nik@list.ru
DOI: 10.17223/26188422/3/2

Keywords: media forms, genre formation, online publications, offline, network media, online media, information age.

In the face of fierce competition from online publications, traditional media more than ever should clearly represent the interests of their readers, have a picture of relevance before their eyes in order to understand through which topics it is possible to most effectively influence and socialize a person. Thus, it becomes obvious that access to recipients must be relevant to their values and worldview.

In order to ensure a reliable contact and guarantee feedback, journalists must work in the sphere of being and use concepts that are interesting to the audience. In this sense, from the point of view of new opportunities for the development of traditional print media, it seems necessary to study amateur creativity in social networks. Today, the Internet is an effective and most massive way to transfer information. Moreover, the network space has become a certain genre-forming substance that has generated new media forms, first of all, blogs.

Convergence is among the key words that are, like the Internet, almost indispensable in modern discussions about the future of the media. This concept has become synonymous with the main transformations in the media space. The central place of convergence in modern discussions about the transformations of the information and communication sphere is explained by its polysemy and multidimensional interpretation. Convergence is a process that in the coming decade can completely change not only the media and communications system, but also various related industries. The concept closest to convergence is merging. In different cases, we speak about different processes, but this very concept conveys their essence in the most accurate way.

As the practice of recent years has shown, traditional methods of feedback from readers (readers' letters, telephone calls to the editor, meetings with readers) are certainly useful, but not sufficient due to their low efficiency. Losing feedback from the audience, the press loses its prestige in society. Thus, it becomes obvious that the media need new approaches to accelerate development. Let us call these approaches stimulating and attribute the active use of blogs for more effective communication with the audience to them.

Facebook CEO Mark Zuckerberg published a manifesto (2017), in which he stated that the most important task of his company is the development of social infrastructure

in order to build a global community. Following SPbSU Professor S.G. Korkonosenko, the author emphasizes that such statements should be regarded as a competitive challenge to journalism and the media.

References

1. Vartanova, Ye.L. (1999) K chemu vedet konvergentsiya SMI? [What does media convergence lead to?]. *Informatsionnoye obshchestvo*. 5. pp. 11–14.
2. Gavra, D.P. (2002) [General theoretical approaches to the phenomenon of communication]. *Problemy mezhdistsiplinarnogo sinteza v issledovanii informatsionno-kommunikativnoy real'nosti sovremennogo obshchestva* [Problems of interdisciplinary synthesis in the study of information and communication reality of modern society]. Proceedings of the Conference. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 9–14. (In Russian).
3. Fedotova, L.N. (2003) *Sotsiologiya massovoy kommunikatsii* [Sociology of mass communication]. St. Petersburg: Piter.
4. Sharkov, F.I. (2002) *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of communication theory]. Moscow: Sotsial'nyye otnosheniya.
5. Nazarov, M.M. (2004) *Massovaya kommunikatsiya v sovremennoy mire: Metodologiya analiza i praktika issledovaniy* [Mass communication in the modern world: Methodology of analysis and practice of research]. Moscow: Avanti plus.
6. Lorica, B. & Team, O.R. (2008) *Virtual Worlds: A Business Guide*. [Online] Available from: <https://readrate.com/rus/books/virtual-worlds-a-business-guide-a-business-guide>. (Accessed: 27.09.2018).
7. Scoble, R. & Israel, Sh. (2016) *Naked Conversations: How blogs are changing the way busenesses talk with customers*. [Online] Available from: https://www.goodreads.com/book/show/15021.Naked_Conversations. (Accessed: 3.10.2018).
8. Myunkh, R. (2015) *Vzaimoproniknoveniya ekonomiki i morali* [The interpenetration of economics and morality]. [Online] Available from: http://www.adhdportal.com/book_880.html. (Accessed: 7.10.2018).
9. Popov, A. (2008) *Blogi. Novaya sfera vliyaniya* [Blogs. A new sphere of influence]. Moscow: Izd-vo "Mann, Ivanov i Ferber".
10. Peskin, D. & Nachison, E. (2006) *My – Media: Noveyskiye SMI menyayut global'noye obshchestvo* [We Media: New Media Change the Global Society]. Translated from English. *eJournal USA*. 7 (3). [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/54>.
11. Pekeri, B. & Burke, J. (eds) (2006) *Trends in Newsrooms 2006*. Paris: World Editors Forum.

МЕДИАТЕКСТ И МЕДИАДИСКУРС

УДК 811.161.1; 81'06

DOI: 10.17223/26188422/3/3

И.В. Высоцкая, Н.Е. Петрова

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Рассматривается возможность периодизации языка отечественных СМИ. С учетом социально-политических факторов авторы выделяют советский и постсоветский периоды в языке СМИ, а в рамках последнего – три этапа: «карнавализация» языка СМИ (1991–2005 гг.); законодательное регулирование языка СМИ (2005–2014 гг.); 3) информационные войны (2014 г. – наст. время). Качественные изменения языка СМИ связываются с категорией оценки, стилем общения с адресатом, содержанием оппозиции «свой – чужой».

Ключевые слова: язык СМИ, периодизация, массовая информация, норма, стиль

К настоящему времени «концепция языка СМИ вполне сформировалась, а сам термин прочно вошел в научно-лингвистический обиход» [1. С. 25], однако вопрос о периодизации языка СМИ не только не решается, но даже не ставится. Это происходит, вероятно, потому, что язык СМИ не является какой-то особой системой языковых единиц по сравнению с общенародным русским языком и подчиняется тем же внутренним и внешним законам развития, что и русский язык в целом. С этой точки зрения периодизация языка СМИ полностью вписывается в рамки периодизации русского литературного языка. В то же время язык СМИ представляет собой особый дискурс, специфика которого определяется спецификой массовой коммуникации. Как справедливо отмечает М.Н. Володина, «массовая коммуникация представляет собой систему социального взаимодействия особого рода», в центре которой находится человеческое общество «как ограниченное социальное пространство со специфическими внутренними процессами и культурными характеристиками». Основная задача массовой коммуникации – распространение информации с целью воздействия на оценки, мнение и поведение членов социума [2. С. 9]. Таким

образом, СМИ выполняют важнейшие социальные функции, значимость которых со временем только возрастает: сегодня, например, СМИ не только информируют о реальных событиях, но и формируют в массовом сознании псевдореальность. Вследствие этого язык СМИ как никакая другая область коммуникации на русском языке проявляет подвижность, живо реагируя на происходящее изменением арсенала языковых ресурсов и способов их использования. Мы прежде всего имеем в виду содержание базовой для СМИ оппозиции «свой – чужой», вектор оценок, степень их открытости и категоричности, формы выражения авторского «я», стиль общения с адресатом. Глобальные сдвиги в политико-экономическом, идеологическом и культурном состоянии российского социума обусловили такие качественные изменения в способах и формах коммуникации посредством СМИ, которые позволяют говорить о стадийности развития языка СМИ и возможности его периодизации.

С проблемой периодизации языка СМИ связан целый ряд вопросов (частично поставленных в [3]). Вот лишь некоторые из них: что является точкой отсчета – возникновение самих СМИ (с появлением и/или распространением радио и ТВ), появление термина «СМИ» (в русском языке – 70-е гг. XX в.) или термина «язык СМИ» (рубеж XX–XXI вв.)?

Логично предположить, что феномен, стоящий за термином «язык СМИ», появляется одновременно с печатными средствами массовой информации. Вряд ли массовыми можно назвать рукописные газеты, поскольку массовое производство требует тиражирования, а значит, определенного технологического уровня. Первая российская газета «Ведомости», как известно, появилась по указу Петра I в 1702 г., а к началу XX в. в Российской империи действовала широкая сеть как столичных, так и местных периодических изданий. Безусловно, это была журналистика, обслуживающая информационные потребности значительных социальных групп. Однако дореволюционные печатные издания затруднительно подвести под современное понятие «средство массовой информации».

Под массовой информацией, согласно Закону РФ «О средствах массовой информации», «понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы», а средством массовой информации может быть «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал,

радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [4]. Если исходить из этих определений, время появления в России средств массовой информации должно определяться временем появления массовой аудитории, способной быть их адресатом. Вплоть до 20-х гг. XX в. (26 декабря 1919 г. вышел декрет Совнаркома о ликвидации безграмотности) более 90 % населения России просто не могло читать выходящую периодику и адекватно воспринимать ее содержание. Таким образом, точкой отсчета для периодизации языка СМИ, на наш взгляд, должны быть 30-е гг. XX в., когда в Советском Союзе был осуществлен переход на обязательное семилетнее обучение, что позволило, по выражению М.В. Горбаневского, «приобщить миллионы людей к грамоте, к родной речи, к русскому литературному языку» [5. С. 23]. Важным фактором появления СМИ был также процесс демократизации русского литературного языка, в том числе реформа орфографии (см.: [5. С. 21–27]). В этот же период складывается концепция книгоиздания (в 1929 г. разработан пятилетний план развития издательского дела в СССР) и формируется полиграфическая база (национализируются типографии).

Исследователи медийного дискурса характеризуют понятие «язык СМИ» в нескольких аспектах. С точки зрения теории дискурса, это совокупность текстов, публикуемых СМИ. С точки зрения стилистики – это особая функциональная разновидность русского языка, в основе которой лежит его (русского языка) литературная, т.е. нормированная, форма. С точки зрения специфики канала коммуникации – это «особая знаковая система смешанного типа с определенным соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфическим для каждого из средств массовой информации – печати, радио, телевидения, Интернета» [6. С. 94]. Для целей нашей статьи актуальны последние два определения, так как именно в области стиля и расширения средств передачи информации наблюдаются качественные изменения.

Учитывая все факторы, в том числе государственную политику в сфере средств массовой информации и технологии их производства, в истории отечественных СМИ могут быть выделены, как минимум, два основных периода: советский и постсоветский.

Советский период нельзя назвать однородным: он вмещает и хрущевскую оттепель, и неоднозначный брежневский период застоя, и

«пятилетку пышных похорон». Ключевым в этом периоде, конечно, является этап перестройки. В доперестроечный советский период могло меняться и руководство СССР, и политика в отношении СМИ. Однако вся стилистика языка СМИ до момента перестройки определяется жестким политико-экономическим и идеологическим противостоянием, а также конкуренцией советского государства с капиталистическим обществом условного Запада. Глобальная одновекторность оценок («наше» – хорошо, «западное» – плохо) и поощряемое государством единство мнений и ценностей определяло то, что сейчас называется лингво-смысловой клишированностью языка СМИ советского периода. Так, характеризуя советскую журналистику периода 30–50-х гг. XX в., В.Ю. Меринов опирается на понятие «тоталитарный текст», основными признаками которого является монологический, т.е. не предполагающий дискуссии, характер и «единый ценностно-смысловой ряд понятий, представлений, героев, ситуаций» [7. С. 90]. Лингвистическое единообразие текстов СМИ советского периода во многом объясняется ориентацией авторов на литературную норму, что, в свою очередь, связано с языковой политикой государства и чрезвычайно высоким авторитетом классической художественной литературы, а также КНИГИ в советском обществе.

Этап перестройки (1985–1991 гг.) хронологически должен быть включен в советский период, так как Советский Союз еще существовал и предпринимал усилия, чтобы сохранить свою структуру. Однако в экономико-политической, идеологической и духовной сфере советского общества начались необратимые изменения, которые впоследствии коренным образом изменили стилистику медийного дискурса. Эпоха перестройки характеризуется тем, что плюрализм мнений постепенно приобрел статус элемента государственной идеологии. Это находит отражение в определенных стилистических нюансах, которые постепенно становятся приметой языка советской прессы. Проиллюстрируем эту мысль на примере заголовков газетных материалов «Комсомольской правды» (выпуски 1986, 1989, 1990 гг.).

Заголовки выпусков 1986 г. еще сохраняют свойственную «советскому» языку СМИ лозунговость и призывность, для чего авторы широко используют инфинитивные предложения типа *Бороться и строить* (2 дек. 1986 г.), *Быть трибуной гражданской правды, высокой нравственности* (7 дек. 1986 г.); *Действовать в ритме ускорения* (14 дек. 1986 г.). В заголовках 1986 г. активно вербализуются цен-

ностные, идеологически окрашенные концепты «Мир», «Труд», «Хлеб», «Победа», которые увязываются с новым концептуальным содержанием – «перестройка, ускорение, личная активность каждого»: *Во имя мира на земле; Хозяин с дела начинается; Трудовой ритм России; Хлеб пахнет домом; Вечный огонь памяти* (3 дек. 1986 г.); *Колхозное крестьянство: курсом перестройки* (2 дек. 1986 г.); *Девиз бригады – инициатива* (10 дек. 1986 г.). В «Комсомольской правде» 1989 г. заметно увеличивается количество заголовков в форме вопросительных предложений, маркирующих неоднозначность выражаемой оценки: *«Ваше мнение, Михаил Сергеевич?..»* (17 нояб. 1989 г.), *Что ждем от съезда?*, *Почему буксует реформа* (12 дек. 1989 г.). В выпусках 1989 г. нередки заголовки игрового типа с интертекстуальным подтекстом: *«Низы» могут, но «верхи» не хотят?* (15 дек. 1989 г.); *Какой восТОРГ*, *«Нота Бене пресс»* (9 дек. 1989 г.). Стилистика заголовков 1990 г. уже отчетливо иная по сравнению с 1986 г.: исчезает интонация лозунга и призыва, избылуют номинации негативных явлений, иронический подтекст сопровождает символические, в том числе связанные с Победой, смыслы советского государства: *Время, вперед! ... и назад. Приехали...* («разорванный» заголовок в номере от 1 апр. 1990 г.); *Дефицитная стенка; Медленно торопясь; Несгибаемый талон; По законам не-явного времени* (1 апр. 1990 г.), *Бастует детсад; Закавказье: неспокойно* (3 апр. 1990 г.); *Райком закрыт. Все ушли в первичку; Цены колются у «Коллетса»* (6 апр. 1990 г.); *В метро за подавием; Кораблик из газеты; Ржавая гвардия просыпается; Летите, «кондоры», летите...* (7 апр. 1990 г.). В ходе перестройки постепенно исчезает образ «чужого» Запада. Если в заголовках 1986 г. мы находим вполне традиционные для СССР: *Им нет места в Америке; Работа для одного из ста* (10 дек. 1986 г.), то в выпусках 1989 и 1990 гг. заголовки формируют другое видение Запада: *ПАПА: штрихи к политическому портрету Иоанна Павла II; Ужин по-европейски* (21 нояб. 1989 г.); *Нужна ли нам граница; Глазок в Европу; Ваш друг Питер Брук* (03. 1990). Приведенные нами немногочисленные примеры отражают явную тенденцию к демократизации языка СМИ: резко увеличивается число игровых, метафорических заголовков, начинают активно использоваться средства интертекстуальности, ирония и сарказм становятся основной тональностью, сопровождающей символы уходящей идеологии.

Постсоветский период включает и «лихие 90-е», и «тучные нулевые», и новый виток «информационных войн» в настоящее время. На наш

взгляд, в рамках этого периода можно выделить три этапа эволюции языка СМИ, каждый из которых связан с важными социальными факторами:

- 1) «карнавализация» языка СМИ (1991–2005 гг.);
- 2) законодательное регулирование языка СМИ (2005–2014 гг.);
- 3) новые информационные войны (2014 г. – наст. время).

Дадим краткую характеристику каждому из них.

1. Последнее десятилетие XX в. – это время стремительного развития компьютеризации и интернет-коммуникации, которые создали базу для процессов экономической, политической и культурной глобализации. Отказавшись от советской (коммунистической) идеологии в пользу идеологии личного успеха, предпринимательства и экономического процветания, Россия стала частью этих процессов, и противостояние Западу, таким образом, утратило актуальность. Это повлекло за собой пересмотр оценок и ценностей, что отразилось, например, в системе метафор, характерных для политического дискурса. Так, А.П. Чудинов, отмечая активизацию финансовой метафоры, справедливо усматривает причину этого явления в том, что в общественном сознании конца 90-х – начала 2000-х гг. приоритет нравственных отношений между людьми уступает место приоритету товарно-денежных отношений (см.: [8. С. 86–87]). Отсюда появление новых клише типа *политический капитал*, *политическая прибыль*, *конвертация народной любви/доверия*, *банкротство политики* и т.д. [8. С. 87–88]. С начала 90-х гг. XX в. рушится единая централизованная система государственных СМИ. Это бум книгоиздания, стремительный и стихийный рост изданий разного типа, разной тематики, возрождение «желтой» прессы, появление нового лубка («глянец»). Именно в этот период страницы газет и журналов, радио- и телевизионная речь стали ареной смелого лингвистического эксперимента. Это период тотального разрушения литературной нормы, период демократизации (и/или вульгаризации?) языка как реакции «на скованную, осторожно-чистую, сверхправильную речь времен тоталитаризма» [9. С. 49]. К новым тенденциям в языке российских СМИ в этот период относится многовекторность и категоричность оценок, нередко выливающаяся в речевую агрессию, «стилевая контаминация, связанная с активизацией влияния разговорной речи (городского просторечия), актуализацией жаргонной, арготической и просторечной лексики» [10. С. 18]. Это время можно назвать периодом антинормы, или карнавализации, языка СМИ.

Важной особенностью языка постперестроечных СМИ, с нашей точки зрения, является формирование нового содержания базовой оппозиции «свой – чужой»: место «чужого» занимает не Запад как идеологический противник, а советское прошлое, получившее уничижительное наименование «совок».

2. Начало второго этапа условно датируем 2005 г., когда после принятия закона «О государственном языке Российской Федерации» начинается «постепенное очищение текстов СМИ от негативных следствий "свободы" речи» [10. С. 13]. Подготовительная работа велась, разумеется, много раньше. Так, еще в 1995–1997 гг. был создан Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации. В этот период упорядочивается рынок печатной и аудиовизуальной продукции, осуществляется законодательное регулирование языка СМИ, обретает правовой статус (начиная с Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апр. 2001 г.) и стремительно развивается лингвистическая экспертиза. В 2001 г. под руководством М.В. Горбаневского создана Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. В задачи Гильдии входит, помимо прочего, укрепление и оздоровление российских СМИ [11], освобождение их текстов от оскорбительных выражений и оборотов, от ненормативной, инвективной и обценной лексики [12]. Лингвистическая экспертиза назначается в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), в связи с уголовными делами по обвинению в оскорблении (ст. 130 УК РФ), в клевете (ст. 129 УК РФ), в экстремизме, в разжигании межнациональной, религиозной вражды (по признакам состава преступления, обозначенного в Федеральном законе РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). Поводом для возбуждения этих дел могут оказаться как устные высказывания, так и письменные тексты СМИ. Создается типовая методика судебной лингвистической экспертизы [13].

Позже (2013 г.) появляются возрастная классификация информационной продукции и ряд правовых ограничений, оказывающих влияние на язык СМИ (к примеру, Закон о защите религиозных убеждений и чувств верующих и др.). Завершает этот период законодательного регулирования языка СМИ комплекс поправок в российском законодательстве, получивший название «закона о запрете мата в СМИ» (2014 г.).

3. Третий этап развития языка СМИ определяется важными событиями 2014 г. Украинский политический кризис (Майдан и последующие за ним события, вплоть до военных действий на Донбассе) воскресил в СМИ риторику противостояния времен «холодной войны», вернул изрядно подзабытые пропагандистские штампы – в русле хорошо известного и ранее феномена так называемых информационных войн (ср. с относительно новыми понятиями «кибервойны» и «гибридные войны»). В этом же году состоялись Олимпийские игры в г. Сочи. Ситуация вокруг них актуализировала оппозицию «свой – чужой», психологию «осажденной крепости» и новую волну речевой агрессии в языке СМИ. После событий 2014 г., с одной стороны, формируется образ Запада как экзистенциального противника, а с другой – «демонизируется» российская власть; становятся востребованными прямые идеологические оценки, словесные ярлыки; активизируются технологии манипуляционного воздействия.

Информационно-психологический аспект информационной войны подразумевает «влияние на общественное и индивидуальное сознание и подсознание противостоящей стороны при одновременной защите собственного населения» [14. С. 19]. Влияние это осуществляется за счет преобразования и подачи информации вплоть до фабрикация фейковых новостей. Период нового витка информационных войн продолжается в настоящее время. Он нуждается во всестороннем осмыслении. Заметим только, что этот этап созвучен советскому периоду с точки зрения повышенной идеологизации языка СМИ.

Настоящие рассуждения носят интерпретационно-вероятностный характер и сделаны на основе анализа экстралингвистических обстоятельств (существенные сдвиги в области политико-экономического, идеологического, культурного состояния общества). Проблема периодизации языка современных российских СМИ требует дальнейшего многоаспектного изучения, причем с учетом совокупности экстралингвистических и лингвистических факторов.

Литература

1. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М. : Флинта: Наука, 2008.
2. *Володина М.Н.* Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. М. : Академический проект, 2011. С. 9–19.

3. *Высоцкая И.В.* О периодизации языка российских СМИ // Коммуникативная культура: история и современность. Культурно-историческое наследие в социальной коммуникации : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. 1 ноября 2018 г. (В рамках Международного научного форума «Наследие»). Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 154–156.
4. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 (ред. от 18 апр. 2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/
5. *Горбаневский М.В.* В начале было слово... : Малоизвестные страницы истории советской лингвистики. М. : Изд-во УДН, 1991. 256 с.
6. *Давыдова С.В.* Язык средств массовой информации // *Lingua mobilis*. 2011. № 2 (28). С. 93–96.
7. *Меринов В.Ю.* К вопросу использования определения «советская журналистика 1930 – нач. 1950-х гг.» в отечественной журналистской науке // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235). Вып. 30. С. 88–91.
8. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
9. *Костомаров В.В.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М. : Педагогика-пресс, 1994.
10. *Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В.* Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М. : Флинта; Наука, 2011.
11. Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М. : Медия, 2004.
12. *Цена слова.* Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / А.Н. Баранов, Ю.А. Бельчиков, Ю.К. Сафонова, Б.С. Шварцкопф. 3-е изд., исправл. и доп. М. : Галерея, 2002.
13. *Типовая методика судебной лингвистической экспертизы : методические рекомендации* / Е.А. Гримайло, Т.В. Назарова, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская ; под ред. В.Ф. Статкуса. М. : ОМУ ЭКЦ МВД России, 2008.
14. *Соловей В.Д.* Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М. : Эксмо, 2015.

THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF THE MODERN RUSSIAN MEDIA LANGUAGE

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 36–47.

Irina V. Vysotskaya, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vysotskaya@mail.ru

Nataliya E. Petrova, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: petrova_ngpu@mail.ru
DOI: 10.17223/26188422/3/3

Keywords: media language, periodization, mass information, norm, style.

The paper discusses the possibility of periodization of the language of Russian media, and factors that contributed to qualitative changes in the field of forms and style of mass information. Based on the concepts “mass information” and “mass media”, the authors link the time of appearance of the media with the time of appearance of a mass audience capable of being their addressee. This is the period of the 1930s when in the Soviet Union introduced compulsory seven-year education. Qualitative changes in the language of the media, which allow to speak about the stages of its development, are connected with the category of evaluation, the style of communication with the addressee, the content of the opposition “self–other”. The impetuses for these changes are significant changes in the political, economic, ideological, cultural state of society. Taking into account all factors, the authors distinguish two main periods in the language of the media: the Soviet and the post-Soviet. The specific of the Soviet period is determined by the political-economic and ideological confrontation of the Soviet state and the capitalist “West”. The single-directional assessments, the state-promoted unity of opinions and values determined the linguistic-semantic clichés of the language of the Soviet media. The linguistic uniformity of the media texts of this period is also associated with the authority of the linguistic norm and classical fiction. A special stage within the Soviet period is the “era of perestroika”. In the language of the media, new phenomena emerged: the intonation of the slogan and appeal disappeared, the means of intertextuality began to be actively used, irony and sarcasm became the basic tonality accompanying the symbols of the outgoing ideology, a tendency towards democratization was clearly revealed. Within the post-Soviet period, there are three stages, each of which is characterized by important social processes affecting the language of the media: 1) “carnivalization” of the language of the media (1991–2005); 2) legislative regulation of the language of the media (2005–2014); 3) information wars (2014 – the present). At the first stage, the democratization of the language of the media becomes a fact expressed in stylistic diffusion, disregard of the norm, and a diverse language game. In the “self–other” opposition, the “other” place is occupied by the Soviet past, derogatorily referred to as “sovok”. The second stage of the post-Soviet media period is characterized by attempts to legislatively regulate the language of media texts, the involvement of the institution of linguistic expert examination in the fight against speech aggression, extremism, slander, etc. The third stage is consonant with the Soviet period in terms of increased ideology of the language of the media. After the events of 2014, on the one hand, the image of the West as an existential adversary is being formed, and, on the other, Russian power is “demonized”; direct ideological evaluations, verbal labels are in demand; technologies of manipulative influence are activated. The proposed periodization is of interpretative-probabilistic nature, and requires further clarification.

References

1. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech')* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media (Modern English Media Speech)]. Moscow: Flinta: Nauka.

2. Volodina, M.N. (2011) Yazyk SMI i informatsionno-yazykovaya ekologiya obshchestva [Language of the media and informational and linguistic ecology of society]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke* [Language and discourse of the media in the 21st century]. Moscow: Akademicheskii projekt. pp. 9–19.
3. Vysotskaya, I.V. (2018) O periodizatsii yazyka rossiyskikh SMI [On the periodization of the language of the Russian media]. *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost'*. *Kul'turnoistoricheskoye naslediyе v sotsial'noy kommunikatsii* [Communicative culture: history and modernity. Cultural and historical heritage in social communication]. Proceedings of the VIII International Conference. Novosibirsk. 1 November 2018. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 154–156. (In Russian).
4. Consultant.ru. (2018) *Zakon RF "O sredstvakh massovoy informatsii" ot 27 dek. 1991 g. № 2124-1 (red. ot 18 apr. 2018 g.)* [Law of the Russian Federation "On Mass Media" No. 2124-1 of December 27, 1991 (amended on April 18, 2018).]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/.
5. Gorbanevskiy, M.V. (1991) *V nachale bylo slovo...: Maloizvestnyye stranitsy istorii sovetskoy lingvistiki* [In the beginning was the word . . . : Little-known pages of the history of Soviet linguistics]. Moscow: Izd-vo UDN.
6. Davydova, S.V. (2011) Language of mass media. *Lingua mobilis*. 2 (28). pp. 93–96. (In Russian).
7. Merinov, V.Yu. (2016) Using the term "Soviet journalism in the 30s – beginning 50s" in the Russian journalistic science. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya Gumanitarnyye nauki – Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*. 14 (235):30. pp. 88–91. (In Russian).
8. Chudinov, A.P. (2003) *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
9. Kostomarov, V.V. (1994) *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [The language taste of the era. From observations on speech practice of mass media]. Moscow: Pedagogika-press.
10. Petrova, N.Ye. & Ratsiburskaya, L.V. (2011) *Yazyk sovremennykh SMI: Sredstva rechevoy agressii* [Language of modern media: means of speech aggression]. Moscow: Flinta; Nauka.
11. Simonov, A.K. & Gorbanevskiy, M.V. (eds) (2004) *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornyye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami* [The concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial texts of the media and the problems of their analysis and assessment by lawyers and linguists]. 2nd ed. Moscow: Medeya.
12. Baranov, A.N., Bel'chikov, Yu.A., Safonova, Yu.K. & Shvartskopf, B.S. (2002) *Tsena slova. Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii* [The price of the word. From the

practice of linguistic examinations of media texts in litigations to protect the honor, dignity and business reputation]. 3rd ed. Moscow: Galeriya.

13. Statkus, V.F. (ed.) (2008) *Tipovaya metodika sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: Metodicheskiye rekomendatsii* [Typical methodology of judicial linguistic expert examination: Methodological recommendations]. Moscow: OМУ EКTS MVD Rossiі.

14. Solovey, V.D. (2015) *Absolyutnoye oruzhiye. Osnovy psikhologicheskoy voyny i mediamanipulirovaniya* [The ultimate weapon. Basics of psychological warfare and media manipulation]. Moscow: Eksmo.

УДК 070:271.2(470.345)
DOI: 10.17223/26188422/3/4

С.К. Шайхитдинова

**ЖУРНАЛИСТ В ДИСКУРСЕ СМИ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ИЛИ ПОЗИЦИЯ? (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО
СПОРА ВОКРУГ ИНТЕРВЬЮ СЕРГЕЯ ГУРКИНА
И СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ)**

Обосновывается необходимость различения типов субъектности на медиа-поле: СМИ в большинстве своем представляют системную субъектность агентов идеологических дискурсов; работники редакций подчинены этой тенденции, однако есть авторы, которые проявляют субъектность рациональных акторов с выраженной личностной позицией. Как разные типы субъектности проявляются в медиатекстах, показано на примере информационного спора вокруг интервью Сергея Гуркина и Светланы Алексиевич. В качестве эксперта Общественной коллегии по жалобам на прессу нами было подготовлено заключение по данному конфликту, оно легло в основу статьи.

Ключевые слова: журналистика, СМИ, субъектность, личностная позиция, жалобы на прессу, скандал

Одна из характерных тенденций формирования постсоветской медиасферы – вытеснение журналистики из СМИ. Этот процесс от первых его проявлений в 1990-е постперестроечные годы зафиксирован во многих работах – в сборниках статей, материалах конференций, в наблюдениях практиков. Самая общая причина такого положения дел определяется как «растаскивание» СМИ по разным дискурсам, которые и начинают диктовать свой порядок [1]. Действующие руководители газет высказывают пожелание, чтобы практиканты приходили в редакции не творцами, а работниками. Продолжая эту тему, Борис Лозовский отмечает, что если исходить из того, что творчество – это деятельность человека, направленная на создание культурных и материальных ценностей, то журналистика не создает ценности. Она творит действительность. Результат журналистского творчества – в создании иной, отличной от реальной картины мира [2. С. 31]. Здесь уместно сослаться на теоретиков, которые подтверждают заявленную

широту возможностей автора, владеющего риторическим инструментарием. Эту широту обеспечивает современная медиасфера, безграничная и влиятельная. Автор в ней «оказывается не столько автором текста, сколько автором картины мира» [3. С. 6]. Возникает вопрос, чем тогда журналист отличается от рядового пользователя Сети, если оба имеют практически равные шансы творить свою картину. Учебники по журналистике указывают на общественный интерес, обязательную социальную значимость журналистской информации. Б. Лозовский, полемизируя с А. Тертычным, который придает важное значение социальной позиции журналиста, говорит о том, что, к несчастью, в нынешней практике СМИ этот фактор занимает третьестепенную роль в иерархии ценностей профессии [2. С. 33].

Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, является чуть ли не главным в перечне причин, почему журналистика с ее критическим осмыслением реальности уходит из СМИ и ищет другие площадки. Институт журналистики пережил в своей истории периоды, когда именно благодаря гражданственности отдельных журналистов пресса служила рупором для общества. Это время прошло, но потребность в людях с позицией осталась. Очевидно, в нас, кроме традиции, поддерживаемой революционным наследием, сильна еще и традиция, поддерживаемая наследием филологическим. Русская литература и публицистика учат, что слово автора имеет вес не только в конкретной коммуникативной ситуации, оно бывает весомо в масштабах исторической, культурной тенденции. Отечественная этикоцентристская культура чтит автора с социальной позицией и делает это своеобразным способом: ему, если что, больше всех и достается.

В стремлении разобраться в особенностях проявления позиций отдельного журналиста в дискурсе средств массовой информации, которые уже не воспринимаются «рупором общества», нами введены такие характеристики агентов медиаполя, как «рациональная субъектность» и «системная субъектность». Опираясь на социологию социального пространства Пьера Бурдьё, мы связываем субъектность с совокупностью распределения разных видов капитала и собственных ресурсов актора [4]. Субъектность «сознательного», «рационального» субъекта указывает на то, что актер способен и склонен не только ощущать различия в социальных диспозициях, но и признавать их как значимые, задевающие его интересы [4 С. 25]. Мы исходим из того, что субъектность такого рода характеризует журналистику как дея-

тельность по продвижению интересов гражданского населения в публичном пространстве. «Системная субъектность» агента определяется «объективно», по его позиции в отношениях, институционализированных в устойчивых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах [4. С. 17]. Согласно нашей гипотезе чертами такого рода субъектности обладают прежде всего медиаорганизации, в ряд которых включены СМИ. Очевидно, что обозначенные типы субъектности нормативно проявляют себя по-разному. Иногда они усиливают друг друга, и тогда можно говорить о некоем балансе информационных интересов, а иногда вступают в противоречие.

Данный подход был апробирован нами в рамках первого этапа исследования «Чистые перья», который прошел под эгидой Альянса независимых региональных издателей и представлял собой проектно-инициацию обращения практиков к практикам. В эмпирическую базу вошли данные мониторинга по определенной методике ряда популярных печатных СМИ пяти российских регионов, а также данные анкетирования экспертов, результаты их встреч за «круглым столом» и на скайп-конференциях. Одним из итогов наших наблюдений как участника проекта за позициями журналистов и СМИ стал вывод о том, что сегодня журналисты могут заявить о себе «на равных» с системой только через скандал. В качестве характерного примера выступило «дело Резника» в Ростовской области, когда журналист, блогер за публичное оскорбление должностных лиц получил срок в колонии. Нами был также сделан вывод о том, что у такого способа самоутверждения есть последствия, негативные для гражданской журналистики. Как общественная деятельность она существует только «во имя». Частные стратегии скандальных авторов подрывают ее основания [5].

Тема противоречия субъектных позиций журналиста и СМИ нашла неожиданное продолжение три года спустя. В конце июня 2017 г. в Общественную коллегия по жалобам на прессу обратились 28 членов Ассоциации «Свободное слово». В их жалобе говорилось о том, что 19 июня 2017 г. на портале ИА REGNUM было опубликовано интервью журналиста Сергея Гуркина с нобелевским лауреатом Светланой Алексиевич «“Вы просто набор пропаганды”: Запрещенное и откровенное интервью Алексиевич» несмотря на ее прямой запрет делать это. «Интервьюируемая не была поставлена в известность, что дает интервью для портала Regnum и не давала своего согласия на публикацию. Сергей Гуркин, которого представил писательнице их общий зна-

комый, брал у нее интервью для издания “Деловой Петербург”, в чьей репутации Алексиевич не сомневалась». Заявители считают, что портал REGNUM «сделал все для того, чтобы следствием непрофессиональной журналистской работы стал скандал с пропагандистской подоплекой, а по сути – развязанная против писательницы кампания клеветы и травли». Далее были перечислены материалы, опубликованные порталом в последующие дни. Отмечается, что практически в каждом из них писательницу называют «русофобом», прямо или косвенно (публикуя тут же фото женщин, поднявших руку в нацистском приветствии) обвиняют в нацизме [6. С. 49–65]. Обращаясь к Коллегии с просьбой рассмотреть жалобу и вынести вердикт, заявители поведение Сергея Гуркина расценивают как непрофессиональное: «Аудиозапись разговора не оставляет у нас сомнений в провокативном тоне, изначально взятом журналистом, а купюры, сделанные им при публикации, демонстрируют желание эту провокативность скрыть».

13 сентября 2017 г. состоялось заседание Общественной коллегии по жалобам на прессу, по итогам которого было принято Решение № 168. По заданию Коллегии нами подготовлено «Мнение эксперта» [6. С. 59–65]. К этому документу мы и будем обращаться. Основной вопрос, на который необходимо было ответить эксперту: Содержатся ли в публикации «“Вы просто набор пропаганды”»: запрещенное и откровенное интервью Алексиевич» и сопутствующих ей материалах нарушения профессиональной этики журналиста? Предварительно нами была произведена сверка на соответствие аудиозаписи интервью, которая представлена на портале ИА REGNUM, и его текстовой версии. Различий, которые бы нарушали документальность текста, выявлено не было. Интервью охарактеризовано нами как нестандартизированное (вопросы собеседнице заранее не представлены). Проведено оно в виде спонтанно складывающейся беседы, т.е. когда участники разговора выступают на равных. Хотя ведущим диалога все же являлся журналист, скрытых провокационных намерений дискурс-анализ текста не выявил.

В **первом выводе** проведенного нами кейс-исследования было отмечено, что удачная, с нашей точки зрения, попытка диалога между двумя персонами с принципиально различными точками зрения была скомпрометирована порядком дискурса жесткого идеологического противостояния. Поясняя сказанное, мы обратили внимание членов Общественной коллегии на то, что своеобразие и новизна беседы

Гуркина как творческого произведения обеспечивается тем, что автору удалось сохранить в процессе всего разговора заявленное в его начале ролевое соответствие собеседников. Частота ряда используемых лексем позволила заключить, что по заданной теме в картине мира Светланы Алексиевич основными персонажами являются «мы» и «вы», т.е. общности. Тогда как авторский образ журналиста индивидуализирован. Суждения собеседницы о политике и культуре в целом как бы «натыкаются» на критичные реакции конкретного человека. Журналисту удалось остаться в этой роли, не поддаться задаваемой собеседницей высокой тональности, не перейти на системный уровень противостояния «мы – вы».

С нашей точки зрения, таким образом баланс сторон был соблюден. С одной стороны – сила эмоционального слова «от имени» общностей, сила масштабных обобщений. С другой стороны – слово как бы обороняющегося индивидуума, сила позиции которого обеспечивается тем, что это слово по результату предстает творческим приемом автора. Все это придало беседе нужную динамику, создало в ней привлекательное внутреннее напряжение, которое по ходу интервью не снижалось, а наоборот, росло. Его кульминацией стало последнее высказывание собеседницы: «Вы знаете, мне не нравится наше интервью, и я вам его запрещаю печатать». Нельзя было не отметить, что свою ноту добавило гендерное различие участников разговора. В представленном Коллегии «Мнении эксперта» мы заключили, что беседу Сергея Гуркина со Светланой Алексиевич необходимо классифицировать не как информационное интервью, а как интервью-портрет. Созданный в нем образ писательницы по не теряющей своей актуальности теме «О времени и о себе» необходимо воспринимать целостно, во всей его противоречивости, с тревогами, фобиями героини, с ее болью за судьбы общества.

Однако включение интервью в информационный поток, который структурирован вокруг острой идеологической борьбы по принципу «стенка-на-стенку», придало творческому произведению совсем другой смысл. Он заявлен уже в подводке редакции, которая предвосхищает начало беседы, а также отражен в заглавии. С нашей точки зрения, автором первой его части (название которой звучало бы так: «Светлана Алексиевич: “Вы просто набор пропаганды”») мог бы выступить журналист, внутренне настроенный на выполнение «социального заказа» на политизацию темы. А вторая часть «Запрещенное и откровенное интервью Алексиевич» – обеспечена редакцией. Это уже

нечестный ход, медиаконъюнктура: «запрещенное» – пища для обывателя. В речи писательницы – «человека русской культуры», у которой «отец – белорус, а мать – украинка», – немало утверждений, которые в ходе дальнейших интерпретаций можно было бы развернуть в пространство актуальной темы сохранения целостности человека в эпоху, которая «рвет его на части». Но медиа выбирают отработку «частей». Политическая утилизация высказываний героини не может не изменить подразумевавшиеся ею смыслы. Появившаяся вдруг возможность диалога с оппозицией принесена в жертву хорошо продаваемому конфликту.

Во **втором выводе** нашего кейс-исследования нами было указано, что запрет на публикацию интервью не должен быть запретом на тему, если она имеет общественную значимость. В свете этического подхода ни у какого источника информации (в нашем случае таковым выступает интервьюируемый) нет особых прав, позволяющих ему определять, что надо публиковать, а что – не надо. Вместе с тем интервью-портрет предполагает контакт с героем публикации и на последних стадиях подготовки текста. Контакта не было не по вине журналиста.

В пояснении к данному выводу отмечено: обращаясь к этическим нормам в работе с источниками информации, теории журналистики указывают на то, что особо внимательно надо отнестись к интервьюируемому, когда они произносят «Это не для печати» [7. С. 94], т.е. однозначности в данном вопросе нет. Это связано с тем, что приглашение журналиста с запретом собеседника интервью на его публикацию само по себе не представляет самостоятельной профессионально-этической нормы. Необходимо определить возможную причину запрета, на которую указывают затрагиваемые интересы героя публикации. Причина может быть и субъективной, и объективной (в последнем случае она закреплена в существующих нормах, которые стоят на страже «защиты свидетеля», «невмешательства в частную жизнь», «защиты чести и достоинства» и т.д.). Если причина запрета субъективная («Вы знаете, мне не нравится наше интервью...»), журналист разрешает противоречие интересов, руководствуясь значимостью поднимаемой в материале темы (проблемы). Если тема реально является острой и нужной обществу, публикация автором добытого им материала, несмотря на запреты статусных лиц, препятствия иного характера, т.е. публикация «вопреки», рассматривается деонтологией журналистики как «доблесть профессионала». На этом держится этос данного рода ремесла.

Определение значимости / незначимости темы произведения входит в перечень общепрофессиональных компетенций журналиста [8]. Такова мировая практика. В случае со Светланой Алексиевич корректным было бы обсуждение с ней подготовленной к печати версии. Однако сам ход интервью показал невозможность этого. Практика поведения медиаорганизаций в лице СМИ подтвердила интуитивные опасения обеих сторон. Теория социальной ответственности прессы исходит из того, что журналистика – это не «сервисная служба» [9]. Сергей Гуркин заявил о себе в интервью как личность, которая беседует с нобелевским лауреатом «на равных», т.е. таким образом он определил для себя сферу ответственности в целом. Он своим решением продемонстрировал, что не относится к ряду «статистов», которых редакция отправляет выполнить задание «от сих до сих» и которые готовы по первому требованию бросить в корзину эксклюзивный итог своего труда. С нашей точки зрения, то, что у журналиста есть своя позиция, не должно входить в противоречие с этикой профессии.

В **третьем выводе** отмечено, что серию следующих за интервью с нобелевским лауреатом публикаций на портале ИА REGNUM необходимо рассматривать в единстве, как одну кампанию. Кампания является маркетинговой по форме и политической по сути. Ее цель – «разоблачение противника». «Противник» сконструирован в ходе кампании. Ценой травли писательницы массовой аудитории вновь продана тема «наших – не наших» и тема русофобии. В силу того, что публикации как элементы кампании подготовлены заведомо «против», ими нарушен основополагающий этический принцип журналистской объективности. Интервью Сергея Гуркина «благодаря» действиям редакции ИА REGNUM получило смысл, связанный с политической конъюнктурой. Попытка очень нужного для общества диалога с оппозицией была провалена.

В пояснении к выводу указано, что первым элементом затеянной кампании выступает интервью Гуркина, которое с помощью заголовка и подводки редакции переформатировано для вставки в заданный смысловой контекст. Заголовком публикации, как известно, расставляются нужные акценты, выводится доминирующий смысл. Расстановка смысловых акцентов – это известно любому медиапрофессионалу – дело «рукотворное», творческое. Что вынес в первые строчки, тем читатель и будет руководствоваться. Редакция ИА REGNUM вынесла идею противостояния «противников»: «*“Вы просто набор про-*

паганды”: *запрещенное и откровенное интервью Алексиевич*». В соответствии с этим определен смысловой контекст последующих «наступательных» текстов: «разоблачить», «победить».

Временные рамки кампании определяются технологиями обработки массового сознания. Есть заявление скандальной темы; наращивание с помощью предвзятых интерпретаций ее конфликтности; конструирование участников оппозиции; придание ей с помощью апелляции к социальным сетям и медийным авторитетам массового характера; разыгрывание националистической карты; выход на международный уровень; закрепление принципиальности противостояния через апелляцию к моральным ценностям.

– 19 июня 2017 г., 22:53: *привлечение аудитории через конструирование сенсации с намеченным противостоянием* (в дальнейшем интервью будет именоваться «скандальным»). Интервью Гуркина с Алексиевич подано как «запрещенное» («запрет» как банальная интрига, игра с потребителем, уход от существа вопроса).

– 20 июня 2017 г., 21:07: *между собеседниками интервью выстроена конфликтная оппозиция*. Ее стороны получили номинации. Об Алексиевич: «советскость» и «либеральность» – две стороны одной медали, имя которой – русофобия». О Гуркине: «вопросы с патристических позиций», «герой дня», который принял увольнение из «Делового Петербурга». Прочитированы его высказывания на личной странице в сети Facebook. Образ непредвзятго интервьюера трансформирован в образ конкретного Гуркина с его конкретными ощущениями: «“Интервью года”: соцсети отреагировали на агрессию Алексиевич. Пользователи соцсетей благодарят Сергея Гуркина».

– 20 июня 2017 г., 23:22: *отрицательный образ «противника» доведен до логического конца*. Произведено передергивание смыслов речевых высказываний Алексиевич, привлечены темы русофобии и нацизма: «Убивать за убеждения допустимо?! Алексиевич уничтожила свою репутацию. Как одно интервью сняло нобелевскую маску лицемерия и показало звериный русофобский оскал. Обзор блогосферы».

– 22 июня 2017 г., 11:53: *углубление созданной оппозиции. Продолжена опасная этнизация темы*. Алексиевич противопоставляется всему Русскому миру. К мнениям из блогосферы и социальных сетей присоединены мнения общественных деятелей: «Русскоязычный нобелиат снизошла до разговора с Русским журналистом».

– 26 июня 2017 г., 10:33: *перевод оппозиции на международный уровень, возвращение к теме нацизма, включение в оппозицию лиц из «писательского цеха»*: «Именно от таких Алексиевич крымчане ушли обратно в Россию. Крымский писатель о демаскировке всего фашистского, что есть в так называемых европейских ценностях, озвученных в скандальном интервью нобелевского лауреата». Писатель Сергей Юхин комментирует интервью Гуркина.

– 28 июня 2017 г., 05:38: *кульминация кампании – масштабное моральное осуждение «противника»*. Переформатированный смысл интервью вновь возвращен к личности Алексиевич. Но теперь уже «вся Россия знает» о ней: «Алексиевич и микрофон. Продвинутая нравственность патентованного гуманиста».

Проблема нетерпимости в российском обществе, проблема роста медианасилия в средствах массовой коммуникации рассматривается гуманитариями в ряду актуальных социальных проблем [10]. Теория социальной ответственности определяет СМИ как инструмент консолидации общества, единения всех сил на основе конструктивного плюрализма мнений [11]. Диалог людей с разными убеждениями, разными мировоззренческими картинами сегодня крайне необходим. Этому диалогу надо учиться, каким бы трудным ни был этот процесс. Вместо этого мы наблюдаем информационную политику, которую можно оценить как «раскачивание лодки». Медиа сделали агентами сиюминутной политической конъюнктуры и борьбы за рейтинги. В данном информационном споре одно СМИ, устранившись от ответственности, «умывает руки» (редакция издания «Деловой Петербург» уволила Гуркина, который не согласился с решением не публиковать интервью), другое (ИА REGNUM) – разворачивает кампанию травли творческой интеллигенции.

Конфликтное обострение этнических мотивов в диалоге с нобелевским лауреатом, привязка диалога к теме нацизма, травля героини через легитимацию интернет-комментариев «агрессивного большинства», – все эти действия со стороны информационного агентства REGNUM получили в подготовленном нами заключении эксперта определение антинациональной политики, нацеленной на социальную разнь. В следующих за интервью Гуркина публикациях на портале ИА REGNUM нами обнаружены нарушения основополагающих правил профессиональной этики журналиста: принципа объективности (непредвзятости, беспристрастности, честности, правдивости, отделе-

ния факта от мнения), принципа защиты чести и достоинства, принципа недопустимости дискриминации по этническому признаку [6. С. 59–69].

Подводя заключительный итог, обратимся к типам субъектности, о которых говорилось в начале статьи. Участие в эмпирическом исследовании СМИ в предшествующие годы убедило нас в том, что журналист с позицией, чтобы быть замеченным на медиаполе, вынужден «творить скандал». На конкретных примерах из регионов мы видели, как противопоставлялась субъектность деятельного актора, озабоченного социальными вопросами, инертной субъектности региональной печати, выступающей системным агентом власти. Рассмотренный информационный спор представляет нам иную картину столкновения интересов. Журналист, не будучи детерминирован идеологическими стереотипами, профессионально выполняет свою работу, однако последующие события придают скандальность его действиям и смыслу подготовленной им публикации. СМИ «Деловой Петербург» и ИА REGNUM выступают системными агентами сложенной на российском медиаполе оппозиции «наши – не наши». Скандал вновь становится универсальным «ключом» к вниманию аудитории. Но самое печальное в этой истории то, что происходит «перекодировка» темы общественного диалога на прямо противоположную. Устойчивый порядок воцарившегося дискурса «безличности» диктует свои правила.

Литература

1. *Дискурсивные практики СМИ* / под общ. ред. Э.В. Чепкиной. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.
2. *Лозовский Б.Н.* Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
3. *Анненкова И.В.* Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011.
4. *Бурдые П.* Социология социального пространства: пер. с фр. СПб. : Алетейя, 2013.
5. *Шайхитдинова С.К.* Особенности политической субъектности российских СМИ в ситуации информационной войны // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3. С. 225–235.
6. *Настольная книга по медийному саморегулированию* / под ред. Ю.В. Казакова. М. : Творческий центр ЮНЕСКО, 2018. Вып. 8.

7. *Основы творческой деятельности журналиста* / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000.

8. *Приказ* Минобрнауки России от 07.08.2014 № 951 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика (уровень бакалавриата)». URL: https://mgimo.ru/upload/fgos/420302-fgos-vpo-bac_jurnalist.pdf (дата обращения: 10.08.2017).

9. *Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы* / под ред. Ю.В. Казакова. М. : Медя, 2004.

10. *Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И.* Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М. : Academia, 2014.

11. *Мы – сограждане* (СМИ и общество) / под общ. ред. Л.И. Семиной. М. : БОНФИ, 2002. Т. 2.

A JOURNALIST IN THE DISCOURSE OF MEDIA: DETERMINISM OR POSITION? (A CASE STUDY OF INFORMATIONAL ARGUMENT AROUND SERGEY GURKIN'S INTERVIEW WITH SVETLANA ALEXIEVICH)

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 46–59.

Svetlana K. Shaykhitdinova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Svet1206@yandex.ru

DOI: 10.17223/26188422/3/4

Keywords: journalism, mass media, subjectivity, personal position, press complaints, scandal.

The paper substantiates the need to distinguish the types of agency in the media field. Most of the media are systemic agencies of passive agents of ideological discourses. Editorial staff is subject to this trend. However, there are authors who demonstrate the agency of rational actors with a strong personal position. The way different types of agency manifest themselves in media texts is shown in the case study of an informational argument around Sergey Gurkin's interview with Svetlana Alexievich.

These days, the policy of the modern Russian media is biased by its ideological predilections. The interview marked the beginning of the public persecution of the Nobel laureate on REGNUM News Agency's website. Many public figures condemned the journalist. As an expert of the Public Collegium on Press Complaints, the author prepared a conclusion that formed the basis of this paper.

In this study, the author came to the conclusion that the media became agents of the short-term political conjuncture and the struggle for ratings. In this informational argument, one medium "washes its hands" in the desire to avoid responsibility; the other launches a hate campaign against the creative intelligentsia. The audience divided into two camps. Some believe that the journalist was ideologically determined and behaved unethically. In their opinion, he as the author deliberately sought to increase his popularity. Others justify his actions. The author of the paper believes Gurkin proved himself to be a journalist with a civic position confident that his interview was socially

significant. Indeed, the publication could be an example of a dialogue with a dissenter. However, REGNUM News Agency “recoded” the constructive meaning of the journalist’s work through subsequent publications. The good deed was turned into a scandal.

References

1. Chepkina, E.V. (ed.) (2009) *Diskursivnyye praktiki SMI* [Discursive media practices]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Lozovskiy, B.N. (2011) *Kto i kak manipuliruyet zhurnalistami: Manipulyativnyye tekhnologii vliyaniya na sredstva massovoy informatsii* [Who manipulates journalists, and how one does it: Manipulative technologies of influence on the media]. Yekaterinburg: Ural State University.
3. Annenkova, I.V. (2011) *Mediadiskurs XXI veka: Lingvofilosofskiy aspekt yazyka SMI* [21st-century media discourse: the linguo-philosophical aspect of media language]. Moscow: Moscow State University.
4. Bourdieu, P. (2013) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Translated from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Shaykhitdinova, S.K. (2014) Osobennosti politicheskoy sub'yektnosti rossiyskikh SMI v situatsii informatsionnoy voyny [Features of the political subjectivity of the Russian media in the situation of information warfare]. *Vestn. ekonomiki, prava i sotsiologii*. 3. pp. 225–235.
6. Kazakov, Yu.V. (2018) *Nastol'naya kniga po mediynomu samoregulirovaniyu* [Handbook on media self-regulation]. Is. 8. Moscow: Tvorcheskij tsentr YuNESKO.
7. Korkonosenko, S.G. (ed.) (2000) *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista* [Fundamentals of the creative activities of a journalist]. St. Petersburg: Znaniye, SpbIVESEP.
8. Ministry of Education and Science of Russia. (2014) *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 07.08.2014 № 951 “Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 42.03.02 Zhurnalistika (uroven' bakalavriata)”* [Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 951 of 07.08.2014 “On approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the Direction 42.03.02 Journalism (for Bachelors)”]. [Online] Available from: https://mgimo.ru/upload/fgos/420302-fgos-vpo-bac_jurnalist.pdf. (Accessed: 10.08.2017).
9. Kazakov, Yu.V. (ed.) (2004) *Professional'naya etika zhurnalista: Dokumenty i spravochnyye materialy* [Professional ethics of a journalist: Documents and reference materials]. Moscow: Medeya.
10. Dzyaloshinskiy, I.M. & Dzyaloshinskaya, M.I. (2014) *Rossiyskiye SMI: kak sozdayetsya obraz vraga: Stat'i raznykh let* [Russian media: how to create an image of the enemy: Articles from different years]. Moscow: Academia.
11. Semina, L.I. (ed.) (2002) *My – sograzhdane (SMI i obshchestvo)* [We are fellow citizens (media and society)]. Vol. 2. Moscow: BONFI.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 070 (09); 930.2

DOI: 10.17223/26188422/3/5

А.Л. Семенова, Д.Н. Иванова

«ИЗВЕСТИЯ НОВГОРОДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ» – ПЕРВОЕ НОВГОРОДСКОЕ СОВЕТСКОЕ ИЗДАНИЕ¹

Рассматривается история первого советского издания в Новгороде, которое выходило с мая 1917 г. по декабрь 1918 г. Анализируются эволюция политической направленности издания, изменения дизайна и контента. Выявляются традиционные черты, характерные для новгородской дореволюционной журналистики. Определяется роль «Известий» в истории становления советской печати в Новгородской губернии.

Ключевые слова: «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», Новгородская губерния, газета, рубрика, верстка, реклама, объявления

События 1917 г. стали судьбоносными в истории России XX в. Февральская революция привела к власти Временное правительство, а наряду с этим возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, который стал органом самоуправления и оказывал существенное влияние на социально-политическую ситуацию в стране. В Петрограде появилась первая советская газета «Известия Петроградского совета рабочих депутатов». В губерниях Российской империи стали возникать местные советы, причем различного уровня: губернские, уездные. При наличии финансовых возможностей они стремились издавать свой орган печати, в названии которого неизменным было слово «известия». Необходимо подчеркнуть, что слово «известия» было чрезвычайно популярным в названии большого количества дореволюционных газет и

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Новгородской области в рамках научного проекта № 18-412-530004 РФФИ «Периодические издания Новгородской губернии (1918–1927): историко-типологическое исследование».

журналов. Таким образом, прослеживается традиционность издания уже в его названии.

В Новгороде весной 1917 г. также был создан Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, издававший газету «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Первый номер вышел 10 мая (по новому стилю) 1917 г. и «до Великой Октябрьской революции и установления Советской власти в губернии <...> они были органом эсеровского, соглашательского большинства Совета» [1. С. 4–5]. В это же время все еще продолжала выходить газета «Новгородские губернские ведомости», которая являлась первым в Новгородской губернии периодическим печатным изданием, выполнявшим, в первую очередь, административную функцию.

«Монархическое издание в марте 1917 г. становится изданием, выражающим политику Новгородского губернского комиссара Временного правительства, а в октябре 1917 г. подчиняется Новгородскому губернскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Оно продолжает выходить до 31 января 1918 г., по сути дублируя официальную информацию новой власти, которая публикуется в “Известиях Новгородского губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”» [2. С. 175].

Последний номер «Новгородских губернских ведомостей» – № 6 от 31 января 1918 г. – вышел с объявлением: «Согласно постановлению Исполнительного комитета Новгородского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 24 января с.г. издание “Новгородских губернских ведомостей” с 14 февраля (1 февраля ст. стиля) 1918 г. прекращается; взамен их будут выходить “Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”, которые явятся единственным официальным органом высшей губернской власти. Подписчикам упраздненных “Ведомостей” будут высылаться “Известия раб. солд., и кр. депутатов”». Этот текст публиковался и в нескольких номерах «Известий» в верхней части полосы «Официальной части», при этом объявление версталось крупным шрифтом на всю ширину полосы и отделялось линейками от текста.

Новгородские «Известия» функционировали в активной политической атмосфере, которая возникла в губернии в 1917 г. Они входили в группу издававшихся в губернии политических газет, в том числе уездного уровня. Собственные органы печати Советов рабочих и солдатских депутатов в Новгородской губернии появились в мае–июне 1917 г.

в Новгороде, Боровичах, Крестцах и Валдае на волне подготовки к I Всероссийскому съезду советов. Эти издания можно отнести к официальным изданиям. В условиях двоевластия Советы стали важным органом самоуправления, которые получили на местах существенную народную поддержку, о чем и свидетельствует деятельность этих органов печати [2. С. 175].

В 1917 г. в Новгородской губернии появились такие уездные издания, как «Известия Временного военно-гражданского комитета города Старой Руссы» (1917. № 1. 7 марта), «Известия Валдайского совета рабочих и солдатских депутатов» (1917. № 1. 1 мая), «Известия Боровичского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (1917. № 1. 18 июня), «Известия Крестецкого совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» (1917. № 1. 16 июля) [2. С. 177].

Эти газеты отражают процесс становления советской власти на местах. У этих изданий прослеживается ряд общих черт: «В качестве редактора выступала редколлегия местного комитета Совета, печатались газеты в крупнейших городских типографиях, распространялись по подписке и издавались на пожертвования, о которых регулярно напоминали специальные призывы. В Новгороде газета выходила три раза в неделю, в Боровичах – два, в Валдае – еженедельно, в Крестцах – один-два раза в неделю, в Старой Руссе – два раза в неделю. “Известия” в Новгороде и Валдае верстались в три колонки, в Боровичах и Крестцах – в четыре (в Боровичах – передовицы иногда в две, в Крестцах – обращения печатались во всю ширину полосы), старорусское издание – в две колонки. В среднем четыре полосы, упрощенное оформление, одно-два рекламных объявления на последней полосе демонстрируют, что учредители не были заинтересованы в коммерческой конкуренции и делали ставку на содержание, которое целиком было посвящено продвижению политики эсеров – меньшевиков» [2. С. 177].

Четкой рубрикации в этих газетах не было, постоянные рубрики можно было видеть в новгородских «Известиях», а также в валдайской газете постоянно были рубрики «Местная жизнь» и «За неделю», в крестецкой – «Хроника».

Издания Советов писали о событиях как городов, так и уездов, волостей. Главный критерий отбора – материалы должны отражать политическую повестку дня. Необходимо подчеркнуть, что в новгородских изданиях 1917 г. можно наблюдать активную полемику с други-

ми газетами. «Известия» в Новгороде полемизировали с «Волховским листком» и «Новгородской жизнью» (1917), боровичская газета Советов – с «Народным трудом».

«Известия» выполняли функцию официальных изданий. Официальная повестка издания раскрывалась в различных публикациях, в том числе в документах о деятельности Советов. Например, в № 13 от 2 июня 1917 г. на первой полосе помещено сообщение «От Контрольно-следственного отдела при Исполнит. К-те Новг. Сов. Р., С и Кр. Депутатов». В нем говорится, что «расследование случая, произошедшего в кинематографе “Синхрофон” вечером 29 мая, не обнаружило в действиях заподозренных лиц никакого состава преступления, о чем и доводится до всеобщего сведения». На второй полосе этого же номера опубликован «Отчет Общего собрания членов Новгородского Совета Раб., Солд. и Крест. Депутатов», который свидетельствует о том, что в Новгородском Совете, как и в Петрограде, шла активная борьба эсеров и меньшевиков с большевиками. Как подчеркивалось в отчете, победа первых была обеспечена и отражена в принятых резолюциях. На этом же собрании выдвигались делегаты от Новгородской губернии на Всероссийский съезд Советов. На четвертой полосе номера – два официальных сообщения. В первом – исполком Совета предлагает всем волостным сходам выбрать представителей в Совет, во втором – Контрольно-следственная комиссия Новгородского совета доводит до сведения новгородцев, что анонимные жалобы не рассматриваются, «просят подписывать все заявления, направляемые в Совет, полным именем автора, с указанием адреса». Подобные публикации показывают, что Новгородский совет осуществлял работу по организации не только партийной деятельности, но и административной, а также контроль за общественным порядком.

При этом в «Известиях», несомненно, прослеживается традиция газет универсальных. В новгородском издании немало места уделялось литературным материалам: стихам, фельетонам. На уездном уровне подобный контент был представлен минимально, однако и здесь можно видеть материалы литературного характера. Например, на четвертой полосе «Известий Временного военно-гражданского комитета города Старой Руссы» в № 3 (14 марта) помещено стихотворение «Борцам за свободу» (без указания авторства). Редакция крестецких «Известий» (№ 8 от 20 ноября) приглашала к сотрудничеству читателей и просила присылать «материал: политический, литературный и о жизни на местах» [2. С. 178].

«Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» в 1917 г. не помещали в шапке указание на губернский масштаб издания, возможно, потому что в этот революционный год еще не подразумевалось выстраивание административной вертикали советской власти в губернии. Губернский центр и его Совет осуществляли взаимодействие с советскими организациями в уездах, не претендуя на информационную монополию.

Первые семь номеров «Известий» вышли в формате А3, а все последующие номера стали выпускаться в формате А2. Изменения в шапке газеты в течение 1917 г. были незначительными. Номера обычно состояли из 4–8 полос. В первом номере «Известий» полосы верстались в две колонки, потом их количество выросло до четырех. Иллюстраций в газете не было. Важно учитывать тот факт, что в новгородских частных газетах уже в начале XX в. были распространены рисунки и иллюстрации, особенно в оформлении рекламы.

В первый год «Известия» выходили три раза в неделю, а в 1918 г. стали выходить ежедневно, кроме праздничных дней. Стоимость отдельного номера «Известий» составляла 6 копеек, тогда как подписка на три месяца была 1 р. 70 к., на два месяца – 1 р. 10 к., на один месяц – 60 к. Адресом редакции являлся штаб бригады Советов Р.С. и К.Д. Как редактор-издатель на последней странице указывалась «редакционная коллегия Исп. Ком. Совета Р., С. и К. Д.». Только в конце 1917 г. стало возможным узнать, кто входил в эту редакционную коллегию, потому как стали указывать конкретные имена. Газета печаталась в новгородской губернской типографии, как и «Новгородские губернские ведомости».

На страницах «Известий» размещались разнообразные рубрики, в которых освещались разные стороны жизни новгородцев. Передовица в газете была традиционной для всех новгородских газет: Новгород (дата). Обычно можно было встретить сообщения об общероссийской повестке дня. Например, «Временное правительство, созданное 2 марта, оказалось неспособным объединить всю страну» (№ 4 от 6 (19) мая 1917 г.) или об отказе от аннексий Англии и Франции в Первой мировой войне (№ 5 от 10 (23) мая 1917 г.). Хотя публиковались и местные новости: о преобразовании Новгородского губернского комитета общественной безопасности, который был создан «в первые дни революции и представлял собою чисто случайное <...> собрание почтенных и добрых граждан, нежели крупную общественную силу», «непростительным недостатком организации <...> было допущение в со-

став сословных представителей от дворян, мещан и крестьян – явление, по меньшей мере, странное» (1917. № 6. 13 (26) мая). Также на первой полосе указывались цены на объявления, помещались приказы министров, иногда воззвания к гражданам.

Рубрика «Новгородская жизнь» присутствовала практически во всех номерах. Она была посвящена событиям губернского центра и новостям Новгородского совета, как, например, заметка «Работа комиссии Новгородского Совета Раб., Солд. и Кр. Деп.» или о «Лекции Майера», которая прошла в мужской гимназии на тему «Как происходили революции у других народов», о митингах в той же мужской гимназии (1917. № 24. 28 июня (11 июля)).

Издание помещало материалы, которые помогали вести агитационно-пропагандистскую работу в массах, где преобладала неграмотность. На страницах газеты можно было найти отдельные материалы просветительского характера: «На что должны мы, солдаты, употреблять свободное время?» (1917. № 5. 23 мая), где говорилось о необходимости получения знаний солдатами, в том числе политических, дабы «довести до конца свое начатое дело революции <...> ведь в знании и единении сила». Или «Нужен ли народу царь или народ без него обойдется?» (1917. № 8. 1 июня), где рассказывалось, что царь и его слуги разворовывали добро народа, а теперь «от нас зависит, какое мы у себя правление установим и какие законы будут у нашей родины». Писали и о необходимости голосовать на выборах в Учредительное собрание. Агитация проводилась в газете от номера к номеру, и в подобных статьях объяснялось, зачем это нужно и почему важно голосовать, а не оставаться в стороне от общего дела. В № 29 от 12 (25) июля 1917 г. был опубликован «Словарь социалиста» с подборкой новых и непонятных слов и разъяснением их значения.

Еще одной интересной, но, к сожалению, после первой же публикации исчезнувшей со страниц газеты, была рубрика «Письма в деревню», которая, вероятно, должна была носить пропагандистский характер. В письме, опубликованном в первом номере от 10 (28) мая 1917 г., были рассуждения на острую политическую тему. Письмо брату Семену от брата А. Краснова было наполнено рассуждениями на тему горя, принесенного царской властью народу. Вызывает интерес фраза в конце письма: «В другой раз напишу, как надо будет теперь устроить все порядки», будто письма и дальше должны были публиковаться в «Известиях» и каждый раз просвещать читателей в

отдаленных уголках губернии на волнующие их темы. Однако продолжения эпистолярного сюжета не последовало.

На смену «Письмам в деревню» пришли «Письма в редакцию». Эта рубрика регулярно появлялась на страницах «Известий». В одном из первых опубликованных писем говорилось о приезде в Новгород организаторов союза георгиевских кавалеров (1917. № 25. 15 июля). Автор письма, который так и подписался «Георгиевский кавалер», рассказал о том, что члены союза, не объяснив целей создания союза и назвавшись беспартийными, «стали вербовать георгиевских кавалеров». Однако позже выяснилось, что их лозунг – «Война до полной победы». Автор просит быть внимательными и не записываться в члены новой организации, которая провозглашает кадетские и черно-сотенные воззвания.

Другое интересное по содержанию «Письмо в редакцию» было от священника Н. Екатеринского о создании в Новгороде патроната «Общества помощи лицам, освобожденным из мест заключения». Описаны цели общества и главная задача, которая определялась как «содействие освобожденным лицам в устройстве быта, возвращения на путь чистой жизни, содействие умственному и нравственному развитию». Причины создания организации объяснялись тем, что люди, заключенные один раз в тюрьму, позже снова попадают в нее и без помощи не могут адаптироваться к нормальной жизни. В этом же номере опубликовано и второе письмо от Комитета Союза увечных воинов, где комитет выражает благодарность всем, кто посетил благотворительный показ фильмов «Олимпия» и «Синхрофон». Деньги от показа пошли в Союз увечных воинов (1917. № 49. 3 (16) сентября).

«Крестьянская жизнь» – еще одна рубрика «Известий». Здесь помещались сообщения из разных концов губернии. К примеру, в № 12 от 31 мая (13 июня) 1917 г. была опубликована заметка солдата Хохлова об Устюженском уезде, где «крестьяне совершенно не организованы», среди них проводится пропаганда против мира без аннексий и контрибуций, а про Новгородский совет депутатов никто не знает. Или новость из поселка Чудово в № 30 от 14 (27) июля 1917 г., рассказывающая о собрании граждан поселка, где были выбраны наблюдатели за правильным распределением продуктов в лавке до перевыборов членов кооператива. А Кирилловский уездный комитет прислал «недоверие Корнилову и поддержку Временному правительству» в № 50 от 8 (21) сентября 1917 г. Важно подчеркнуть, что практически

все сообщения были написаны различными комитетами и союзами, а не самими крестьянами, которые не имели опыта писать в газеты о своих новостях и нуждах. Этот факт объясняется тем, что в уездах Новгородской губернии был чрезвычайно низкий уровень грамотности, поэтому основную коммуникацию с изданием осуществляла местная интеллигенция, по сложившейся уже традиции освещающая события уездной жизни. «Известия» в первые полгода своего существования были проэсеровским изданием, поэтому на первое место ставились дела Советов, агитация жителей губернии за участие в выборах в Учредительное собрание и поддержка «дела революции».

В рубрике «Рабочая жизнь» публиковались сообщения, которые реально касались рабочих и их прав. В № 37 от 2 (15) августа рассказывается о закрытии фабрики Кузнецова и о том, что представитель Исполнительного комитета выехал в Петроград в министерство труда для выяснения этого вопроса. Фабрику, до выяснения всех обстоятельств, решено было не закрывать. Или о том, как в гостинице Крылова «между служащим и владельцем возник конфликт по причине несправедливого увольнения двух служащих»; остальные служащие гостиницы устроили по этой причине стачку (1917. № 52. 14 (27) сентября). Все эти сообщения были небольшими, но емкими и не так явно, как в рубрике «Крестьянская жизнь», затрагивали политическую тему, что объясняется партийным направлением издания, ориентированного на решение, в первую очередь, крестьянского вопроса.

Самой насыщенной партийными новостями оставалась рубрика «Политическая жазнь». Бюро Губернского комитета Партии социалистов-революционеров часто публиковало новости партии, план съездов и время их начала. В № 37 от 2 (15) августа 1917 г. было размещено сообщение об очередном съезде партии. А в следующем номере повторно размещено это же объявление, к которому была добавлена информация об еще одной конференции, где на повестке были уже дела связанные с избирательной компанией в Учредительное собрание (1917. № 38. 4 (17) августа). От номера к номеру эта рубрика оставалась неизменной по содержанию, так как она служила главной цели Новгородского совета – подготовке к выборам в Учредительное собрание.

«Военная жизнь», так же как и «Солдатская жизнь», касалась событий Первой мировой войны. В материале под названием «В 179-м полку» (1917. № 27. 7 (20) июля) события продолжающейся войны и

революции переплелись. В нем говорилось о том, что 179-й полк разместился в старых Аракчеевских казармах, где «стены были свидетелями многих ужасов деспотизма», но вот произошел переворот и «в казарме забила новая жизнь <...> лица ожили, преобразились, сбросили с себя клеймо деспотического рабства». А рубрика «Солдатская жизнь» чаще представляла собой письма солдат. Например, в одном из писем Никола Северный говорил, о том, что воля досталась народу тяжело, и необходимо ее беречь, «не давать в обиду», а «для этого нужно действовать сообща всей нашей дружной семьей» (1917. № 7. 16 (29 мая)), и ни слова о трудностях солдатской жизни. Любопытна история о выборах в волостной комитет в деревне Локоток, где местная мелкая буржуазия «пользуясь неграмотностью крестьян нашла необходимым составить списки кандидатов», куда вписала свои имена. Солдаты действующей армии узнали об этом факте и коллективно написали письмо в редакцию «Известий» (1917. № 10. 25 мая (7 июня)).

В отличие от эмоциональных и объемных писем этих рубрик, публикации в рубрике «Телеграммы», как и положено, были короткими и очень сухими. Здесь размещались сообщения из ставки о Западном, Румынском и Кавказском фронтах, иногда сообщение могло быть из одного слова: например, в № 14 от 4 (17) июня 1917 г. о Румынском фронте – «Перестрелка».

Но самой интересной в первой советской газете была рубрика «Маленький фельетон», которая встречается практически в каждом номере. Первый фельетон был опубликован в № 9 от 21 мая (3 июня) 1917 г. и назывался «Нечто о кадетах». В нем очень остро высмеивались кадеты и их умение приспособиться к любой, по мнению автора, политической ситуации. Иногда фельетоны были даже написаны в стихотворной форме, как «Эхо» (1917. № 14. 4 (17) июня): «Весь провиант исчерпан там и здесь? – Весь. И голод осаждает города? – Да».

С мая по октябрь 1917 г. газета не меняла формата и политической направленности – лояльности Временному правительству, и только после событий октября она стала открыто выражать недоброжелательное отношение к большевикам. Появляются и тексты с осуждением Временного правительства, деятельность которого привела к политическому кризису. Первая статья об октябрьской революции вышла в № 63 от 27 октября (9 ноября) и называлась «К спокойствию!», где говорилось об «опытной руке погромщика», которая «подкапыва-

ется под свободу народа». В статье «Новая власть» (1917. № 65. 10 (23) ноября) большевиков называют «элементами, взявшими власть», а события, происходившее тогда в России, – «анархией» и «безвластием».

Октябрьские события 1917 г. в Петрограде сказались и на судьбе новгородского советского издания. В газете происходят значительные изменения: постепенно со страниц исчезают объявления (там обычно публиковалась реклама других газет, поиск потерянных или украденных вещей). С № 59 стал указываться состав редакционной коллегии. В него входили: М. Рошаль, В. Ромм, Н. Алексеев. И за 1918 г. этот состав практически не поменялся. Издателем была издательская комиссия. Всего за 1917 г. вышло 77 номеров. Уже к концу года заметно изменилось политическое направление «Известий»: из эсеровских они превратились в пробольшевистские.

С номера 78 немного меняется шапка газеты: в название добавлено одно слово, и полное название издания теперь «Известия Новгородского губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Этим подчеркивался губернский уровень издания, которое теперь помогало большевикам выстраивать свою вертикаль власти на местах. С этого времени в «Известиях» все отчетливее проявляется административная функция, а публикации становятся более официальными по стилю.

Контент газеты в первых номерах 1918 г. почти полностью состоит из протоколов, воззваний, декретов и других официальных документов. В первых номерах 1918 г. публикуются материалы, где полностью признается советская власть, объясняется новая система местного самоуправления, говорится о мировой революции. В издании нет оценочных, аналитических статей. Начиная с № 88 в газете отделяют официальную часть, которую помещают на двух последних полосах. Здесь публиковались декреты и прочие документы. Но и неофициальная часть информировала о политике. Постепенно в газете исчезает «воздух», тексты публикуются очень плотно.

С февраля газета стала выходить ежедневно, кроме праздничных дней. Повестка была скорее всероссийской, нежели губернской, как раньше. Все рубрики исчезают, и только спустя месяц, к началу февраля, вновь появляются рубрики: «Хроника», «Телеграммы», «Маленький фельетон». Они практически не меняются по форме, но радикально изменились по политическому направлению. Позже в газете появилась

рубрика «По России», где рассказывалось о событиях разных губерний и городов страны. Все новости написаны в духе рубрики «Телеграммы»: сухо и лаконично. Учитывая события тех дней, необычно появление такой рубрики, как «Театры и зрелища», где в небольших заметках говорилось о спектаклях и различных представлениях, которые проходили в Новгороде.

Необходимо учитывать и тот факт, что с апреля 1918 г. в результате административно-территориальных реформ Новгородская губерния стала существенно меньше – из одиннадцати уездов остались шесть: Боровичский, Валдайский, Демянский, Крестецкий, Новгородский, Старорусский. Из состава губернии вышли Белозерский, Кирилловский, Тихвинский, Устюженский, Череповецкий уезды, а это значительная часть территории и населения. Сложившиеся в губернии за несколько десятилетий информационные связи и контакты были нарушены, при этом в условиях Гражданской войны и сложной политической обстановки жители российской провинции, привыкшие к многопартийности предыдущих лет, находились если не в оппозиции власти большевиков, то в «безмолвии» от политической неопределенности. Это выразилось в том, что, несмотря на активные призывы редакционного комитета издания присылать материалы с мест, таких публикаций на страницах газеты в 1918 г. единицы.

В 1918 г. было издано около трехсот номеров, прежде чем вместо «Известий» в декабре стала выходить ежедневная губернская газета «Звезда».

Первая советская газета Новгорода – «Известия Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». После закрытия «Новгородских губернских ведомостей» в начале 1918 г. они стали единственным официальным органом губернии. Это привело к существенным изменениям в дизайне и контенте издания: от универсального партийного издания с официальной направленностью оно перешло к советскому официальному формату, при этом в верстке использовались приемы, характерные для новгородской дореволюционной официальной печати. История «Известий Новгородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» отражает как важные тенденции в развитии отечественной журналистики в целом, так и своеобразие регионального журналистского процесса в первые годы советской власти.

Литература

1. Агафонова Ю. Первые советские газеты в Новгородской губернии // История новгородских газет и журналов: взгляд из XXI века : сб. статей. Великий Новгород, 2012. Вып. 2. 414 с.

2. Козлов С.А, Семенова А.Л. Новгородские газеты в 1917 году: традиции универсальных газет в уездном масштабе // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник МГУ. Международный научный журнал / под ред. проф. Е.И. Орловой. М. : Факультет журналистики МГУ, 2018. С. 170–180.

IZVESTIYA OF THE NOVGOROD SOVIET OF WORKERS', SOLDIERS' AND PEASANTS' DEPUTIES: THE FIRST SOVIET EDITION IN NOVGOROD

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 60–72.

Alexandra L. Semyonova, Daria N. Ivanova, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: alsemenova@mail.ru / IvanovaD.19@ya.ru

DOI: 10.17223/26188422/3/5

Keywords: *Izvestiya of the Novgorod Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies*; Novgorod Governorate; newspaper; rubric; page making; advertising; announcements.

The paper deals with the history of the first Soviet edition in Novgorod. *Izvestiya of the Novgorod Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies* was published from May 1917 to December 1918. The evolution of the political orientation of the edition is analyzed, because the newspaper first supported the Socialist Revolutionary Party (the SRs), and then the Bolsheviks. This change in the political orientation of the newspaper was associated with the political events in Russia in 1917. In the first months of release, the newspaper was similar in format and content to universal party editions, for example, *Novaya Zhizn* (1905), *Rech*. The newspaper had universal rubrics, literary and journalistic materials: satirical article, poems. It described the SRs' activities in Novgorod Governorate. Publications about the activities of the Novgorod Social Democrats were rare and small in size. The newspaper participated in the preparation for the elections to the Constituent Assembly: it published lists of party candidates and slogans calling to prepare for elections. The events of October 1917 determined the political orientation of the first Soviet edition in Novgorod: it passed to the local Bolsheviks, which was manifested in the change of provincial officials, and in the change of the editorial committee of the newspaper. In 1918, as a result of administrative-territorial reforms, Novgorod Government became significantly smaller, out of eleven uyezds, six were left: Borovichisky, Valdaisky, Demyansky, Krestetsky, Novgorod, Starorussky. Beloozersky, Kirillovsky, Tikhvinsky, Ustyuzhensky and Cherepovetsky uyezds were split off, and it was a big part of the territory and population. After the closing of the newspaper *Novgorod Provincial Vedomosti* in early 1918, *Izvestiya* became the only official press organ. This led to significant changes in the design and content of the edition: it was universal party publication with an official focus in the Soviet official

format, while in page making it used techniques characteristic of the pre-revolutionary Novgorod official press. The “Official Part” appeared in the last pages of *Izvestiya*, where important administrative information, orders of the authorities were published. In general, the style of the edition became less journalistic and more official, although the genre of a satirical article was preserved. The history of *Izvestiya of the Novgorod Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies* reflects important trends in the development of national journalism, and specific features of the regional journalistic process in the early years of Soviet power.

References

1. Agafonova, Yu. (2012) Pervyye sovetskiye gazety v Novgorodskoy gubernii [The first Soviet newspapers in Novgorod Governorate]. In: *Istoriya novgorodskikh gazet i zhurnalov: vzglyad iz XXI veka* [History of Novgorod newspapers and magazines: a view from the 21st century]. Is. 2. Velikiy Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.
2. Kozlov, S.A. & Semenova, A.L. (2018) Novgorodskiy gazety v 1917 godu: traditsii universal'nykh gazet v uyezdnom masshtabe [Novgorod newspapers in 1917: traditions of universal newspapers on the county scale]. In: Orlova, E.I. (ed.) *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni* [Russian literature and journalism in the movement of time]. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University.

УДК 930.2; 070.11
DOI: 10.17223/26188422/3/6

Д.Л. Стровский

**ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ.
СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ВРЕМЕНИ,
АВТОРАХ И ИХ ГЕРОЯХ**

В данной статье, написанной не столько в научной, сколько в публицистической форме повествования, рассматриваются особенности развития советской журналистики применительно к освещению «еврейского вопроса». В центре внимания – материалы СМИ, раскрывающие эту тему, а также судьбы журналистов еврейского происхождения, оказавших влияние на общественное сознание страны на том или ином отрезке отечественной истории. Автор размышляет о том, какой отпечаток наложили различные события в жизни Советского Союза, связанные с «еврейским вопросом», на формирование профессионального мировоззрения журналистов. Эти события не только повлияли на эволюцию медиапроцесса в стране, но затронули жизнь самого автора и его близких. Все это усиливает личностное содержание текста, делая его эмоциональным. В представленной статье не ставится задача представить строгие академические обобщения, вместе с тем она может восприниматься в качестве эмпирического материала для различных исследований в области политологии, социологии и истории СМИ, а также других гуманитарных наук.

Ключевые слова: история журналистики, коммунистическая идеология, советская пропаганда, Израиль, «еврейский вопрос» в СССР, антисемитизм, борьба с «безродным космополитизмом», литературно-художественная периодика, самиздат

Вместо предисловия

Живя в Израиле, как-то по-новому ощущаешь то, чему посвятил всю свою взрослую жизнь, – историю журналистики. Потому, прежде всего, что она начинает восприниматься через призму еврейства – непривычную для меня еще до недавнего времени. Не то чтобы «еврейская тема», нашедшая отражение в жизни и содержании советских СМИ, совсем проходила где-то в стороне в годы моей работы на факультете журналистики Уральского государственного, а потом феде-

рального университета. Нет, конечно. В ходе подготовки, особенно поначалу, очередной лекции глаз всегда зорко выхватывал из общего массива материала этот контекст. Но «еврейская тема» никогда не была для меня самостоятельной в потоке журналистской истории.

В Израиле, где моя жизнь началась менее трех лет назад, все оказалось по-другому. Начать с того, что гуманитарная сфера здесь развивается далеко не так, как в больших (по размеру и численности населения) странах. На нее в Израиле нет денег. Нет, это не фигура речи, как в России, а повседневная реальность, которая объясняется жесткой конфликтностью между Израилем и соседними арабскими государствами. Финансы получают оборонная и сельскохозяйственная сферы, но никак не гуманитарная. Ну, разве что за исключением иудаизма, который занимает особое и очень почетное место в системе здешнего познания.

«Узкое» восприятие гуманитарного пространства типично для многих маленьких территорий. Это относится и к журналистике. Израильские университеты сосредоточены в первую очередь на изучении своих СМИ. Глобальное информационное поле если и исследуется, то лишь в общем виде или с учетом вклада евреев в его развитие. И данный фактор накладывает серьезный отпечаток на всю систему здешнего восприятия мира. В этом довелось убедиться почти сразу же после переезда в Израиль.

...Одну из своих первых лекций я посвятил особенностям советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны. На один из слайдов поместил фотографию Юрию Левитана, без которого невозможно представить этот период советской истории.

— Он же еврей! — как-то обрадованно и сходу выдохнула одна из студенток, увидев снимок Ю. Левитана.

— Точно, еврей, — поддержали ее несколько голосов.

Им было очень интересно узнать о Ю. Левитане. Не уверен, что это желание проявило себя в той же мере, если бы речь шла о человеке иной национальности. Но так уж устроено сознание израильтян, выхватывающее из необъятного мира именно «своих». И это не может не влиять сегодня и на мое восприятие истории советской журналистики. Но от этого она делается, по-моему, только содержательнее.

Совсем не претендую на то, чтобы всесторонне осмыслить тему, вынесенную в заглавие. Это невозможно в рамках одной журнальной статьи, которая является лишь попыткой к исследованию эмпириче-

ского материала, накопленного за годы советской истории. Однако эта попытка не только познает прошлое, но и помогает лучше понять как день сегодняшний, так и «лицо» современных российских СМИ.

Следуя линии партии

Среди советских журналистов всегда были люди с «пятой графой». Это словосочетание, если кто не знает, брало свое начало из разметки советского паспорта, который выглядел не таким, как нынешний. В пятой строке странички, раскрывающей личные сведения, значилась национальность. Советский Союз был многонациональной страной, но когда говорили о «пятой графе», все сразу же понимали: речь идет о евреях.

Лиц еврейского происхождения в любом СМИ в первые советские десятилетия было не так много – на фоне всех остальных сотрудников. Но все-таки в каждой редакции областного или городского уровня всегда сидело по паре-тройке «дежурных» евреев. Иногда и больше.

Многое объяснялось официально провозглашенной политикой. В 1920-х годах в стране была проведена целая кампания по борьбе с антисемитизмом. Изрядное число материалов против этого явления, открыто называемого вредным и даже позорным, было опубликовано в «Комсомольской правде», «Крокодиле», таком литературно-художественном журнале, как «Молодая гвардия». О недопустимости развития антисемитизма писали М. Горький, В. Маяковский, Н. Асеев и многие другие. А в 1929 г. вышла книга историка и соредактора дореволюционной Еврейской энциклопедии Самуила Лозинского «Социальные корни антисемитизма в Средние века и Новое время», где это явление было названо «наследием прежнего режима», с которым советская власть решительно борется [1].

Так что центральной прессе в 1920-е гг. евреев можно было встретить часто, их тогда еще не притесняли. По моим подсчетам, примерно четвертая часть всего журналистского состава «Правды», «Известий» и «Труда» того времени была с «пятой графой». Квалифицированных кадров в советской прессе в ту пору остро не хватало, факультетов и отделений журналистики до середины 1930-х гг. еще и вовсе не существовало (их заменяли чаще всего одно- или двухгодичные курсы), а заполнять страницы партийных газет и журналов было необходимо каждый день.

Евреи, преданные советской власти, на это ремесло подходили как нельзя лучше. Уже потому, что образовательный ценз в этой среде после большевистской революции 1917 г. был высок. Все-таки евреи всегда считались «людьми книги». Каждый еврейский мальчик еще в XIX в. в обязательном порядке ходил в хедер (школу), где читал Тору и Талмуд, проходил литературу и историю. Так что потом эти люди неплохо водили пером по бумаге и обладали, как бы мы сейчас сказали, креативным мышлением. На заре советской эры они по собственной воле ринулись строить социализм, в том числе и на ниве журналистики.

Но евреи пошли в революцию и большевистскую печать не только по причине своей грамотности. С тем же успехом они могли послужить в белой армии, где тоже выходили многочисленные издания. Но белое движение прочно ассоциировалось в сознании евреев с прежней властью. Той самой, которая задолго до 1917 г. ввела для них черту оседлости и ограничения в получении университетского образования, которая с безразличием воспринимала погромы и унижения огромного числа людей, называемых в Российской империи пренебрежительно «жидами». Так что никакого уважения к прежней власти у подавляющего большинства евреев, ощущавших ее несправедливость, не было. Как недвусмысленно писал в 1919 г. Максим Горький, в этом народе жила «неугасимая вера в торжество правды, – вера, без которой нет человека, а только двуногое животное» [2]. И евреи стремились к правде, видя в ней смысл всей своей жизни. Сегодня это звучит наивно, но что было – то было.

Впрочем, советская власть действительно отменила черту оседлости и провозгласила равенство всех людей. Нетрудно понять чувства евреев. Подавляющее их большинство незамедлительно перешло на сторону Советов: художники, музыканты, писатели. Еврейские по национальности журналисты не стали исключением из правил. Многие из них, вслед за Л.Д. Троцким, начисто отвергали свое еврейское прошлое. Оно перестало что-то значить в борьбе за идеалы мировой революции. Отныне эти люди принадлежали только коммунистической идеологии. Так и оказывались многие из них в советской прессе. А кое-кто занялся формированием теории партийной печати. Обсуждали главное: какой ей быть в новых политических условиях и о чем она должна писать.

Еще на первом съезде Союза журналистов России в 1918 г. главный редактор «Известий» Юрий Стеклов (Овший Нахамкис), говорил

о возможности существования двух типов газет – руководящей, нацеленной на партийно-хозяйственный актив, и массовой – для рядовых читателей. Дескать, не все строители социализма могут сходу освоить серьезные темы, надо их к этому подводить постепенно, используя и развлекательную функцию прессы. К этой дискуссии потом подключились Яков Шафир [3], Михаил Левидов (Левит) [4] и другие, которые отчетливо видели в СМИ великую силу преобразования общества. Поэтому все они, как один, устремили взгляд на осмысление роли и задач партийной печати и рассуждали о путях привлечения внимания к советской газете. Но при этом все советские теоретики массовой информации первого поколения были за признание классовой природы журналистики [5]. Ну, а куда деться в ту пору от реализации идеологических задач новой власти? Никуда. Вот и писал Сергей Ингулов (Рейзер) о том, что в спорах о новой газете нельзя «допускать путаницы, колебаний, дискуссий и споров по основным идейным, принципиальным установкам партии» [6].

Партия сразу же после прихода к власти действительно начала рулить всеми проявлениями жизни. И в первую очередь сферой журналистики, воспринимаемой в виде неотъемлемой части общепартийной работы. Несмотря на довольно лояльное в ту пору отношение к журналистам еврейского происхождения, им все-таки советовали подбирать псевдонимы. Чтобы подлинные еврейские фамилии не мозолили глаза читателям. Считалось, что так будет лучше для общества, поскольку они представляют все же не «титულную» национальность. А многие газетчики это делали сами – без всякого напоминания. И если открыть сегодня газеты и журналы того времени, то еврейские имена встретишь там нечасто.

Многие читатели 30-х годов и не догадывались, что любимейший журналист И. Сталина Михаил Кольцов, чье имя в буквальном смысле гремело на всю страну, в действительности имел фамилию Фридлянд, а его родной брат, легендарный газетчик-карикатурист той эпохи, был известен под псевдонимом Борис Ефимов. И тот, и другой от своего еврейского происхождения если не отрешивались публично, то и не подчеркивали его, а фотографии их самих в прессе не появлялись. В творчестве Кольцова не найти «еврейской темы», за исключением его репортажей с показательных судебных процессов 1930-х гг., на которых судили Г. Зиновьева (Радомысльского), Л. Каменева (Розенфельда). Г. Сокольников (Бриллианта) и других вид-

ных большевиков. Примечательно, что в этих материалах М. Кольцов, критикуя и даже высмеивая подсудимых, никогда не упоминает их национальности. Это в ту пору было попросту не принято, следуя раннему высказыванию И. Сталина о том, что «коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма» [7].

А вот Б. Ефимов действовал иначе. Его повседневным и излюбленным коньком были шаржи, и Б. Ефимов создавал их на многих, в том числе и на тех, кого советская власть бросала в топку репрессий. Евреев среди его героев было немало, что подтверждалось внешним видом персонажей. Больше всего от Б. Ефимова доставалось, конечно, «иудушке Троцкому». Тот неизменно изображался в поблескивающем пенсне, с неприятным и каким-то искривленным лицом, и длинным крючковатым носом. Вероятно, для того, чтобы никто не мог усомниться, кем являлся по национальности «поборник буржуазии» Троцкий. Называть Льва Троцкого (Бронштейна) таким словосочетанием – это все равно, что писать про людоеда, жалостливого ко всему живому. Но тогда это было в порядке вещей. Газетные и журнальные рисунки тех лет, создаваемые, помимо Бориса Ефимова, усилиями таких карикатуристов, как Лев Бродаты и Юлий Ганф, били, что называется, не в бровь, а в глаз. Вся эта рисованная сатира, публикуемая не только в центральных газетах, но и в таких журналах, как «Бегемот», «Красный ворон», «Смехач» и многих других, воспитывала читателей в непримиримом духе к врагам революции и всяким «мелкобуржуазным недобиткам».

Часто задумываюсь сегодня: что творилось в головах этих людей – и журналистов, становившихся безжалостными обличителями, и их многочисленных жертв, – если они не вспоминали, во всяком случае публично, о своем еврейском происхождении? Правда, отказываться от него было тогда делом естественным. Какая принадлежность к еврейству, если рано или поздно все национально-культурные границы должны стереться окончательно и бесповоротно. А для чего партия грезит мировой революцией...

Отстраненность от своих национальных корней демонстрировали в первые годы советской власти многие советские журналисты. «Красную газету», главное большевистское издание в Петрограде, возглавлял, например, В. Володарский (Моисей Гольдштейн) – заместитель М. Урицкого по тамошней ЧК. В первой половине дня Воло-

дарский редактировал издание, а во второй приезжал на место еще одной своей работы и там, в подвалах ЧК, вершил большевистский самосуд. Газетой «Беднота» – самой популярной крестьянской газетой того времени – руководил Лев Сосновский. Личностью он был менее одиозной, чем Володарский, и сам в расстрелах вроде бы не участвовал. Что, правда, не помешало его жизни завершиться раньше срока. И если Володарский пал от пули эсера еще в годы гражданской войны, то жизнь Сосновского оборвалась в 37-м. Понятно, что не от старости (шел ему в ту пору лишь 52-й год), но от рук своих единомышленников.

Схожим образом сложилась в эти годы судьба и многих других журналистов. Например, Якова Бельского (Биленкина), уроженца Одессы. В начале 1920-х гг. он служил в одесской губчека, но по распоряжению партии был направлен на укрепление печати, став в 1930-х гг. зам. редактора журнала «Крокодил». Там и проработал вплоть до 1937 г., когда был обвинен в шпионаже в пользу иностранных разведок и расстрелян [8]. Аналогичная судьба постигла в 1939 г. и Карла Радека (Кароля Собельсона), одного из идеологов партии, журналиста «Известий», известного балагура и весельчака. За три года до этого он был исключён из ВКП(б) и почти тогда же арестован, став одним из главных обвиняемых в ходе второго Московского процесса. Потом был третий Московский процесс, после чего К. Радек был отправлен в отдаленный изолятор, откуда уже не вышел живым.

Вчитываешься в биографии этих журналистов и понимаешь: советская власть в те годы решительно забыла об их прежних заслугах перед ней и искоренила, как мусор. А может, это была расплата еврейского бога за те прегрешения, которые совершили эти люди, в том числе и перед своим народом. Не знаю...

Говорят, что самые страшные антисемиты вырастают из евреев, отвергнувших свои национальные корни. Так, похоже, и было в первые советские десятилетия. Наиболее одиозной фигурой на этом поприще был, наверное, Давид Заславский – бессменный публицист «Правды» на протяжении сорока с лишним лет. Заславский мог с легкостью и потрясающей быстротой написать неумный панегирик «Евреям в СССР», где еврейская культура воспринималась «неотъемлемой частью всей советской культуры». А мог «до кучи» выпустить серию жутких по своему содержанию очерков «Педагоги-вредители», в которых критиковал «пробравшихся в стан идейных врагов совет-

ской власти» профессоров высшей школы, среди которых были и носившие еврейские фамилии.

Если бы только Заславский отличался в советское время ярко выраженным приспособленчеством! Нет, таких журналистов тогда хватало с избытком. Люди той поры, работавшие в печати, демонстрировали недюжинное рвение в борьбе за социалистические идеалы. По правде говоря, сегодня уже не так-то просто сказать, кто это делал искренне, а кто руководствовался исключительно «стадным» инстинктом. Мне кажется, однако, что подавляющее большинство тогдашних газетчиков искренне верили в то, что своей неумной критикой по поводу неугодных они искореняют недостатки окружающей жизни.

К числу таких людей, бесспорно, можно отнести и главного редактора «Правды» Льва Мехлиса, под началом которого и работал Д. Заславский в 1930-е гг. Л. Мехлис был назначен на эту должность в мае 1930 г., когда являлся зав. отделом печати ЦК ВКП(б) и одновременно членом редколлегии этой газеты. До этого Л. Мехлис несколько лет учился на курсах при Коммунистической академии и в Институте красной профессуры; в соответствии с требованиями тогдашнего времени он считался подготовленным работником. И хотя обычную среднюю школу Мехлис к тому времени так и не закончил, но был человеком проверенным, способным выполнить любое партийное поручение. Что и стало залогом его продвижения по службе. Вот и на новой должности у Льва Мехлиса все получилось как нельзя лучше. И. Сталин был доволен новым главредом, при котором «Правда» стала, наконец, безоговорочным рупором партии и с безудержной страстью начала бороться с оппортунистами всех мастей, будь они представителями ЦК партии или работниками какой-либо кооперативной артели. Так что Давиду Заславскому и другим журналистам «Правды» при написании своих фельетонов и репортажей было у кого поучиться!

«Сильнее огонь по оппортунизму и гнилому либерализму!», – передовая статья с таким заголовком увидела свет в «главной газете» страны 25 декабря 1931 г. Подобных зубодробительных призывов в те годы можно было встретить немало и, конечно, не только в «Правде». Однако «Правда» под руководством Льва Мехлиса, как и полагается, отличалась особым рвением в отстаивании партийной «чистоты». На первом этапе на Мехлиса возлагалась задача очистить газету от «скверны», которую привнес в ее работу прежний редактор Николай

Бухарин. С чем он справился превосходно. Попутно не осталось «живого места» и от Емельяна Ярославского (Миней Губельмана), члена редколлегии «Правды», ратующего якобы за «свободу от критики». Как и в чем выражалось это стремление к свободе, сказать сложно: Ярославского уж точно невозможно было упрекнуть в либеральности взглядов, да и в какой-либо антипартийной группе он никогда не состоял. Тем не менее Мехлис нашел, что сказать о своем соратнике по партии со страниц «Правды». Ну а потом...

Потом кипучая деятельность Льва Мехлиса продолжилась уже на поприще выявления всех врагов народа, благо в 30-е гг. нехватки в них не было. Правда, в начале 1938 г. Мехлиса направили начальствовать в главное политуправление Красной Армии. Прослужив на посту главного редактора «Правды» почти восемь лет, еврей Л. Мехлис внес заметный вклад в публичное, посредством газетного слова, разоблачение Г. Зиновьева, Л. Каменева и многих других видных членов партии. А какие слова текли в «Правду» по этому поводу из-под пера работавшего там Михаила Кольцова! Достаточно открыть сегодня любой из его репортажей с судебного процесса – того и тех, что за ним следовали. Это ж прекрасный наглядный урок для сегодняшних российских пропагандистов. Те, впрочем, давно воспользовались им, даже не читая Кольцова и ничего не зная о Мехлисе.

Конечно, советскую идеологию тогдашнего времени укрепляли представители всех национальностей. Но роль евреев на общем фоне была отчетливо заметной. Те, о ком рассказываю, были просто-таки одержимы мыслью построения нового мира, казавшегося им не только желанным, но и близким. Вот одолеем завтра всех классовых врагов, и все сразу станет хорошо. И потому участники этого, без преувеличения, воинствующего процесса активно искривлялись вместе с линией партии. Куда она звала – туда и шли. Без каких-либо размышлений на этот счет и тем более сожаления.

Мне очень хотелось бы видеть в журналистике советского времени больше совестливых евреев. Но надо признать: в стране, где на политическом уровне с совестью было не очень, честные и в сфере журналистике были в дефиците. Хотя как сказать... Кристально чистым на протяжении всей советской власти считался тот, кто каленым железом выжигал из своей пламенной души малейшие искорки буржуазности и сострадания к врагам революции. Об этом грустно вспоминать, но приходится. Хотя бы для того, чтобы не ретушировать прошлое.

В борьбе с «безродным космополитизмом»

...Пока был жив Сталин, еврейские родители старались удерживать своих детей от поступления на факультеты журналистики. Исходя из тогдашней реальности, царящей в родной для них стране, они знали: возможность стать студентом такого факультета, всегда считавшегося сугубо идеологическим, для их ребенка ничтожна. А вот вероятность провала при сдаче там вступительных экзаменов у еврейского мальчика или девочки значительно выше, чем у его обычного сверстника. Так стоит ли собственноручно вести ребенка на эту Голгофу? И вместо того, чтобы получать гуманитарное образование, еврейские дети шли на какую-нибудь техническую специальность. Там с «пятым пунктом» вопрос решался проще. Мой папа в 51-м, после окончания школы, мечтал пойти журфак или, в крайнем случае, истфак, но дедушка, его отец, сказал жестко: «Только через мой труп».

К этому времени лояльное отношение к евреям как в сфере культуры вообще, так и журналистики уже окончательно сошло на нет. Первые проявления государственного антисемитизма обозначились еще в 1930-е гг., в ходе борьбы с формализмом в искусстве. Но тогда это явление не было отчетливо заметным, к формалистам причислялись представители разных национальностей. Гораздо тревожнее ситуация стала во второй половине 40-х, когда по всей стране началась кампания по борьбе с безродным космополитизмом. Кто только не был тогда предан остракизму из советских писателей, художников, музыкантов еврейского происхождения... Считалось, что у них «нет родины», и поэтому они лучше всего подходят на роль космополитов. Ну да, если евреи несколько тысяч лет назад обосновались в Палестине, а потом разбрелись по всему миру, какое у них может быть чувство патриотизма по отношению к Советскому Союзу...

Кажется, в 1949-м «Известия» напечатали примечательную статью «И вновь о художниках-пачкунах», по существу, повторив заголовок «Правды» от 1 марта 1936 г. В этой статье, словно под копирку, перечислялись те, кто искажал своими полотнами и рисунками советскую действительность. Читавшие эту публикацию не могли не увидеть, что подавляющее число этих «пачкунов» имели еврейские фамилии.

А чуть раньше, 28 января того же 1949 г., та же «Правда» опубликовала другую статью «Об одной антипартийной группе театральных критиков». В зубодробительном стиле «главная газета» страны обви-

няла московских критиков Ю. Юзовского, А. Гурвича, А. Борщаговского и других в отстаивании идей буржуазного искусства. Глядя на фамилии этих «псевдоэстетов», каждый должен был понимать: только они, евреи, спят и видят, чтобы потоптаться на «нерушимой» советской культуре, а потом и разрушить ее в угоду буржуазных интересов. Как конкретно это должно было произойти, «Правда» умалчивала. Считалось, вероятно, что это и так понятно.

Советская пресса была полной наводкой по евреям, представлявшим разные сферы культуры и искусства. В начале 1950-го года досталось, например, деятелям кино, лишенным «национальной гордости». Первыми, по кому выстрелила тогда «Правда», были Л. Трауберг и Е. Габрилович, которые сеяли «отсебятину» и мешали «здоровому развитию» советской жизни. Их упрекали в том, что они в своих сценарных и режиссерских работах показывают слишком мало хорошего. За несколько лет до этого, в марте 1943 г., тот же Е. Габрилович получил приветственное письмо от И.В. Сталина, в котором отмечалась его забота о воздушных силах Красной Армии. Но и это не спасло его от последующей неумолимой критики в свой адрес. Советская власть могла на какое-то время «приподнять» человека, вселив в него чувство «великой» причастности к делам страны, а потом с легкостью бросить его «мордой об стол», чтобы было неповадно другим. Так и жили...

Беспрестанное муссирование в тогдашних СМИ «еврейской темы» вело к снижению нравственной планки и у самих журналистов. Как тут не вспомнить деятельность редактора газеты «Советское искусство» В. Вдовиченко. Вначале он боролся с «безродным космополитизмом» только со страниц своего издания. Но потом активизировался. Как только ЦК ВКП(б) обвинил его в поверхностном характере публикуемых материалов, пылкая душа В. Вдовиченко не выдержала. Он направил члену Политбюро Г.М. Маленкову служебную записку, в которой взгляды названных выше театральных и иных критиков воспринимались под углом зрения «разветвленного сионистского заговора». К тексту прилагался список из 83 чел. – всех, как один, с еврейскими фамилиями [9. С. 56].

Одни представители журналистского сообщества яростно обвиняли в космополитических пристрастиях своих коллег, другие становились жертвами этого процесса. Так, на одном из партийных собраний в «Правде», проходивших в начале 1949 г., международный обозреватель газеты Я.С. Маринин (Хавинсон) произнес обличительную речь.

В ней он осудил тех сотрудников, которые создали в стенах редакции «националистическую группировку», поддавшись до этого на «провокации внешних империалистических сил». Я.С. Маринин без обиняков озвучил фамилии всех «нестойких» сотрудников, которых тут же предложил уволить. В марте того же года из «Правды» был изгнан целый ряд опытных журналистов: зав. экономическим отделом С. Гершберг, зав. отделом информации Л. Бронтман, ведущий репортер Б. Изаков и ряд других. То, что редакция оскудеет на профессиональные кадры, никого в ту пору нее волновало. Найдутся другие... Некоторые известные журналисты получили выговоры. Среди них оказался и Давид Заславский. Ему припомнили связи с Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК), уже разгромленным к этому времени, и дружбу с Соломоном Михоэлсом, главрежем Московского еврейского театра. Через пару месяцев после того памятного «разбора полетов», по предложению главного редактора «Правды» П.Н. Поспелова, был снят с работы и редактор журнала «Крокодил» Григорий Рыклин [10]. В качестве вины ему поставили то, что он якобы пошел на поводу у «кучки безответственных сатириков» – Л. Ленча, Э. Кроткого (Э.Я. Германа), Б. Ласкина и др. [11].

И таких примеров, когда одни журналисты «закладывали» других, чтобы через некоторое время оказаться на месте очередных жертв, можно вспомнить великое множество. Ситуация этого времени напоминала неустанный молох, который перемалывал человеческие судьбы.

...Жуть происходящего была настолько очевидной для моих дедушки и бабушки, что они невольно хотели уберечь от всего этого своего сына. Они не хотели, чтобы он становился журналистом. И папа поступил на металлургический факультет. Он успешно закончил его, но до конца жизни вспоминал историю своего поступления в вуз с грустью. Ему совсем не хотелось быть мастером в сталелитейном цехе. Но пришлось. И таких историй у евреев папиного поколения, родившихся в предвоенное десятилетие, было великое множество. Сколько по-настоящему способных людей не досчитались тогда журфаки, истфаки, философские факультеты...

О «людях-вредителях» и не только

Не знаю, как ощущали себя в 1940-х гг. еврей-космополиты, обруганные «Правдой» и другими центральными газетами. Мне не дове-

лось с ними встречаться, а сегодня все они безвозвратно ушли в мир иной.

Зато с одной из «космополиток», жившей в те годы в Свердловске, я виделся неоднократно. Белла Абрамовна Дижур попала «под раздачу» в 1949-м, в самый разгар этой кампании. Тогда областная газета «Уральский рабочий» открыто критиковала ее и другого свердловского писателя Геннадия Хазановича за их «откровенно аполитичную» позицию. В то время, как страна преодолевает послевоенные трудности, писал «Уральский рабочий», Б. Дижур приятнее «молчать, и в этот мир, размеренный и стройный, как гальки в озеро, стихи ронять».

Белла Абрамовна была неплохой поэтессой. Одновременно справедливо считалась добротной детской писательницей, чьи книги впоследствии издавались в Средне-Уральском книжном издательстве. Когда-то она передавала экземпляры этих книг мне, мальчишке (через мою маму-журналиста), снабдив их всякий раз дарственной надписью. Но это было уже в конце 60-х и 70-е гг., через много лет после той памятной в стране кампании гонений на евреев.

По-настоящему же мне довелось познакомиться с Б.А. Дижур много лет спустя, в Нью-Йорке. Она жила недалеко от района Брайтон-Бич, в небольшой квартирке, которую купил для нее сын – всемирно известный скульптор Эрнст Неизвестный. Помнится, за те полтора месяца, что пробыл тогда в этом американском городе, я несколько раз заходил к Белле Дижур. Ей было тогда уже за 90, но память ее оставалась по-прежнему удивительно живой. Белла Абрамовна отлично помнила едва ли не все детали своей жизни. И конечно, ту публикацию в «Уральском рабочем».

– А я ведь до этого верила в журналистов, – говорила мне Б. Дижур. – Мне казалось, что они призваны быть совестливыми. Но тогда, в 49-м, отчетливо поняла: это полная ерунда. С чего они будут такими, если окружавшая их жизнь двигалась в другом направлении.

Думается, в этих словах прозвучала очень важная мысль, не утратившая актуальности и сегодня: журналисты не могут остаться «белыми и пушистыми» в условиях, когда под их пером искажается сама жизнь.

Впрочем, сами сотрудники советских СМИ не очень-то стремились в то время завуалировать свои оценки. Безжалостно резали правду-матку. В условиях гонения на «безродных» космополитов они сами с легкостью и в любой момент могли оказаться в той же кампании

«предателей» и «вредителей», невзирая, кстати, на свое национальное происхождение. Вот и боролись эти люди, витийствовали, разоблачали, как могли.

В известном смысле апофеозом этой борьбы стал фельетон Василия Ардаматского «Пиня из Жмеринки», увидевший свет в журнале «Крокодил» в марте 1953 г. На должности директора промкомбината Жмеринского райпотребсоюза числится некий Пиня Палтинович Мирочник, окруживший себя большим числом своих родственников. Пиня и вся его многочисленная родня еврейского происхождения занимаются активным жульничеством и «резвятся под самым носом у районного прокурора». Если известный на всю страну журнал поместил на своих страницах такой опус, значит, его редакция считала, что его содержание справедливо. По-другому и быть не могло. «В чем только не замараны руки жмеринских фокусников! – заключал В. Ардаматский – И в ваксе, и в синьке, и в халве, и в подсолнечном масле, и в меду, и в патоке» [12. С. 13]. В содержании названного фельетона невозможно найти хотя бы какие-то доказательства, подтверждающие махинации Пини и его окружения. Но в качестве объекта насмешки В. Ардаматский выбрал именно евреев. Такие публикации были в ту пору нередкими, задавая общий тон всей разнузданной антисемитской кампании и демонстрируя «лицо» тогдашней прессы.

СМИ во многом способствовали и развязыванию массовой истерии в СССР по поводу «дела врачей», получившей развитие в январе 1953 г., когда обвиняемыми, якобы готовившими преднамеренное убийство Сталина и других руководителей страны, предстали врачи Кремлевской больницы. Подавляющее большинство обвиняемых были с «пятой графой». «Заговор» тогда предотвратила «скромный медработник» Лидия Тимашук. Обозреватель «Правды» Ольга Четчикина с восторгом писала, что ее поведение «стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины» [13]. Однако практически сразу же после смерти Сталина в марте 53-го все обвинения с «врачей-вредителей» были сняты, а Лидию Тимашук лишили ордена Ленина, которым она была награждена за свой «героический поступок» [14]. Вся эта история поучительна. Не только своей безжалостной сущностью, но и поведением людей в сложившихся обстоятельствах.

Мне никогда не бывает комфортно, читая о фактах отречения от самого себя в угоду «политической целесообразности». Мне вдвойне

некомфортно, если по этому пути идут евреи. Тем более, если это евреи, связавшие себя с журналистикой. Еврей-журналисты в сталинские десятилетия, как и все остальные «работники пера», воспевали цинизм и аморальность того времени. При этом они совсем не считали свои усилия позорными. Скорее наоборот: партия ставит задачи, и ничего не может быть важнее их выполнения.

...Помню книжку, опубликованную еще в конце 20-х и озаглавленную ни много ни мало как «Люди-вредители». Журналисты центральной прессы Абрам Аграновский, Григорий Лелевич (Лабори Калмансон) и Григорий Рыклин писали о так называемом «Шахтинском деле». Горные инженеры Донбасса тогда вознамерились разрушить сердце советской промышленности, и в каждом из очерков, помещенных в книжку, можно было увидеть «истинное лицо» этих людей. Вот как, например, Г. Рыклин характеризует в очерке «Без фотографии» инженера Березовского: «Это кулак, чистенько одетый, образованный, продающий свое образование, чтобы “извлекать” и “накапливать”». И таких высказываний по поводу обвиняемых в книге «Люди-вредители» великое множество. По поводу сидящих на скамье подсудимых, но еще не признанных судом виновными, тот же Г. Рыклин в очерке «Оговор» отмечает просто и понятно: «Инженеры-уроды, представшие сегодня перед советским судом, совершенно не знаменуют собой гниения и разложения в среде нашей технической интеллигенции» [15].

Все эти и им подобные обвинения без устали повторяла вся тогдашняя советская пресса. Не беспокоясь о том, что обвиняемые, по закону, тоже имеют право высказаться. Но можем ли мы ставить вопрос о каком-то законе в то время... А в последующие годы не дали высказаться уже все троим авторам книги «Люди-вредители». Г. Лелевича расстреляли в 37-м, А. Аграновский тогда же получил тюремный срок, Рыклин пострадал в годы борьбы с безродным космополитизмом... Мне видится во всем этом что-то от божеской кары. Порождая зло, будь готов, что оно возвратится к тебе сторицей. Судьбы авторов книги «Люди-вредители» кажутся мне показательными – для понимания того, что происходило с людьми, жившими в СССР. И как стремительно размывалось во многих из них чувство достоинства.

Когда я слышу сегодня о «хрупкой» еврейской душе, то сразу же вспоминаю о вкладе евреев в построение социализма в СССР. Оно было сверхэнергичным и безжалостным к тем, кто не отвечал требо-

ваниям времени. И еврей-журналисты жили и творили, не щадя живота своего. Ради своего выживания? Во имя «светлого будущего»? Или искренне веря в правоту своего дела? Кто ж сейчас разберет. Да и стоит ли разбираться...

Оттепель

Если бы не смерть Сталина в марте 1953 г., неизвестно, что стало бы с евреями, жившими в Советском Союзе. После борьбы с «безродным космополитизмом» и «дела врачей» от диктатора можно было ожидать всего, что угодно. Тот же литературный критик А. Борщаговский, в послевоенные годы попавший, как уже отмечалось, «под раздачу», писал, что на железнодорожных путях уже стояли готовые товарники – для отправки евреев куда-нибудь подальше от Москвы и Ленинграда [16]. Не знаю точно. Так или иначе, но кончина «отца народов» остановила эту вакханалию.

Меня не удивляет, что после этого советские СМИ запестрели куда большим числом авторов, носивших еврейские фамилии, чем прежде. Контроль за отбором журналистов и тем, конечно же, продолжал существовать, и представить номер газеты, где бы появилось сразу несколько «подозрительных» фамилий, было невероятно. Но все-таки в этом вопросе наступило негласное послабление.

Страх из еврейских душ – будь то писатели и журналисты, с одной стороны, или читатели – с другой, уходил не сразу. Он полностью не выветрился и потом, много лет спустя. Но все-таки дышать к середине 50-х стало легче. Это ощущение подпитывалось в первую очередь содержанием литературно-художественных журналов. Еще до XX съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущев выступил со своим закрытым докладом «О культе личности и его последствиях», эти журналы интуитивно пытались понять, что же происходило со страной в сталинскую эпоху, как вытравить из людских сердец ту тревогу, которая прочно засела в них.

Символом либеральных настроений этого времени стала повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», опубликованная в майском номере журнала «Знамя» за 1954 год. Где-то довелось прочитать, что она, как дождь, вылилась на обледенелые души людей. Пожалуй, что и так. Повесть стала особой приметой того времени. Чутким барометром жизни, полным верой в грядущие изменения. Только растопила ли она эти са-

мые души? Не знаю, по правде говоря. Слишком стальными они стали за годы первых пятилеток, массовых репрессий, бесконечных политических кампаний по выявлению врагов и предателей Родины.

Спешил И. Эренбург, когда писал свою «Оттепель». Незримо боялся того, что приоткрывшиеся двери могут снова захлопнуть приказом «сверху», и не найдет дорогу к читателю его повесть. Спешка эта была видна по всему: по неаккуратно прописанному сюжету, по грубым мазкам в изображении многих героев, подчас не очень реальным описаниям с натуры. Но «Оттепель» все-таки, безусловно, стала ярким произведением для того времени.

...Еврей инженер Соколовский боится за свою жизнь. Его дочь проживает за границей, и не дай бог, соседи прознают об этом. На судьбу врача Веры Шерер наложило отпечаток небезызвестное «дело врачей», и она, искренняя женщина, не может оправиться от страха, который испытала в то время. Еще один инженер, антисемит Журавлев, в сердцах восклицает: «Ничего я против них не имею, а все-таки доверять им нельзя». И это, смекает догадливый читатель, опять о евреях, которые готовы вредить исподтишка, скрывая от окружающих свою истинную натуру.

Эренбург был противоречивой личностью. Это становится понятным из его мемуаров «Люди, годы, жизнь». В них замечен авторский пиетет перед Сталиным, с которым Эренбург не раз встречался лично. Но неимоверно боясь последствий для себя самого, писатель все-таки ударил системе под дых. Исподволь нащупал тот самый нерв, который хоть и не подавал явных признаков жизни, но стонал, ныл в еврейских душах.

Но как взбунтовалась после выхода «Оттепели» сама система! Как пыталась отыгаться она на Эренбурге! По поводу его повести в июле 54-го дважды выступил в «Литературной газете» Константин Симонов. По нему выходило, что Эренбург сильно сгустил краски – вместо того, чтобы показать советскую жизнь цветущей и радостной. И все герои его повести – серые, унылые, невзрачные. Нетипичные де для тогдашнего времени [17]. Когда-то Симонов вместе с Эренбургом регулярно отправляли свои фронтовые корреспонденции и эссе в «Красную звезду». И не было тогда у Ильи Григорьевича «блеклых героев». А тут нате вам, появились.

Потом на ту же тему говорил в своем выступлении на Втором съезде Союза писателей СССР Михаил Шолохов. Сгущает краски в

своем творчестве Эренбург, утверждал он, да еще позволяет себе «обижаться». Объяснить это можно лишь «обостренной чувствительностью» Эренбурга [18]. Ну да... Эренбург, не имея возможности высказаться в открытую, только штрихами набросал проблему антисемитизма в стране. Но и этого было достаточно, чтобы публично потоптаться на нем, невзирая на все его писательские и журналистские заслуги.

Только-только забрезжила в те годы в культуре тема нравственной ответственности художника за то, что он создает. И Эренбург едва ли не первый, кто сказал об этом вслух. Как пытался сказать об этом в то же самое время и другой еврей литературный критик Владимир Померанцев – в своей нашумевшей тогда статье «Об искренности в литературе», появившейся в «Новом мире» в декабре 53-го. В. Померанцев ставил вопрос о том, что многим современным книгам и пьесам недостает честного взгляда на жизнь, что их авторы занимаются лакировкой действительности [19].

Это было честное восприятие происходящего. Но власть, провозгласив отход от сталинских принципов, в действительности не была готова к тому, чтобы кардинально поменять привычные правила игры и мстила всем тем, кто даже робко пытался это сделать. Исподволь ощущала опасность, которая грозит ей такими «кульбитами», пресекала их на корню. Спустя несколько лет после выхода «Оттепели» Илья Эренбург вспоминал об одной из своих встреч с Н.С. Хрущевым: «Я ушел от него с горьким привкусом: намерения у него хорошие, но все зависит от “информации” – кого он слушает и кому верит» [20. С. 419]. То, что Никита Сергеевич был далек от мыслей и чувств Эренбурга и Померанцева, было очевидным. А все остальные, окружавшие Хрущева, – тем более.

Вперед планеты всей

Доводилось читать о том, что евреи в СССР были умнее и прозорливее людей многих других национальностей. Не уверен. Через полвека существования советской власти евреи потеряли свою духовную идентичность. Идиш у многих из них был утрачен, молиться негде, хедеры (еврейские школы) закрыты. Еврейское мышление оказалось растворенным в общем потоке тогдашнего идеологического сознания. Могла ли в этих условиях возникнуть самостоятельность мышления у

этого народа? Да помилуйте! Так что евреи служили советской системе, как и все остальные. Уже и хрущевская «оттепель» шла по стране, а СМИ если и менялись, то очень медленно, со скрипом. Не евреи играли в них первую скрипку, это правда. Но выходя к читателю со своими статьями и корреспонденциями, еврей-журналисты ничем не отличались от остальных своих коллег.

...В 1957-м Никита Хрущев посетил с официальным визитом Британию. Кто откликнулся первым на это событие? Ну, конечно, Даниил Краминов, один из немногих «дежурных евреев» «Правды». С какой силой ополчился он на тогдашнюю политическую элиту Англии, как воинственно потрясал перстом по поводу их «профашистских настроений» и желания «устранить простой народ» от встреч с советским лидером [21]. Никаких реальных доказательств тому, что заморские политики враждебны по отношению к своему народу, у Д. Краминова не найти. В стиле его очерков вообще мало человеческого, зато в них отчетливо виден политический заказ того времени.

А какими разящими не в бровь, а в глаз оказывались в «Правде» фельетоны на международную тему упомянутого выше Давида Заславского! Большинство тем Заславский черпал... из ленты ТАСС. Утром свежая информация, к вечеру уже готов фельетон с разящим названием типа «Маргарита с бомбой» или «Даллес на острове пингвинов», а на завтра «эти несколько строк» получают прописку на газетной странице.

И так – годами. Не знаю, получали ли сами Д. Краминов и Д. Заславский удовольствие от того, что писали, верили ли в свою правоту. Мне кажется, они просто не задумывались обо всем этом. Творили так, а не иначе, потому что от них ждали именно такой нацеленности пера. «Подручными партии» называл советских журналистов тот же Хрущев [22]. Лучше и не скажешь. Сегодня Заславский и Краминов все больше напоминают мне болванчиков, этаких ванек-встанек. Поручили в ЦК партии развенчать это – сделаем, сказали там же обрушиться с критикой по другому поводу – напишем и об этом. Эти люди не были исключением в общем ряду тогдашних газетчиков. Но меня не покидает ощущение, что еврей-журналисты служили системе намного ретивее, чем все остальные.

И от этого неимоверно грустно. Мой папа не раз говорил мне, что еврей должен жить «с повышенной зоной ответственности» по сравнению с другими. Прежде всего, по отношению к самому себе. Пото-

му что положение людей с «пятой графой» в советской стране было очень неустойчивым. Но по этой же причине именно евреи проявляли наивысшую энергию в борьбе за идеалы социализма. Бежали впереди паровоза, на всех парах.

Когда не дали отмашку

Когда на протяжении многих лет я рассказывал студентам родного мне журфака Уральского университета о журналистской жизни в годы хрущевской «оттепели», то непременно вспоминал «Комсомольскую правду». В первую очередь потому, что она оказалась первой газетой, начавшей диалог с читателями по действительно важным для них вопросам. И привлекавшей для этого не только журналистов, но и известных людей.

Среди тех, кто откликнулся на этот эксперимент, был и Илья Эренбург. Именно он стал автором комментария, появившегося под письмом некой девушки Нины в сентябре 1959-го года. Само письмо сегодня, спустя 60 лет, выглядит наивным, но что поделать: в те годы жизнь в стране была совершенно иной.

...После окончания института Нина уезжает вместе с мужем в маленький волжский городок. Жизнь на новом месте у нее протекает уныло. Некуда пойти после работы: нет театра, даже тротуары – и те в плохом состоянии. Все грустно, серо. Нина, между тем, не хочет погружаться в один лишь быт и обращается в «Комсомолку» с пронзительным вопросом: как жить дальше в этих беспросветных условиях?

Наверное, в наши дни кое-кто начал бы иронизировать по поводу содержания такого письма. Но И. Эренбург подошел к Нинину восприятию серьезно. «Есть в ней та человечность, – резюмировал он по поводу письма, – та ненависть к сухости, к равнодушию, без которых жизнь – это ряд унылых движений» [23]. И. Эренбург ничего не предлагал Нине взамен того, что у нее есть, но ее письмо в «Комсомолку», и этот ответ известного писателя – характерные примеры «оттепельного» времени. Эренбург увидел в Нине, прежде всего, человека неравнодушного, думающего о чем-то большем, чем материальные блага. Мне кажется, что И. Эренбург точно уловил камертон, столь важный для общества, уставшего от террора, войны, политических кампаний. Камертон, который должен был венчать скорее тишину, нежели пропагандистскую дробь. И маститый литератор интуи-

тивно, но точно нащупал тональность разговора, которая нужна была в то время.

...О том же самом мы говорили много лет назад со скульптором Эрнстом Неизвестным. Я пришел к нему в нью-йоркскую мастерскую, чтобы передать пакет из родного для него Екатеринбурга. А потом мы сидели с Эрнстом Иосифовичем один на один, и тот рассказывал про «оттепельные» годы. И что важно: он, фронтовик и человек высочайшего мужества, тогда, много лет назад, по его же словам, тоже чувствовал в 1950-х гг. жгучую потребность... в простом человеческом языке. Без пафосности и ура-патриотизма.

– Мне хотелось, – вспоминал Э. Неизвестный, – чтобы еврейская интеллигенция стала активным участником этого процесса очищения от прошлого. А она не нашла в себе силы заговорить вслух о том, о чем шепталась по кухням, – про репрессии, Холокост, про извечный в России бытовой антисемитизм. Евреи тогда не осознали свое право громко ставить эти вопросы после всего того, что произошло с ними, и безропотно смирились с общим конформизмом в стране.

Смирились... Жили все эти годы с многолетней согбенностью. Да и власть делала все, чтобы провозглашенная «оттепель» скукожилась как можно быстрее. Характерным подтверждением этому стало наложенное в феврале 1961 г. «вето молчания» на роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Органы госбезопасности изъяли тогда все экземпляры рукописи, в том числе и тот, что хранился в редакции «Нового мира», отобрали даже копировальную бумагу, которая использовалась при распечатывании романа. От В. Гроссмана потребовали подписку о неразглашении, но он отказался ее давать. И направил письмо Хрущеву: «Я прошу свободы моей книге». Свобода, однако, наступила только спустя 28 лет, когда роман, наконец, был напечатан [24].

Советские СМИ в начале 60-х по-прежнему хранили молчание о подлинных болевых «точках» тогдашнего общества. Кое-что попытались обсудить, но робко и нерешительно. И тема антисемитизма так и не вышла в хрущевские годы на сколько-либо заметный уровень. Ее не озвучили в СМИ ни Илья Эренбург, ни Борис Пастернак, ни кто-либо иной. Побоялись? Наверное. Да как обсуждать эту тему, если ЦК КПСС не дал отмашку. Ни одна газета не могла решиться на такую самостоятельность.

И только молодой и ершистый Евгений Евтушенко своей стихотворной поэмой «Бабий Яр», опубликованной в сентябре 1961-го в

«Литературной газете», прорвал гробовое молчание по поводу Холокоста [25]. А вот сами евреи не поддержали развитие этой темы. Чувствовали, исходя из своего жизненного опыта, что ничего хорошего их от этого не ждет. И точно. Через короткое время после опубликования «Бабьего Яра» главный редактор «Литературки» Валерий Косолапов был уволен. И все понимали, чего именно не простили ему партийные бонзы: конечно, появления на страницах газеты евтушенковской поэмы, «искажившей историю». На встрече с деятелями искусства и литературы 8 марта 1963 г. Н.С. Хрущев поставил точку по этому вопросу: «В ЦК поступают письма, в которых высказывается беспокойство по поводу того, что в иных произведениях в извращенном виде изображается положение евреев в нашей стране... В стихотворении [“Бабий Яр”] дело изображено так, что жертвами фашистских злодеяний было только еврейское население, в то время как от гитлеровских палачей там погибло немало русских, украинцев и советских людей других национальностей... У нас не существует “еврейского вопроса”, а те, кто выдумывают его, поют с чужого голоса» [26].

Нет проблемы, сказал лидер страны. А на нет и суда нет. Занавес.

У нас героем становился не любой

Размышляя об участии евреев в развитии советской журналистики, задумываюсь иногда: а стоит ли вообще говорить применительно к ней о «национальном вопросе»? Ну, родился человек в еврейской семье, жил без отчетливо выраженной идентичности (ввиду сложившихся обстоятельств), выбрал для себя журналистское ремесло. Еврей ли он с точки зрения повседневной реализации – ментальной, духовной, творческой?

Сложно ответить на этот вопрос, по правде говоря. Принадлежность к еврейству (как и к чему-либо иному) у журналиста могла бы всегда ощущаться по текстам. Однако в советских СМИ к евреям следовало относиться с отстраненностью, и по возможности не делать их положительными героями репортажей и очерков. Когда же без таких героев было все-таки не обойтись (в случае каких-то научных, спортивных достижений), то СМИ всегда подчеркивали, что эти люди живут «в братской семье советских народов». С трудом представляю себе чемпионов мира по шахматам Михаила Ботвинника и Михаила

Таля, гения физика Льва Ландау, выдающегося скрипача Давида Ойстраха, думающих в моменты своих уникальных достижений о семье братских народов. Полная чушь...

Но никто тогда не пытался дискутировать по этому поводу. В СССР к концу 1950-х гг. жило, по официальной статистике, 2,1 млн. евреев [27]. Конечно, с «титульной» нацией (русскими) их было не сравнить, но все-таки это не десять тысяч и не двадцать. Евреи добились выдающихся результатов в науке, технике, культуре. Но листая прессу той поры, трудно было встретить сколько-либо значимое число материалов по этому поводу. А те публикации, которые появлялись, изобиловали опять же упоминаниями о какой-то «коллективности» усилий, без которых результаты работы отдельно взятых евреев никогда не стали бы возможными.

В журналистской среде периода хрущевской «оттепели», как и раньше, существовало негласное правило: о евреях говорить поменьше. Исключение делалось лишь в тех случаях, когда евреи совершали что-то противозаконное. И тогда желчь в СМИ расцветала махровым цветом, стиль таких публикаций мало отличался от стиля, распространенного в сталинские годы. Например, 16 января 1962 г. в репортаже о ходе суда по делу дела о незаконном распространении валюты газета «Труд» писала: «На скамье подсудимых из всей гоп-компани меламедов, рабиновичей, зисиановичей и им подобных выделяется один. У него картавая речь, крысиная физиономия, горбатый нос, один глаз косит, взгляд вороватый — это Арон, кто же еще?» [28].

Для критики евреев, кстати, не надо было выискивать что-то особое. В Советском Союзе большое число этих людей занималось индивидуальным трудом: вузовские преподаватели, ученые, деятели искусства, врачи... Вполне достаточно, чтобы при случае бросить тень на человека. Как писали классики марксизма, только в условиях коллективного труда может по-настоящему сформироваться сознание прогрессивно мыслящего человека. Так что советские евреи все время находились в зоне риска.

...Помнится, моя мама, закончившая журфак в 1952 году, рассказывала мне, как представители партийных органов не раз убеждали ее и коллег по редакции в том, почему они должны писать о коллективных начинаниях в разных сферах жизни. В этом случае не возникает соблазна говорить об индивидуальности человека. Все должно быть общим и единым, как учит партия.

В 1960-х гг. маму командировали на какой-то журналистский семинар в Барнаул. Попросили рассказать об опыте работы отдела культуры свердловской «Вечерки», где она работала. В качестве примера мама привела случай из своей практики. Она написала корреспонденцию о конфликте на одном из предприятий. Инженер этого предприятия не согласилась с каким-то решением профкома. Мама встала на ее сторону. Фамилия женщины была то ли Рабинович, то ли Пейсахович. Так что героиня корреспонденции оказалась с еврейскими корнями. После маминого выступления к ней подошел инструктор крайкома партии.

– Очень интересное у вас было выступление, Виктория Александровна, – произнес он. – С одним лишь не могу согласиться – о правоте одного человека в споре с целым коллективом. Вы же знаете: коллектив у нас всегда прав. Так что подумайте на будущее...

В словах инструктора не было угрозы. Он ничего не произнес и по поводу «пятой графы» заводской инженерши. Но очевидным было то, что национальность героини и ее позиция «по поводу» не могли служить хорошим примером для советского читателя.

А папа, в ту пору мастер цеха, активно сотрудничавший с «Вечеркой», решил написать о том, что на его завод пришел скульптор Эрнст Неизвестный делать эскизы для своего будущего панно. Папа хотел рассказать об Э. Неизвестном как о человеке. Но в редакции его попросили не делать этого. «Побольше мыслей о том, как скульптор собирается показать образ рабочего – нашего современника», – инструктировали отца. И он воспринял это с пониманием: ну нельзя – значит, нельзя. Таким и вышел потом этот репортаж: вылизанный и правильный, но унылый и серый. Как и подобало городской партийной газете.

Аграновский и другие

Период хрущевской оттепели лучше всего для меня символизирует памятник «дорогому Никите Сергеевичу», воздвигнутый на его могиле на Новодевичьем кладбище скульптором Эрнстом Неизвестным. По обе стороны от головы Хрущева – мраморные глыбы белого и черного цветов. Они – отражение того, что происходило в тогдашней жизни нашей страны. Единение светлых и темных сторон, определяющих ее развитие.

Мы вроде бы попытались на стыке 1950–1960-х гг. очиститься от наследия сталинизма, но не очень получилось. Сталинская система чуть смягчила тогда свой звериный оскал, но нехотя. Антисемитизм на официальном уровне вроде пошел на спад, а на повседневном продолжал бытовать. Писала обо всем этом советская пресса? Нет, конечно. Не имела полномочий, да и желания тоже. Кто потом подставит плечо какому-нибудь редактору, перейди он негласные «красные флажки»?

До какого-то времени евреи еще могли рассчитывать на заступничество «железного» наркома Лазаря Кагановича. Он как-то даже ставил осторожно вопрос на заседании Политбюро: дескать, давайте примем отдельное постановление об искоренении антисемитизма в стране. Но толку оказалось немного. Хрущев тогда первым махнул рукой: ты что, Лазарь, несешь, у нас же в СССР дружба народов. Оторвись от письменного стола, оглядись вокруг! Неужели не видишь плоды советского интернационализма?! А потом и самого Л.М. Кагановича погнали не только из Политбюро, но и из партии – за неудавшуюся в июне 1957 г. попытку «антипартийной группы», куда входил и «железный нарком», сместить Н.С. Хрущева.

Евреи по-прежнему довольствовались «квотой» при поступлении на работу, в вузы и, конечно, в редакции. Не то, чтобы их совсем не принимали в журналисты, но с осторожностью – как и раньше. На многие сотни периодических изданий того времени вряд ли можно было найти хоть одного редактора-еврея. Даже в многотиражках.

Наверное, единственным исключением из правил стали тогда московские «Известия», которые в 59-м возглавил совсем молодой Алексей Аджубей. Женившись к тому времени на дочери Н.С. Хрущева Раде, он получил своеобразный карт-бланш на все, что делал, и в том числе на подбор кадров. Вмешиваться в этот процесс партийные органы остерегались – все-таки редакторствовал не кто-либо, а зять самого Никиты Сергеевича.

У Аджубея был отличный профессиональный нюх. Не только на хорошие темы, но и журналистов. Это при нем в «Известиях» появился Анатолий Аграновский, чей отец, Абрам Давидович, работал в этой газете еще до войны. В отличие от Аграновского-старшего, его сын был принципиально иным по духу журналистом, несравненно менее конъюнктурным, но куда более равнодушным к судьбам людей, о которых писал. Спецкором «Известий» Анатолий Аграновский

стал в начале 60-х и проработал в этой газете почти четверть века. Он писал настолько ярко, что равных ему и тогда, при Хрущеве, и потом, пожалуй, не было. Еврей Анатолий Аграновский, без преувеличения, считался «совестью нации».

Его очерки люди моего поколения и старше помнят до сих пор. Каждый из них нес в себе проблемное начало и отличался безупречностью стиля. Аграновский никогда не шел от интересов высших эшелонов власти. Нет, он всегда говорил о том, что по-настоящему цепляло и захватывало. На фоне приглаженности журналистики советского времени его творчество было настоящим: пронзительным, при исследовании критических и проблемных ситуаций, но во всех случаях человеческим.

...Перед тем, как приступить к написанию серьезного материала, я, молодой журналист, начавший работать в газетной редакции в 80-е, всегда брал с полки томик Аграновского. Мысленно стремился войти в такой же стиль повествования, образ мыслей журналистского классика, отвергавшего категоричность и поспешность выводов. «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а кто хорошо думает», – высказался как-то Аграновский. По-моему, эта фраза останется на все времена.

Аграновский не был «разрушителем системы». Он просто оставался гуманистом в ее сухих и закоряченных рамках. Но и этого по тем временам было немало. По стопам Анатолия Аграновского пошли потом «известинцы» Егор Яковлев, Владимир Надеин, Борис Резник... В их очерках, репортажах и фельетонах никогда не встретишь упоминания о своем еврействе. И темы, о которых они писали, были далеки от «национального вопроса». Но то равнодушие, с которым они подходили к исследованию жизненных вопросов, бесспорно, роднило их с «еврейским взглядом» на жизнь – неуспокоенным, а подчас и осознанно тревожным.

Как закрывали альманах

Противоречивость ситуации в сфере журналистики в годы хрущевской оттепели зримо обозначилась на примере развития литературных журналов того времени.

Н.С. Хрущев поначалу вроде дал добро на духовные свободы, разрешив публикацию в «Новом мире» повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и благосклонно взирая на появле-

ние в эти же годы прозы Василия Гроссмана, Эммануила Казакевича, Анатолия Гладилина и других писателей еврейского происхождения. Все они пришли в литературу с новыми темами, активно выступали против сталинизма – как и сам Н.С. Хрущев. И поэтому до поры до времени вся эта писательская поросль не вызывала беспокойства в эмоциональной душе Никиты Сергеевича.

Но постепенно генсек понял, что такие свободы ни к чему хорошему не приведут. И стал все активнее тормозить их. «Решать-то будет кто? – задавался Хрущев вопросом на одной из встреч с творческой интеллигенцией. – Решать в нашей стране должен народ. А народ – это кто? Это партия. А партия кто? Это мы. Мы – партия. Значит, мы и будем решать. Я вот буду решать. Понятно?» [29. С. 140].

Так и действовали партийные комитеты на всех уровнях. Иногда используя для этого метод «мягкого» давления, чаще – посредством окрика. Подавляя на корню всякое инакомыслие. Да что там инакомыслие! Осуждалось любое нестандартное действие человека или коллектива, несанкционированное «сверху». Но даже если та или иная инициатива находила первоначальную поддержку партийных инстанций, то совсем необязательно, что она могла продолжаться долго. Пример литературно-художественного альманаха «Тарусские страницы» – яркое тому подтверждение.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О литературно-художественных альманахах», поставившее на повестку дня вопрос о важности таких изданий, подвигло Калужское книжное издательство в лице его руководителя Романа Левиты задуматься: а не начать ли выпускать свой альманах? Р. Левита заручился поддержкой Константина Паустовского, уроженца Калуги, и дело пошло. Содержание нового альманаха формировалось довольно быстро. В него вошли стихи Наума Коржавина (Манделя), Бориса Слуцкого, Давида Самойлова, проза русских литераторов – Юрия Козакова, Владимира Максимова и многих других. Осенью 1961 г. «Тарусские страницы» увидели свет. Но вместо 75 тысяч заявленных экземпляров вышла лишь 31 тысяча. Тираж сразу урезали «сверху», видимо, почувствовав угрозу правящей власти. Хотя в чем была эта угроза – пойдя, догадайся. Впрочем, только один набор имен авторов с «пятой графой» мог вызвать серьезные опасения.

А вскоре начался полный идейный разгром альманаха. В декабре в калужской газете появилась статья «Во имя чего и для кого?». Ее ав-

торы, зав. кафедрой местного пединститута Н. Кучеровский и доцент Н. Карпов увидели почти в каждом произведении отход от социалистической реальности, отсутствие ясных мыслей, абстрактность содержания (так, во всяком случае, прозвучало в их статье) [30].

За первым «разбором полетов» дал о себе знать второй – на сей раз в «Литературной газете». Правда, в статье Е. Осетрова «Поэзия и проза “Тарусских страниц”», опубликованной в январе 1962 г., критика в отношении альманаха прозвучала в несколько завуалированной форме, он даже был назван «привлекательной и умной книгой» [31]. Однако упрек в «неопределенности» позиции составителей и авторов альманаха увидел свет более чем определенно. «Тарусские страницы» выглядели словно «чертом из табакерки», появившимся неведь откуда и оказавшимся вредным советскому обществу и его литературе. Все это привело к тому, что решением бюро калужского обкома партии главный редактор Калужского издательства Роман Левита был изгнан с работы.

Вот такая незамысловатая история – вполне типичная для духа хрущевского времени, противоречивого и временами по-настоящему грустного. Думаю, чиновники потирали ручки от удовлетворения еще и потому, что нашли-таки повод скovyрнуть с редакторского места очередного еврея и показать, кто в доме хозяин.

И какой вывод из всего этого следует? Да не бог весть какой. Пострадали еврейские по происхождению литераторы? Ну, так что, вместе с ними «попали под лошадь» и русские по национальности писатели и поэты, грузин Булат Окуджава, чья повесть тоже нашла место на страницах «Тарусских страниц». Но никого же не расстреляли, никому не дали тюремного срока, не оградили от занятия литературой. Альманах закрыли – эка невидаль. Будто бы раньше ничего не закрывали. Словом, спасибо, родная партия, за твое гуманное отношение к «скромным труженикам пера»!

Это я с иронией, конечно. Но можно и иначе посмотреть. Сталинская система в схожем случае вряд ли кого-то пощадила, а при Хрущеве – ничего, все отделались легким испугом. Так и жили в те годы. Ходя временами по лезвию бритвы и гадая, чем обойдется та или иная ситуация, и обойдется ли вообще. А сам Хрущев, уже после того, как в октябре 64-го был отправлен в отставку, сел втайне от всевидящего гэбешного ока и начал писать мемуары. И в них, между прочим, признал, что был во многом несправедлив к деятелям культуры. И попросил у всех прощения.

Мне очень симпатичен этот поворот в хрущевской душе, пусть и изрядно запоздалый. И как сказал в нашем разговоре скульптор Эрнст Неизвестный, он многое готов простить Хрущеву за его «закрытый» доклад на XX съезде КПСС и, конечно, за признание своих ошибок. Не будь Хрущева, и судьба культуры в СССР той поры могла сложиться по-другому. И судьба советских евреев. И журналистики. Куда трагичнее. Кто знает...

Политинформация, которой не было

...Отчетливо помню с самого раннего детства, еще с конца 1960-х годов, что Израиль вызывал резко негативную реакцию в советской прессе. «Израильская военщина», «израильские подстрекатели войны»... Это лишь два из большого числа негативно окрашенных эпитетов, употребляемых в СМИ в отношении Израиля. О нем писали только худо, называя его «оплотом империализма». В этом словосочетании, транслируемом изо дня в день, таилось что-то ужасно злое.

Израиль изображали и в советских карикатурах, постоянно находивших место на страницах центральной прессы. Каждая западная страна тогда выглядела в качестве определенного образа. США бойкие рисовальщики-пропагандисты представляли в виде богатея со шляпой-котелком и непременно золотой цепочкой, Германию – в виде грозного орла, воинственно глядящего по сторонам и ждущего как бы напасть на очередную жертву – в первую очередь из числа стран «развитого социализма». Франция отчего-то принимала вид несчастной девушки, обслуживающей в качестве официантки того самого богатея в шляпе. А вот Израиль рисовали в виде какого-то уродливого на вид военного или полицейского, держащего в руках иногда дубину, но чаще почему-то ядерную ракету. Считалось, что раз эта страна воюет с арабами, значит, она, конечно, враждебная всему «прогрессивному человечеству». То, что арабский мир постоянно провоцирует, а временами и открыто нападает на израильские территории, развязывая очередную войну, в расчет не принималось.

Иногда отмеченные выше образы трансформировались, но эти запомнились наиболее отчетливо. Они курсировали из издания в издания, включая не только «Правду», «Известия» и журнал «Крокодил», но и «Пионерскую правду». Время от времени эти образы появлялись

даже в детском журнале «Мурзилка» и – что совсем курьезно – в «Веселых картинках», рассчитанных совсем на маленьких читателей – от пяти до десяти лет. Впрочем, пропагандистский запал, по мысли партийных идеологов, должен был проникнуть в сознание всех без исключения советских людей, независимо от их возраста. И детей, конечно, тоже. И делать это надо было «шутейно» и одновременно разяще, чтобы воздействие не наскучило ни большим и ни маленьким читателям.

Официальной пропаганде было необходимо, чтобы образ Израиля выглядел как исключительно враждебный. Каждодневная промывка мозгов давала свои результаты: Израиль в сознании большей части советского населения считался чем-то вроде исчадия зла, без малейших возможностей оправиться от этого «рокового недуга».

...В четвертом классе школы классная руководительница попросила меня провести политинформацию. Учился я хорошо, в пионеры меня приняли одним из первых, и теперь мне давалось первое серьезное поручение – рассказать на классном часе о том, как ужасно ведут себя «израильские агрессоры, пренебрегая нормами человеческой морали». Последнюю фразу я хорошо запомнил и поэтому сейчас цитирую ее слово в слово. Наша классная даже снабдила меня вырезками из газет, сказав, что мое выступление должно прозвучать весомо и аргументированно.

Вечером того же дня я сообщил о своем пионерском задании родителям. Мама, помнится, просто не ответила ничего, а вот папа как-то тотчас ушел в себя и напряженно стал всматриваться в старые царапины на нашем кухонном столе. Я сразу понял: случилось что-то не то.

– Не готовь эту политинформацию, – вдруг резко сказал отец.

– Как не готовь? – посмотрела на него мама. – Он же только в пионеры вступил.

– Как не готовь? – выпалил я с недоумением тот же самый вопрос.

– А вот так, не готовь! – ожесточенно выдохнул папа.

Воцарилось молчание. А потом отец встал из-за кухонного стола и ушел, не слова не говоря, в комнату. Даже не сказав маме «спасибо» за приготовленный ужин. Чего с ним никогда не бывало. Я тоже ушел в свою комнату и, оставшись наедине с газетными карикатурами и заметками, обличающими Израиль, не знал, что делать дальше. Мне было тогда десять лет, и я многого просто не понимал. А мама с папой понимали. Но не хотели вести со мной никаких разговоров на эту тему.

Мы все так и жили в те годы, руководствуясь двойной моралью. Мои родители, как люди образованные, неплохо ориентировались в международной обстановке. Однако втягивать меня в провокационные на то время разговоры не хотели. Знали, что проку от них не будет никому. И не хотели возможного раздора в моей еще несформированной душе.

...А запланированную политинформацию о «происках израильской военщины» я так и не провел. На следующий день после того семейного разговора у меня вдруг поднялась температура, и в школу я не пошел. Ни в тот день, ни на следующий. Мама звонила классной руководительнице и объясняла причину моей неявки на уроки. Так что все обошлось. А если бы не температура, я бы выступил на классном часе? Не знаю, по правде говоря.

Враг не пройдет!

Негативное упоминание Израиля в советских СМИ сопровождало меня и в десять лет, и в тридцать. По-другому и представить было невозможно. Журналисты до середины 1980-х писали об этой стране исключительно критически или с нескрываемым сарказмом. Из СМИ создавалось впечатление, что Израиль постоянно что-то крал у мира: то свободу, то демократию, то идеалы социализма. А чаще всего все вместе и одновременно. Как именно он крал, из заметок и статей понять было решительно невозможно. Они не несли в себе почти никакой фактической информации и содержали лишь огромный объем негативных эмоций, наслаивавшихся друг на друга как слои пышного пирога.

Отсутствие конкретики в газетных материалах объяснялось невозможностью для советских журналистов получить информацию из первых рук. Ввиду отсутствия на тот момент времени дипломатических отношений между СССР и Израилем ни один из собкоров центральных СМИ не имел возможности въехать на территорию Израиля, взять интервью у его политиков. Поэтому все телерепортажи и газетные корреспонденции готовились на основе фактов, добытых из зарубежных источников. Отсюда нестыковки и притянутость за уши этих фактов. Впрочем, если бы возможность проинтервьюировать израильского политика все-таки оказалась, боюсь, что толку было бы мало. Выслушивать мнение политического врага никогда не было в

традициях советской журналистики. Предполагалось, что врага требовалось подвергать лишь презрению.

Между тем, официальный Советский Союз и его СМИ не всегда воспринимали Израиль с пренебрежением. Когда в 1948 г. ООН приняла решение о создании израильского государства, отношение советской прессы к нему было исключительно положительным. Это объяснялось одним: руководство СССР активно поддержало идею появления Израиля, рассчитывая на то, что тот станет советским форпостом на Ближнем Востоке. Сталину очень хотелось укрепиться в этом регионе, реализуя тем самым свои амбиции на мировое господство как вполне законное после Второй мировой войны. По этой причине и советская пресса на первых порах поддерживала Израиль. Например, в ходе первой войны 1948 г., развязанной против него соседними арабскими государствами, «Правда» недвусмысленно отмечала, что «советская общественность не может не осудить эту агрессию» (29 мая). Схожая мысль была повторена «главной газетой» Советского Союза неоднократно. 14 октября 1950 г. «Правда» подчеркивала, что Израиль занял прочное место среди стран, борющихся за дело мира.

Такая позиция объяснялась тем, что СССР имел на Израиль не только политические, но и экономические виды. Считалось, что недра Святой земли содержат большой объем природных ресурсов: нефть, газ и многое другое. И изъятие всего этого в пользу Советского Союза, по существу, во многом давшего Израилю право на существование, является делом справедливым. Но этим надеждам не суждено было сбыться — израильская земля, в отличие от соседних арабских стран, оказалась пустой. Да и сам Израиль практически сразу же после создания стал все активнее дрейфовать в сторону США и других западных стран. К началу 1950-х гг. это стало особенно заметным, что сильно задевало Сталина, который считал поведение Израиля предательским по отношению к СССР, обеспечившему его создание. Отсюда тональность советских СМИ, которая постепенно становилась все более нетерпимой к Израилю. 15 мая 1952 г. в «Правде» появился отчет с очередного заседания ООН, где отмечалось, что речь израильского представителя изобиловала «нападками» на соседние арабские государства. А на следующий день, 16 мая, «Правда» сообщила уже о единстве израильских и американских интересов.

В марте 1953 г. в «главной газете» страны получили прописку слова «сионизм» и «сионисты». Последние, как явствовало из содержа-

ния заметок и корреспонденций, убивают представителей мирного арабского населения. При этом в материалах зачастую отсутствовала какая-либо конкретика, подтверждающая эти высказывания.

В свою очередь, осенью 1956 г. советские читатели увидели на страницах центральной прессы обращенный к израильским «агрессорам» призыв: «Руки прочь от Египта!». Та же «Правда» указывала на зверства, чинимые Израилем совместно с Англией и Францией, в отношении «ни в чем не повинного населения» этой страны (10 нояб. 1956 г.). Спустя месяц, 17 декабря 1956 г., в заметке «На Суэцком канале» «Правда» впервые употребила словосочетание «израильская военщина». Тогда же в советской прессе появился и другой термин – «оккупированные территории», имевший сугубо негативный оттенок. Хотя было понятно, что эти территории оказались у Израиля в результате освободительной войны за независимость, советская пресса не хотела признавать этого факта. Сама ситуация выглядела противоречивой: советские СМИ не оспаривали причинно-следственных связей конфликта 1948 г., но не могли согласиться с его результатами. Неприязнь к Израилю только возрастала, и в сознании большинства советских людей Израиль все более ассоциировался с образом страны-агрессора.

Стоит ли подробно говорить, что все это способствовало развитию в СССР негативного отношения к евреям. Как к израильским, так и к советским. В Советском Союзе антисемитские настроения, как на уровне государственной власти, так и в широкой социальной среде, существовали давным-давно. Поэтому резко негативное отношение к Израилю, проявившее себя в СМИ в 1950–1980-е гг., органично вписывалось в этот контекст.

«Литературка» и ее обитатели

Как уже отмечалось, приток евреев в СМИ контролировался на протяжении всего советского времени. Пожалуй, единственным изданием, ставшим исключением на общем фоне, оказалась еженедельная «Литературная газета».

Начало ее существованию было положено еще в 1947 г. Правда, тогда нечего было думать о каком-то особом «лице» этого издания. Если не считать того, что ее сотрудники целенаправленно освещали жизнь Союза писателей СССР. Изменения обозначились с начала

60-х, когда к руководству «Литературки» пришел еврей Александр Чаковский, в дальнейшем Герой Соцтруда и вообще обласканный за свою писательскую деятельность всеми мыслимыми и немыслимыми наградами. Он пробыл на редакторском посту вплоть до 1988 г., что было едва ли не рекордным показателем за всю историю советской прессы.

Если писателем А. Чаковский был неплохим, то редактором он стал, без преувеличения, выдающимся. Различными путями ему удалось собрать вместе профессионалов экстра-класса – Юрия Роста, Евгения Богата, Аркадия Ваксберга, Анатолия Рубинова, Ольгу Чайковскую, Иону Андронova, Виктора Веселовского. В редакции «Литературки» были, конечно, разные по национальности сотрудники, но евреев здесь оказалось намного больше, чем в любом другом издании того времени. Как удалось А. Чаковскому разрушить привычную кадровую политику редакции? Он вообще-то был человеком хитрым и мыслил на несколько шагов вперед по сравнению с партийными бонзами. А поскольку «Литературка» формально была органом Союза писателей СССР, то А. Чаковскому удалось убедить Старую площадь (где находился ЦК КПСС) в том, что и кадрами тоже должна заниматься сама редакция.

Ничего бы этого не случилось, если бы «Литературка» оказалась заурядным изданием. Но главреду удалось сделать ее одной из лучших газет страны, причем уже за первые годы своего пребывания в этом кресле. И это несмотря на то, что Чаковский слыл расчетливым конформистом. Он до глубины души боялся окриков из ЦК партии, и поэтому, почувствовав малейшую опасность, незамедлительно «сдавал» своих журналистов. Но при этом А. Чаковский был необычайно самолюбив. Ему нравилось выглядеть смелее других редакторов – в том случае, если «Литературка» бралась за освещение какой-либо темы.

Партийным начальникам было важно показать Западу, что в Советском Союзе царит демократия и свобода слова. И поэтому они разрешали «Литературке» писать о том, чего не позволялось ни одной другой редакции. И хотя высказался как-то Виктор Перельман, в то время редактор отдела информации, о том, что «все подлинное, существовавшее в русской литературе, не имело отношения к “Литературной газете”» [32. С. 186], это все же было не совсем так. В мае 1978 г. в газете был опубликован, например, очерк Аркадия Ваксберга

«Баня», где рассказывалось о функционировании закрытой бани для высокопоставленного начальства в Чебоксарах, ставшей местом формирования разветвленной коррупции [33].

Благодаря появлению время от времени таких смелых на тот момент времени очерков и статей, создавалось ощущение, что СССР постепенно становится свободнее в постановке проблемных тем. Все это, конечно, было ширмой для простаков. В тогдашнем Советском Союзе априори ничего не могло измениться – по причине заскорузлости всего общественного механизма. Тем не менее «Литературка», возглавляемая А. Чаковским, продолжала публиковать острые материалы, в первую очередь на судебно-правовую тему. А еще силами того же Анатолия Рубинова проводились журналистские эксперименты, доказывающие плохую работу то почтовой службы, то системы торговли, то железнодорожного транспорта. Темы всякий раз находились по-настоящему интересные, волнующие аудиторию, и раскрывались они посредством добротной публицистики. Евгений Богат, помимо судебных очерков, регулярно публиковал на страницах «Литературки» исторические и портретные эссе, которыми, без преувеличения, зачитывалась вся страна.

Журналистское мастерство авторов газеты привели к невиданному росту ее тиража: от 300 тысяч экз. в первой половине 1960-х до 6,5 млн экз. в конце 80-х [34].

...С каким интересом, еще учась в школе, я брал в руки каждый номер «Литературки»! Подписка на нее была ограничена, но моя мама-журналист получала возможность выписать эту газету всегда. И совсем еще не помышляя тогда о поступлении на журфак, я досконально вчитывался в последние восемь страниц из 16, где как раз и находили место умные и проникновенные публикации. Меня никто не заставлял это делать, просто читать все это было действительно интересно. И потом, много лет спустя, я не раз обращался к книгам Ваксберга, Богата, Рубинова. В них пульсировали мысли и чувства, что и по сей день является непреложной ценностью для любого текста.

Когда я задумываюсь об огромной популярности «Литературки» того времени, то в числе главных причин отмечаю недюжинный талант еврейских по национальности публицистов и писателей, работавших здесь. Не хочу принижать заслуги всех остальных сотрудников – без них бы той «Литературки» тоже не было. Но все же «первую скрипку» сыграли в этом издании те люди, которых отметил выше.

Их публикации стали по-настоящему творческим явлением советской эпохи, сделавшим ее куда более сложным социально-политическим и культурным феноменом, чем подчас кажется сегодня.

«Представить себе, – писал А. Ваксберг, – что десятки миллионов людей просто стали жертвами массового психоза, вряд ли возможно. Значит, было нечто такое, что заставляло тянуться к этим страницам самых разных людей... И я в точности знаю что: искренность, увлеченность, интеллигентность, нетривиальность взгляда... уважение к читателю. Никто не выдавал свое мнение за истину в последней инстанции» [35. С. 191].

В современной России, увы, не осталось таких изданий. Сегодня в них процветает политическая ангажированность, не терпящая возражений, категоричность суждений, нетерпимость к инакомыслию. Обновилось время, сменился и вектор журналистской деятельности. Но мне кажется, что все пошло кувырком еще и потому, что в редакциях совсем не стало евреев. Одни эмигрировали, другие ушли в мир иной... Редакционные коллективы не стали меньше по численности, а вот их профессиональная культура явно упала, и не только по причине прессинга со стороны властных структур. Исчезла основательность журналистского мышления, понимание того, что в центре внимания должен находиться обычный человек с его мыслями и проблемами. Все это сполна присутствовало в сознании публицистов «Литературки», уважавших своего читателя. Евреи, как известно, это люди, которые чаще всего не бывают равнодушными к окружающему их миру, стремясь по мере сил менять его. И евреи – сотрудники «Литературки» – стали именно такими.

Диссиденты и их «Хроника»

Нередко задумываюсь: почему в 1960–1970-е гг. именно евреи начали активно выражать свое недовольство по поводу существовавшей тогда в Советском Союзе политической системы? Среди критически настроенных людей были, конечно, люди многих национальностей. Диссидентское движение существовало не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Ташкенте, в прибалтийских республиках. Тем не менее именно евреи составляли наиболее заметную его часть.

Казалось бы, это никак не вписывается в их предшествующий опыт. Разве не евреи верой и правдой служили советской системе в

сталинские десятилетия? Разве ни они составляли добрую половину руководящего состава ЧК-НКВД, пачками подписывающего смертные приговоры ни в чем не повинным людям? И не евреи ли с готовностью втолковывали эти решения населению страны через центральную печать, входя в «золотую когорту» советских журналистов?

На все эти вопросы можно ответить лишь утвердительно. Однако в период хрущевской оттепели именно евреи стали проявлять наиболее активное недовольство тогдашней советской политикой по всем направлениям ее развития. Мне кажется, многое в этом раскладе объясняется ярко выраженным стремлением представителей еврейского народа к справедливости. Евреи-диссиденты могли не читать Тору, но на генетическом уровне наследовали многое из того, что там написано. Например, ответственность не только за себя, но и за других людей, живущих на земле: «И Господь превознес тебя ныне, чтобы был ты Ему особым народом, как Он говорил тебе... И чтобы был ты народом святым у Господа, Бога твоего, как Он говорил».

Все это кому-то покажется утопичным, но именно данная идея – создать человека одухотворенного, ответственного не только за себя, но и за других – красной нитью проходит через Тору и другие религиозные еврейские книги. Их содержание отчетливо подтверждает: евреи издревле мечтали о том, чтобы восстановить равные отношения друг с другом и привести весь уклад еврейской национальной жизни в соответствии с высшими принципами справедливости. О том же самом, по существу, писал Шолом-Алейхем, выводя свой знаменитый грустный образ Тевье-молочника. Схожую мысль можно встретить у теоретика сионизма Владимира (Зеева) Жаботинского в его мемуарах «Повесть моих дней», написанных в 1930-е гг.

Как уже отмечалось, евреи пошли в русскую революцию именно потому, что не видели в царском режиме гуманного отношения к себе и другим народам. И диссидентские настроения евреев много позже, уже в 1960-е гг., возникли все по той же причине – ощущения несправедливости, которую демонстрировала советская система по отношению к ею же провозглашенным принципам и просто к обычным людям.

Именно об этом писал Григорий Померанц, размышлявший в своих философских эссе, ходивших по рукам, о нравственном облике советской политики [36]. Но при этом вынужденный в 1970-е гг. публиковаться только за границей, Г. Померанц полагал, что идеи социализма по-прежнему не изжили себя. С них просто необходимо стрях-

нуть все лживое, наносное. Многие тогдашние диссиденты поддерживали эту идею. Советской политике, по их мнению, необходимо стать ближе к человеку, чтобы реализовать на практике общественные свободы, в том числе и свободу СМИ.

Большинство советских евреев не были верующими людьми и никогда не ходили в синагогу. Но они интуитивно ощущали необходимость поступать в соответствии с канонами своего духовного идеала. Именно этим объясняется открытость их высказываний. Можно вспомнить, например, литературного критика Михаила Лифшица, на протяжении многих лет сотрудничавшего с журналом «Новый мир» и применительно к литературе поднимавшего тему поиска идеального героя [37].

Вместе с тем некоторые евреи пошли еще дальше, отстаивая в конце 1960-х гг. уже ярко выраженные диссидентские идеи и используя для этого самиздат. Самиздат, возникший в стране в то время, был неоднороден. Во-первых, он представлял собой листовки, содержавшие преимущественно лишь факты, даваемые без комментариев. Во-вторых, выходили неприязательные по внешнему виду сборники журнального типа, такие, как «Феникс-61», «Феникс-66» и «Синтаксис», редактируемые Александром Гинзбургом и Юрием Галансковым. Наконец, время от времени появлялись общественно-политические газеты или журналы, выходившие с определенной периодичностью и более или менее в строгом формате. Их внешний вид тоже был более, чем скромным и напоминал скорее информационные бюллетени правозащитного содержания. Но в тогдашних подпольных условиях, в которых действовали диссиденты, о лучшем качестве изданий говорить не приходилось.

Таким журналом и стала «Хроника текущих событий», первый номер которой появился в Москве в апреле 1968 г. под редакторством Натальи Горбаневской. Будущую активную участницу диссидентского движения в СССР Н. Горбаневскую в свое время дважды исключали из МГУ с формулировкой «за недостойное поведение». Поводом для этого всякий раз становились подписываемые ею письма-протесты, критикующие советскую власть. Н. Горбаневская возглавляла «Хронику» вплоть до августа 1968 г., когда вместе с другими правозащитниками евреями Ларисой Богораз, Виктором Файнбергом, Павлом Литвиновым и их единомышленниками вышла на Красную площадь, протестуя против ввода советских войск в Чехословакию.

Все участники этой акции были осуждены на длительные сроки заключения. (Для Н. Горбаневской суд сделал исключение, ввиду наличия у нее двух малолетних детей).

Машинописная «Хроника» выпускалась на квартире историка Петра Якира раз в два месяца и сообщала о нарушениях прав человека, внесудебных преследованиях и всякого рода гонениях на инакомыслящих. В каждом номере издания появлялась рубрика «Политические репрессии». В конце 1960-х «Хроника» была, по существу, единственным источником информации об этих фактах. Несмотря на свою активность и смелость, диссиденты не могли рассчитывать на массовую поддержку в советском обществе. Оно попросту не было способно разделить их по-настоящему революционные на тот момент времени идеи. И поэтому молчало.

После ареста Натальи Горбаневской редактором «Хроники» стал Анатолий Якобсон. Благодаря ему журнал по-прежнему выходил на регулярной основе. Вплоть до ареста самого А. Якобсона...

Конечно, названное издание не было профессиональным. Оно выпускалось во многом по наитию, страдало несовершенством содержания, отсутствием строго заданной верстки. И все-таки «Хроника текущих событий», бесспорно, стала символом времени. И евреи стали активными участниками ее создания и развития.

Мне иногда становится грустно, что вся эта картина разворачивалась без моего участия. Я никого не знал лично из этих людей. Но их жизнь подтверждает: даже в самых тяжелых ситуациях, невзирая на все испытания, можно оставаться людьми – в высоком смысле этого слова. И пример их бытия и мыслей, бесспорно, помогает мне сегодня, спустя полвека – особенно в те моменты, когда становится тяжело на душе.

«Дело “Метрополя”»

Не знаю, могло ли развитие диссидентской, выходившей нелегально печати оказаться столь стремительным, отнесись советская власть чуть мягче к инакомыслию. Эта пресса как раз и появилась вследствие того, что ни один текст в тогдашних СМИ не мог выйти без предварительной цензуры. Цензоры могли вести себя с авторами интеллигентно, но суть от этого не менялась. Сколько сценариев, повестей, стихов залеживалось на полках уже в поздние годы существо-

вания советской власти только на том основании, что цензура под самыми разными предлогами не давала им ходу.

Судьба литературного альманаха «Метрополь», вышедшего в 1979 г., – отчетливое подтверждение того, как относилась советская власть к нестандартным формам художественного творчества.

Название альманаха, отмечал много лет спустя один из его авторов, писатель Василий Аксенов, имело несколько смыслов. «Прежде всего – это столица, мать городов, стало быть, Москва как наш непреходящий духовный центр. Во вторых, “Метрополь” – это гостиница, крыша над головой для бездомной литературы. И третье – иронический смысл, связанный с метрополитеном... Писатели пытаются отстоять автономию литературы, ну скажем, хотя бы отделить литературу от государства, как церковь. “Метрополь” тоже был выражением этой борьбы» [38. С. 440].

Внешне, кстати, эта борьба проявила себя слабо. Лишь в отдельных произведениях присутствуют не очень ясные полутона-полунамеки. Но и это цензура с самого начала воспринимала подозрительно. Как и набор авторов, отдавших в «Метрополь» свои произведения. Поэты Семен Липкин, Инна Лиснянская, Юз Алешковский, Евгений Рейн, Владимир Высоцкий, сатирик А. Арканов, прозаики Генрих Сапгир и Фридрих Горенштейн. Макет альманаха был разработан театральным художником Давидом Боровским, фронтиспис оформил Борис Мессерер, оформителем выступил тоже художник Анатолий Брусиловский. Показательный набор имен...

Среди авторов «Метрополя» были, конечно, не только авторы с «пятой графой»: Андрей Вознесенский, Евгений Попов, Фазиль Искандер и другие. Редколлегия отбирала писателей и поэтов, исходя в первую очередь из их способностей, а не национальной принадлежности. Но получилось именно так, как получилось. Что лишний раз подтвердило: талантливая советская литература конца 70-х во многом создавалась с участием евреев.

Делался альманах на квартире Евгении Гинзбург, матери Василия Аксенова, ставшей позже автором пронзительного по своей сути «Крутого маршрута». В итоге самодельный «Метрополь» оказался, как отмечал потом писатель Анатолий Рыбаков, «прорывом в бесцензурную печать», попыткой утверждения святого права для каждого автора – «писать свободно» [39. С. 261]. Сегодня, спустя сорок лет после выхода «Метрополя» его содержание не воспринимается рево-

люционным. Были там разные произведения, в том числе не бог весть какие художественные, а некоторые и просто не очень интересные. Но что нельзя сбрасывать со счетов, так это отчетливое желание каждого автора писать без оглядки на устоявшиеся правила и авторитеты.

Реализация этого права в первую очередь и вызвала переполох в Союзе писателей СССР. Несмотря на свое «общественное лицо», формально не обличенное какими-то административными притязаниями, этот творческий Союз, как и любой иной, контролировал политическую благонадежность своих членов. Всякая их самостоятельность вызывала ярко выраженную неприязненность у чиновников от литературы, тотчас сигнализировавших в партийные инстанции. «Эстетизация уголовщины» – такую однозначную характеристику дал «Метрополю» в газете «Московский литератор» тогдашний секретарь писательского Союза Феликс Кузнецов. И добавлял, что все содержание альманаха «противоречит корневой гуманистической традиции русской советской литературы». А известная поэтесса Римма Казакова говорила еще жестче: «это мусор, а не литература, что-то близкое к графомании» [40. С. 17]. Вот так, не больше и не меньше.

Еврейские по происхождению литераторы, опубликовавшие свои прозу и стихи в «Метрополе», на самом деле не ставили перед собой никаких политических задач. Просто потому, что были далеки от этого. Они бы очень удивились, если бы перед выходом альманаха им сказали, что они покушаются на духовные основы советской власти и общества или принижают значимость культуры советского народа. Но едва ли не каждому из них сказали именно это – на внеочередном заседании правления Союза писателей СССР, где «Метрополь» подвергся жесточайшему разгрому [41]. Его осудили все выступавшие – добротные писатели Григорий Бакланов, Сергей Залыгин, Владимир Карпов. Но еще грустнее становится, когда видишь среди тогдашних критиков альманаха еврея Александра Борщаговского, который в конце 40-х стал одной из многочисленных жертв кампании по борьбе с безродным космополитизмом, известного детского писателя Анатолия Алексина (уже на склоне лет обосновавшегося в Израиле). Все они вставали со своих мест друг за другом и размазывали по стенке своих собратьев по перу. Видимо, напрочь забыв слова Торы: «Когда надменным станет сердце твое, то забудешь Господа, Бога твоего, выведшего тебя... из дома рабства».

Впрочем, до духовного ли смысла было тогда этим критикам... Классовая и партийная солидарность не приемлет национального

примирения и элементарного человеческого соучастия. Тем более, что это соучастие не приносило дивидендов. А вот классовое чутье приносило всегда. Что и предопределяло позицию большинства советских писателей. «Дело “Метрополя”» это очень хорошо подтвердило.

Разговор с учительницей

Во второй половине 70-х, в средних классах, я уже вовсю пристрастился к газетам. К этому времени я вступил в комсомол, и родители справедливо решили, что «Пионерская правда» мне больше не нужна. Теперь в наш почтовый ящик ежедневно приходила «Комсомольская правда».

Сегодняшнюю «Комсомолку» если что и роднит с той, прежней, 40-летней давности, так это лишь название и профили орденов, помещенные на первой странице, которыми она в свое время была награждена. Во всем остальном это совсем другое издание. «Комсомолка» моей юности была по-настоящему серьезной газетой. Читать ее было интересно прежде всего по причине высокого качества многих публикаций, создаваемых крепкими журналистскими перьями. Здесь работали Валерий Аграновский (младший брат Анатолия Аграновского), Василий Песков, Инна Руденко, Ольга Кучкина... Всех и не упомнишь.

Все это, впрочем, не мешало «Комсомолке» быть в авангарде политической пропаганды, транслируемой из всех советских СМИ. Эта пропаганда распространялась, конечно, и на международную тематику. Политических и классовых врагов у СССР на тот момент было множество, так что гневные журналистские стрелы метались бойко.

Об Израиле «Комсомолка» писала много, стремясь из номера в номер опорочить его. Предметом критики была израильская политика в отношении соседних арабских стран. Создавалось ощущение, что если не сегодня, то завтра Израиль непременно их завоюет. Особенно доставалось лидерам Израиля. В 70-е гг. друг друга по очередности сменяли на должности премьер-министра Голда Меир, Ицхак Рабин и Менахем Бегин. «Комсомолка», подобно всей остальной советской прессе, худо отзывалась обо всех трех. Несмотря на то, что все они занимали несхожие политические позиции и по складу характера были совсем разными людьми. Но «Комсомолку» это не волновало. Раз

из Израиля – значит, ничего хорошего от них ждать не приходится. Попутно доставалось и израильскому населению, которое, вместо того, чтобы дать отпор своим лидерам как «пособникам войны», занималось «пропагандой империализма» и «подстрекало другие народы к международной войне».

Я ничего не придумываю. Именно такие фразы частенько звучали на страницах главной молодежной газеты страны, которая по уровню агитпропа мало чем отличалась от всей остальной центральной печати. Не могу сказать, что в детстве я только и делал, что задавал взрослым вопросы. Но все-таки эти фразы, кочующие в «Комсомолке» из номера в номер, не оставляли меня равнодушным. Мне только было непонятным: как все без исключения жители страны могли заниматься «пропагандой империализма»? Они что, не работали? И вообще, империализм в моем комсомольском сознании был связан главным образом с США. А Израиль – такой маленький. Что он может сделать для развития самых вредоносных идей?

С этими вопросами я, совсем наивный в ту пору, отправился в школу, к учительнице истории. Мне она всегда казалась рассудительной. Историчка внимательно посмотрела на меня:

– А я думала, что ты уже повзрослел, Дима. Стал комсомольцем, а задаешь такие странные вопросы. Ты что ничего не слышал о захватнических планах Израиля?

Мне было неудобно сознаться в своих сомнениях, поэтому я промолчал.

– А планы у него большие, – продолжила историчка. – Израиль готовится к войне и собирается подчинить себе весь Ближний Восток. Теперь ждет для этого удобного случая.

– А когда он наступит? – спросил я.

– В любой момент. От Израиля можно всего ожидать. Ты, видимо, вообще плохо газеты читаешь, да?

И историчка как-то неодобрительно посмотрела на меня. А потом добавила, что скоро у нас в классе ленинский зачет. «Буду спрашивать всех строго, а тебя в особенности – про международную обстановку на Ближнем Востоке. Ты все понял?»

Я утвердительно мотнул головой. На том и завершился наш разговор. Больше у меня никогда не возникало желания спрашивать о чем-то мою учительницу. Мне никогда не нравились люди, отстаивавшие свою правоту в категоричной форме. Плохо представляя в то время

реальную ситуацию в Израиле, я, тем не менее, интуитивно ощущал: вести с историчкой разговор о политике – это, следуя словам классика, все равно, что накушаться гороха.

Ее давно уже нет на белом свете, моей учительницы. А если бы она была жива, то как бы отнеслась сегодня к моему желанию переехать в Израиль? Тоже, как к «подстрекательству к войне»?

В 8-м классе, читая «Комсомолку», я и не думал, что, спустя несколько десятилетий, начну жизнь в той самой стране, которая являлась когда-то «пособником империализма». Как не мог представить, что моя любимая газета может врать. А она врала на полную катушку. Во всяком случае, в отношении Израиля – точно. Врала, как и вся советская пресса. Но всего этого я тогда в силу возраста не понимал. Наверное, это хорошо. Потому что иначе я бы не стал поступать через несколько лет на журфак. И о том эпизоде вряд ли вспомнил бы сейчас тоже.

Когда вмешался горком

В детстве и юности мое восприятие евреев ограничивалось только родственниками и теми, кто приходил в гости к моим родителям. Это были интеллигентные люди, прекрасные рассказчики, обладавшие к тому же хорошим чувством юмора. Их всех было не просто приятно – очень интересно послушать. Некоторые из этих людей в свободное время сотрудничали с местной прессой. В советское время в тогдaшнем Свердловске, ставшем позже Екатеринбургом, как и во всех городах-миллионниках, выходила лишь одна городская газета. Она так и называлась «Вечерний Свердловск».

Мама заведовала в «Вечерке» отделом культуры, литературы и искусства. Время от времени она звонила профессору Льву Когану и доценту Валерию Паверману, работавшим в Уральском госуниверситете, с просьбой подготовить для газеты очередную рецензию. Они касались чаще всего нового спектакля или кинофильма, благо с премьерными постановками или новыми фильмами проблем в нашем культурно ориентированном городе никогда не было. По опыту работы с этими авторами мама знала: качество материалов будет на высоте. И Л.Н. Коган, и В.М. Паверман откликались на такие предложения с большой заинтересованностью, все-таки газета в ту пору что-то значила. Довольными в этом случае оставались обе стороны. Не в очень большом восторге от всего этого был лишь горком партии.

Как-то, сняв в очередной раз телефонную трубку, мама услышала на том конце провода голос секретаря по идеологии. Маму попросили срочно подойти в горком.

– Не очень как-то хорошо строится ваша работа, Виктория Александровна, – начал с ней разговор главный идеолог города.

– Вы о чем? – спросила мама.

– Ну как же... Мы провели анализ работы вашего отдела. Странная картина получается. Число авторов с еврейскими фамилиями у вас больше половины.

– Так вы тоже напишите рецензию или информацию на тему городской культуры, мы и вас опубликуем, – нашлась мама. – Если хотите, давайте обсудим тему.

Но по лицу секретаря горкома было видно, что он не собирался ничего писать. Разговор после этого как-то быстро сошел на нет, и больше с мамой на эту тему никто в горкоме не разговаривал. Так что ее нештатные авторы продолжали приносить в «Вечерку» свои заметки. Они, по-моему, так никогда и не узнали о том памятном для мамы разговоре.

...В последние годы жизни, будучи на пенсии, мама нередко вспоминала о своей журналистской работе. Без пиетета, поскольку была убеждена, что то время безнадежно ушло в прошлое. Тем не менее, о многих эпизодах многолетней давности она рассказывала в деталях, как будто они произошли вчера. Коснулись как-то и того разговора в горкоме партии. «Знаешь, – поделилась со мной мама, – я и сама понимала, что для сотрудничества с газетой надо привлекать разных людей. Но для меня всегда было важным, в какой мере человек может нестандартно мыслить, имеет ли он свое мнение. С этих позиций и шел подбор авторов. А уж о национальной принадлежности точно никогда не задумывалась».

Я верю этому. Найти для сотрудничества с газетой нестандартно думающего человека – это всегда трудно. Но что поделать, если этими людьми в бытность маминой работы часто оказывались авторы еврейского происхождения. С кого спрашивать за это? Не с кого, кроме Всевышнего...

Подфартило

Мне повезло: ни в школе, ни в вузе, ни в годы работы в редакции я никогда не сталкивался напрямую с антисемитскими выпадами. На

журфаке Уральского госуниверситета, который во все времена считался идеологическим факультетом, «еврейской темы» в годы моей учебы (в конце 70-х и первой половине 80-х гг.) попросту не возникало. Ни в повседневном общении, ни тем более на лекциях или семинарах. Одним из наиболее уважаемых преподавателей журфака в ту пору был Борис Самуилович Коган, у которого учились почти все сотрудники факультета. Мне кажется, его присутствие в этих стенах исподволь определяло культуру восприятия многих вопросов, в том числе и того, о котором сейчас пишу.

Правда, общая обстановка, царившая тогда в стране, не позволяла свободно обсуждать все вопросы. Как-то на семинаре по истории КПСС (был такой обязательный в то время предмет на первом курсе) мне хотелось рассказать о противоречиях между В.И. Лениным и БУНДом – партией, считавшей себя единственным представителем интересов еврейского рабочего класса. Но постеснялся, решив, что преподаватель может меня не так понять. Все-таки общая обстановка в то время гасила такие инициативы. Но факультет тут был ни при чем.

И в редакции городской газеты в Первоуральске, где мне довелось проработать почти шесть лет после окончания журфака, я никогда не ощущал, что моя принадлежность к еврейству что-то значит. Не помню, чтобы на редакционной планерке, где обсуждались темы и герои будущих материалов, «еврейский вопрос» хотя бы раз становился предметом обсуждения. На многочисленных предприятиях этого промышленного города трудилось тогда немало инженеров-евреев, были среди них и начальники отделов. Об этих специалистах наша газета писала не больше, но и не меньше, чем о людях других национальностей. Журналисты регулярно брали у них интервью. Разговаривать с большинством из них было приятно – по тем временам их уровень общей культуры привлекал к себе. Эти беседы позволяли воспринимать окружающую жизнь на основе здравого смысла. Что для меня, в ту пору совсем «зеленого» журналиста, было в известном смысле и хорошей школой жизни.

Уже много позже мне доводилось читать о том, что в других регионах Советского Союза журналисты с еврейскими корнями чувствовали себя много хуже, чем на Урале. Этому можно верить. Межнациональная обстановка в тогдашнем Свердловске (будущем Екатеринбурге) и области была не в пример лучше, чем на Украине или в Прибалтике. На Урале испокон веку селились люди многих национально-

стей, и межнациональной вражды не ощущалось, во всяком случае, явно. Даже в Москве и Ленинграде в 1980-х гг., о чем читал позже, было куда больше антисемитских всплесков, чем на Урале. Но живя вдалеке от Москвы и иных российских окраин, я полагал в течение длительного времени, что проблема межнациональных отношений вообще и антисемитизма в частности не была в стране такой острой. Это потом, уже в 1990-е гг., читая о советском времени, отчетливо понял, как сильно я тогда заблуждался. Так что, в известном смысле, подфартило.

...А стране было не до евреев

Советская власть формально завершила свое существование в 1991 г. Но движение к этому началось шестью годами раньше, в апреле 85-го, когда тогдашний генсек ЦК КПСС М.С. Горбачев провозгласил курс страны на перестройку и гласность. Он хотел, по его признанию, подтолкнуть страну к экономическим изменениям, а для этого требовалось убрать зоны, закрытые от критики, «чтобы преумножать хорошее, а с плохим вести борьбу» [42. С. 2]. Горбачев видел в этом необходимое условие для промышленного рывка СССР, который в эти годы уже двумя ногами находился в состоянии стагнации. В какой эйфории находились тогда советские люди, получившие, наконец, возможность заговорить открыто о том, что никогда прежде не получало должной огласки! «Еврейская тема» оказалась как раз об этом.

...Хорошо помню телемосты, которые вели во второй половине 80-х гг. советский тележурналист Владимир Познер и его американский коллега Фил Донахью. Они отличались остротой поставленных вопросов, возможностью каждому, кто присутствовал в студиях по разные стороны океана, высказаться по тому или иному поводу. В одной из этих передач в московской студии оказалась группа очень пожилых евреев, которые вслух признали, что давно мечтают уехать в Израиль, а советские власти чинят им на этом пути препятствия. Услышав это, я чуть ли не подпрыгнул в кресле: ну надо же! То, что все это звучало вслух, было на тот момент совершенно необычным.

В памяти осталась и другая телепередача – «До и после полуночи», ведущим которой был журналист Владимир Молчанов. В интеллигентной, если не сказать аристократической, манере, так несвой-

ственной тогда большинству наших телеведущих, он каждую неделю рассказывал о «белых пятнах» отечественной истории и культуры. А те стали открываться на тот момент с необычайной быстротой. Один из сюжетов был посвящен еврейской репатриации как сложному, во многом противоречивому явлению общественной жизни. В студии тогда находились те, кто уехал в Израиль за несколько лет до этого (их имена за давностью лет, признаться, забылись), и делились тем, что им довелось испытать и ощутить. А еще В. Молчанов приглашал выдающихся деятелей зарубежной и советской культуры – евреев по происхождению. Он беседовал с американским пианистом Владимиром Горовицем, всемирно известным скрипачом Иегуди Менухиным, поэтом-эмигрантом Наумом Коржавиным, скульптором Эрнстом Неизвестным. Всех и не упомнишь...

Сегодня мне кажется, что тогдашняя советская аудитория оказалась не в состоянии переварить столь масштабный объем информации, который нежданно-негаданно обрушился на нее, как тайфун. На протяжении многих лет в ее сознании вообще отсутствовали «белые пятна», все было понятным: как жить, к чему стремиться, что ожидает всех нас в перспективе. По правде сказать, рассказам записных советских пропагандистов мало кто верил, но были определенные правила игры, которым следовали. А тут вдруг оказалось, что мир во многом иной, чем представлялся прежде.

Поначалу все это воспринималось с интересом, но тяга к новым темам прошла очень скоро. Как выяснилось, их появление не облегчило саму жизнь, скорее наоборот. И «еврейская тема» в СМИ перестала вызывать даже любопытство аудитории. Да еще к концу 80-х был снят «железный занавес», и сотни тысяч евреев устремились на свою историческую родину, в Израиль. За последние два года перед распадом СССР страну в этом направлении покинули свыше 340 тысяч человек, плюс около 100 тысяч евреев отправились в США и Германию [43]. Но для советских СМИ «еврейский вопрос» в это время стремительно сошел на нет. Мне кажется, они предпочли забыть о нем по политическим соображениям. В те годы активное развитие получили советско-американские отношения, и кремлевская пропаганда, не желая омрачать их, полностью сменила вектор восприятия действительности. Аналогичную позицию заняли и СМИ. Да и население, видимо, под воздействием все большего числа социально-экономических проблем, стало к этим сюжетам равнодушным (если

не считать отдельных его представителей в лице генерала-антисемита А. Макашова и иже с ним). Ну, хотя уехать эти евреи – пусть уезжают, скатертью дорога...

На этом и завершилась окончательно «еврейская тема» в советских СМИ. Неброско и скромно. После столь активного ее развития на протяжении многих десятилетий завершающий аккорд прозвучал совсем неброско. Но – что было.

Вместо послесловия

Об истории советской и современной российской журналистики как-то легко думается, глядя из окна моей нынешней израильской квартиры на уходящую за горизонт пустыню. Этот живописный пейзаж не склонен к изменениям. Он был таким и сто лет назад, и тысячу. Здесь, в Израиле, настоящее цепко переплетено с прошлым, создавая ощущение их единства. Потому и нынешняя жизнь невольно подводит меня к более глубокому познанию истории. Через призму иудейской истории лучше понимаешь, откуда ты пришел в нынешний для себя мир. Но не менее многогранной выглядят на этом фоне и российская история. Я воспринимаю их сегодня на некотором отдалении, но эта отдаленность скорее географическая, чем духовная.

И эволюция журналистики той страны, где мне довелось прожить свыше полувека, наполняется сегодня особым содержанием. В ней более выпукло, чем раньше, выглядят на расстоянии и возвышенное, и низменное, и все человеческие страсти, которыми она была пронизана в XX столетии. Рассказывая израильским студентам о том, что всегда являлось составляющей моей профессиональной жизни, я всегда помню о том, что именно она предопределила мое восприятие новых реалий. Этот опыт и делает окружающий меня мир более цельным и объемным.

Литература

1. *Лозинский С.Г.* Социальные корни антисемитизма в Средние века и Новое время. М. : Атеист, 1929.
2. *Горький А.М.* Обращение к русскому народу, 1919 г. URL: <https://polonsil.ru/blog/43521223976/Maksim-Gorkiy-o-evreyah.-Obraschenie-k-russkomu-narodu> (дата обращения: 30.09.2018).
3. *Шафир Я.* Газета и деревня. М., 1923.

4. *Левидов М.* Простые истины. М. ; Л., 1927.
5. *Жирков Г.В.* Я. Шафир – исследователь и теоретик журналистики // Акценты: Новое в массовой коммуникации. Воронеж, 2003. № 1–2.
6. *Ингулов С.Б.* Реконструктивный период и задачи печати. М., 1930.
7. *Сталин И.В.* Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки. 12.01.1931 // Собр. соч. Т. 13. URL: <http://www.kprf.org/show-thread.php?t=929> (дата обращения: 30.09.2018).
8. *Киянская О.* Яков Бельский: чекист, художник, журналист. 6.02.2015. URL: <https://www.poslednyadres.ru/articles/belsky.htm> (дата обращения: 30.09.2018).
9. *Костырченко Г.В.* Кампания по борьбе с космополитизмом // Вопросы истории. 1994. № 8.
10. *Рабинович Я.И.* Почему евреи не любят Сталина. URL: <http://history.wikireading.ru/253509> (дата обращения: 28.09.2018).
11. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Гл. V: Антисемитская агония диктатора. URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/os/tyrchenko_7.html (дата обращения: 03.10.2018).
12. *Ардаматский В.* Пиня из Жмеринки // Крокодил. 1953. 20 марта.
13. *Чечеткина О.* Почта Лидии Тимашук // Правда. 1953. 20 февр.
14. Сообщение об Указе Президиума Верховного Совета СССР № 125/32 // Правда. 1953. 4 апр.
15. *Аграновский А., Алевич Ал., Рыклин Г.* Люди-вредители. М. ; Л., 1928.
16. *Борцаговский А.М.* Обвиняется кровь. М. : Прогресс, 1994.
17. *Симонов К.* Новая повесть Ильи Эренбурга // Лит. газета. 1954. 17 и 20 июля.
18. *Шолохов М.А.* Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, 1954. URL: http://thelibrary.ru/books/sholohov_mihail_aleksandrovich/ocherki_feletony_stati_vystupleniya-read-14.html (дата обращения: 05.10.2018).
19. *Померанцев В.* Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12.
20. *Рубашкин А.* Илья Эренбург: путь писателя. Л. : Советский писатель, 1990.
21. *Краминов Д.* В Англии (Записки журналиста). М. : Правда, 1957.
22. «Советская печать должна быть самой сильной и самой боевой!». Выступление Н.С. Хрущева на приеме советских журналистов в Кремле 14 ноября 1959 г. // Правда. 1959. 18 нояб.
23. *Эренбург И.* Ответ на одно письмо // Комс. правда. 1959, 2 сент.
24. *Белага Л.* Хроника государственного антисемитизма в СССР после Сталина. 2012, 3 февр. URL: <https://la-belaga.livejournal.com/214096.html> (дата обращения: 03.10.2018).
25. *Евтушенко Е.* Бабий Яр // Лит. газ. 1961. 19 сент.

26. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. URL: <https://history.wikireading.ru/309285> (дата обращения: 30.09.2018).

27. Советский Союз. Этническая демография советского еврейства. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15423/> (дата обращения 05.10.2018).

28. Динкевич С. В кафе зашел антисемит... URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=3051> (дата обращения: 02.10.2018).

29. Ромм М. Четыре встречи с Хрущевым // Никита Сергеевич Хрущев: материалы к биографии / сост. Ю.В. Аксютин. М. : Политиздат. 1989.

30. Кучеровский Н., Карпов Н. Во имя чего и для кого? // Знамя (Калуга). 1959. 23 дек.

31. Осетров Е. Поэзия и проза «Тарусских страниц» // Лит. газ. 1962. 9 янв.

32. Перельман В. Гайд-парк при социализме // Время и мы (Тель-Авив). 1975. № 1.

33. Ваксберг А.И. Баня // Лит. газ. 1978. 12 мая.

34. Изюмов Ю. Памяти главного редактора «Литературной газеты». URL: <https://ok.ru/zrelost2.0/topic/68483498093337> (дата обращения: 02.10.2018).

35. Ваксберг А.И. Моя жизнь в жизни. М. : Терра-Спорт, 2000. Т. 1.

36. Померанц Г.С. Неопубликованное. Мюнхен : Посев, 1972.

37. Лифшиц М. Очерки русской культуры. М. : Наследие, ТОО «Фабула», 1995.

38. Л.С. Беседа с писателем Василием Аксеновым // Континент. 1981. № 27.

39. Рыбаков А. Роман-воспоминание. М. : Вагриус, 1997.

40. Ерофеев В. Десять лет спустя // Огонек. 1990. № 37.

41. Дело «МетрОполя»: стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года / подг. текста, публ., вступ. статья и комм. Марии Заламбани // Новое литературное обозрение. 2006. № 82.

42. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М. : Политиздат, 1988.

43. Тольц М. Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки // Демоскоп Weekly. № 497-498. 2012. 6–19 февр. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php> (дата обращения 4.10.2018).

THE JEWISH THEME IN SOVIET JOURNALISM. SUBJECTIVE NOTES ABOUT TIME, AUTHORS AND THEIR HEROES

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 73–126.

Dmitry L. Strovskiy, Ariel University (Ariel, Israel), Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dmitryst@ariel.ac.il; strovsky@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/3/6

Keywords: history of journalism, Communist ideology, Soviet propaganda, Israel, “Jewish issue” in the USSR, anti-Semitism, struggle against “rootless cosmopolitanism”, literary journals, samizdat.

This paper, written not as much in the scientific form but mostly in the journalistic narrative, envisages the features of the evolution of Soviet journalism related to the coverage of the “Jewish issue”. The main focus is paid to the media content revealing this topic on different stages of the national history. The fate of Soviet journalists with Jewish origins, who influenced public consciousness in certain periods of time, is also under investigation. The author tends to explore the impact of various events in the life of the USSR concerning the “Jewish issue” on the formation of the professional worldview of journalists. These events, on the one hand, seriously influenced the evolution of the media process in the country, but, on the other, affected the personal life of the author and his family. All this makes the content of the paper personal and emotional. The latter, perhaps, does not aim to present fundamental academic generalizations; yet, it grasps a profound empirical material for research in the fields of political science, sociology, media history and other humanities.

References

1. Lozinskiy, S.G. (1929) *Sotsial'nyye korni antisemitizma v Sredniye veka i Novoye vremya* [The social roots of antisemitism in the Middle Ages and the New time]. Moscow: Ateist.
2. Gor'kiy, A.M. (1919) *Obrashcheniye k russkomu narodu* [An appeal to the Russian people]. [Online] Available from: <https://polonsil.ru/blog/43521223976/Maksim-Gorkiy-o-evreyah.-Obraschenie-k-russkomu-narodu>. (Accessed: 30.09.2018).
3. Shafir, Ya. (1927) *Gazeta i derevnya* [A newspaper and the village]. Moscow: Krasnaya nov'.
4. Levidov, M. (1927) *Prostyie istiny* [Simple truth]. Moscow; Leningrad: 3-ya Tipografiya Transpechati.
5. Zhirkov, G.V. (2003) Ya. Shafir – issledovatel' i teoretik zhurnalistiki [Ya. Shafir as a researcher and theoretician of journalism]. *Aktsenty: Novoye v massovoy komunikatsii*. 1–2.
6. Ingulov, S.B. (1930) *Rekonstruktivnyy period i zadachi pechati* [The period of reconstruction and tasks of the press]. Moscow: [s.n.].
7. Stalin, I.V. (1931) *Otvet na zapros Yevreyskogo telegrafnogo agentstva iz Ameriki, 12.01.1931* [A reply to the inquiry of the Jewish Telegraph Agency from America on 12.01.1931]. [Online] Available from: <http://www.kprf.org/showthread.php?t=929>. (Accessed: 30.09.2018).
8. Kiyanskaya, O. (2015) *Yakov Bel'skiy: chekist, khudozhnik, zhurnalist* [Yakov Bel'skiy: a Cheka member, painter, journalist]. [Online] Available from: <https://www.poslednyadres.ru/articles/belsky.htm>. (Accessed: 30.09.2018).

9. Kostyrchenko, G.V. (1994) Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom [The campaign of fighting with Cosmopolitanism]. *Voprosy istorii*. 8.
10. Rabinovich, Ya.I. (n.d.) *Pochemu yevrei ne lyublyat Stalina* [Why Jews do not love Stalin]. [Online] Available from: <https://history.wikireading.ru/253509>. (Accessed: 28.09.2018).
11. Kostyrchenko, G.V. (2001) *Taynaya politika Stalina* [Stalin's secret policy]. Chapter 5. [Online] Available from: http://krotov.info/libr_min/11_k/os/tyrchenko_7.html. (Accessed: 03.10.2018).
12. Ardamatskiy, V. (1953) Pinya iz Zhmerinki [Pinya from Zhmerinka]. *Krokodil*. 20 March.
13. Chechetkina, O. (1953) Pochta Lidii Timashuk [Lydia Timashuk's mail]. *Pravda*. 20 February.
14. Pravda. (1953) Soobshcheniye ob Ukaze Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR № 125/32 [A message on the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR no. 125/32]. *Pravda*. 4 April.
15. Agranovskiy, A., Alevich, Al. & Ryklin, G. (1928) *Lyudi-vrediteli* [Human pests]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
16. Borshchagovskiy, A.M. (1994) *Obvinyayetsya krov'* [Blood is being blamed]. Moscow: Izd. gruppy "Progress".
17. Simonov, K. (1954) Novaya povest' Il'i Erenburga [A new story by Ilya Erenburg]. *Literaturnaya gazeta*. 17 & 20 July.
18. Sholokhov, M.A. (1954) *Rech' na Vtorom Vsesoyuznom s'yezde sovetskikh pisateley* [A speech at the Second Congress of Soviet writers]. [Online] Available from: http://thelibrary.ru/books/sholokhov_mihail_aleksandrovich/ocherki_feletony_statii_vystupleniya-read-14.html. (Accessed: 05.10.2018).
19. Pomerantsev, V. (1953) Ob iskrennosti v literature [On sincerity in literature]. *Novyy mir*. 12.
20. Rubashkin, A. (1990) *Il'ya Erenburg: Put' pisatelya* [Ilya Erenburg: the writer's path]. Leningrad: Sovetskii pisatel'.
21. Kraminov, D. (1957) *V Anglii (Zapiski zhurnalista)* [In England (Notes of a journalist)]. Moscow: Pravda.
22. Pravda. (1959) "Sovetskaya pechat' dolzhna byt' samoy sil'noy i samoy boyevoy!": Vystupleniye N.S. Khrushcheva na priyeme sovetskikh zhurnalistov v Kreml'e 14 noyabrya 1959 g. ["The Soviet press should be the strongest and the most active!": N.S. Khrushchev's speech at the reception of Soviet journalists in the Kremlin on 14 November 1959]. *Pravda*. 18 November.
23. Erenburg, I. (1959) Otvet na odno pis'mo [A reply to a letter]. *Komsomolskaya pravda*. 2 September.

24. Belaga, L. (2012) *Khronika gosudarstvennogo antisemitizma v SSSR posle Stalina* [The chronicle of state anti-Semitism in the USSR after Stalin]. [Online] Available from: <https://la-belaga.livejournal.com/214096.html>. (Accessed: 03.10.2018).

25. Yevtushenko, E. (1961) Babi Yar *Literaturnaya gazeta*. 19 September. (In Russian).

26. Aksyutin, Yu.V. (2004) *Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [The Khrushchev thaw and public spirits in the USSR in 1953–1964]. [Online] Available from: <https://history.wikireading.ru/309285>. (Accessed: 30.09.2018).

27. Eleven.co.il. (1996) *Sovetskiy Soyuz. Etnicheskaya demografiya sovetskogo yevreystva* [The Soviet Union. The ethnic demography of Soviet Jews]. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15423/>. (Accessed 05.10.2018).

28. Dinkevich, S. (n.d.) *V kafe zashel antisemit...* [An anti-Semite entered a cafe . . .]. [Online] Available from: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=3051>. (Accessed: 02.10.2018).

29. Romm, M. (1989) Chetyre vstrechi s Khrushchevym [Four meetings with Khrushchev]. In: Aksyutin, Yu.V. *Nikita Sergeyevich Khrushchev: Materialy k biografii* [Nikita Khrushchev: Materials for the biography]. Moscow: Politizdat.

30. Kucherovskiy, N. & Karpov, N. (1959) Vo imya chego i dlya kogo? [Why and for whom?]. *Znamya* (Kaluga). 23 December.

31. Osetrov, E. (1962) Poeziya i proza “Tarusskikh stranits” [Prose and poetry of Tarusskiye Stranitsy]. *Literaturnaya gazeta*. 9 January.

32. Perel'man, V. (1975) Gayd-park pri sotsializme [Hyde Park under Socialism]. *Vremya i my* (Tel Aviv). 1.

33. Vaksberg, A.I. (1978) Banya [Sauna], *Litaraturnaya gazeta*. 12 May.

34. Izyumov, Yu. (n.d.) *Pamyati glavnogo redaktora “Literaturnoy gazety”* [In memory of the editor-in-chief of Literaturnaya Gazeta]. [Online] Available from: <https://ok.ru/zrelost.2.0/topic/68483498093337>. (Accessed: 02.10.2018).

35. Vaksberg, A.I. (2000) *Moya zhizn' v zhizni* [My life in life]. Vol. 1. Moscow: Terra-Sport.

36. Pomerants, G.S. (1972) *Neopublikovannoye* [The Unpublished]. Munich: Posev.

37. Lifshits, M. (1995) *Ocherki russkoy kul'tury* [Essays on Russian culture]. Moscow: Naslediye, TOO “Fabula”.

38. L.S. (1981) Beseda s pisatelem Vasiliyem Aksenovym [A talk with writer Vasily Aksyonov]. *Kontinent*. 27.

39. Rybakov, A. (1997) *Roman-vospominaniye* [A remembrance novel]. Moscow: Vagrius.

40. Yerofeyev, V. (1990) Desyat' let spustya [Ten years later]. *Ogonek*. 37

41. Zalambani, M. (ed.) (2006) Delo “MetrOpolya”: Stenogramma rasshirennogo zasedaniya sekretariata MO SP SSSR ot 22 yanvarya 1979 goda [The case of Metropol:

a transcript of the expanded meeting of the Secretariat of the Moscow organization of the USSR's Union of Writers from January 22, 1979]. *Novoye literaturnoye obozreniye* – *New Literary Observer*. 82.

42. Gorbachev, M.S. (1988) *Perestroyka i novoye myshleniye dlya nashey strany i vsego mira* [Perestroika and a new thinking for our country and the entire world]. Moscow: Politizdat.

43. Tol'ts, M. (2012) Postsovetskaya yevreyskaya diaspora: noveyskiye otsenki [Post-Soviet Jewish diaspora: the newest evaluations]. *Demoskop Weekly*. 497–498. 6–19 February. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php>. (Accessed 4.10.2018).

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 070.19

DOI: 10.17223/26188422/3/7

Ю.М. Ершов

КРЫМСКИЙ ПРЕДЕЛ

Рецензия на книгу: **СМИ Крыма и Севастополя в медиасистеме России: сб. статей / под ред. Д. В. Жукова, Г. Г. Щепиловой. – М.: МедиаМир, 2018. – 218 с.**

В сборнике представлены статьи, в которых рассматриваются современные СМИ Крымского полуострова, ставшего в 2014 г. частью России. Авторы анализируют все сегменты медиарынка Крыма и Севастополя; обращают внимание на проблемы, с которыми пришлось столкнуться в условиях перехода под юрисдикцию России; не забывают про исторический контекст развития медиа.

Для студентов, аспирантов и преподавателей факультетов и отделений журналистики, журналистов-практиков.

В 2014 г. Республика Крым и город федерального значения Севастополь вошли в состав России. Так начинается книга, посвященная изменениям медиаландшафта полуострова, сменившего свою государственную принадлежность. Четыре года назад никто не мог сказать, сколько крымских СМИ пройдет перерегистрацию в Роскомнадзоре, какие крымские телеканалы эмигрируют в Одессу или в Ки-

ев, много ли материковых СМИ из России зайдет в Крым и как вообще изменится конкурентная ситуация с переделом информационного пространства? Для медиаисследователей это стало уникальной возможностью научных наблюдений за тектоническими сдвигами, которые произошли в локальной медиасистеме за три года.

Книга явилась плодом трехлетней исследовательской работы кафедры журналистики филиала МГУ в г. Севастополе. В сборник вошли статьи, в которых рассматриваются крымская периодическая печать, радиовещание, телевидение и новые медиа. Второй раздел книги посвящен контент-стратегиям редакций, информационной политике и рекламным возможностям медиа. В сборнике опубликована специфическая статья о бытовании эногастрономической (винной) журналистики, которая интересна для данного региона не меньше, чем для столиц с их разнообразием ресторанов и винных лавок. Внимание привлекает и статья о языковых маркерах региональной идентификации в текстах СМИ.

Актуальность вышедшей книги определена не только геополитическим значением присоединенного полуострова, но и системным представлением о крымских СМИ, которые в постсоветское время у нас практически не изучались. В России крайне не хватает достоверных данных о состоянии медиаотрасли как в национальном масштабе, так и в регионах. С одной стороны, это связано со стратегиями выживания бизнеса, который совсем не стремится к прозрачности и публичной отчетности. С другой стороны, нам мешает путаница в отраслевых каталогах и идентификаторах того, что есть СМИ, а что СМИ не является. В этих условиях регион может иметь 3 121 зарегистрированных СМИ, но реально работавших, по оценкам экспертов, было не более 150.

Важно не просто сосчитать количество печатных периодических изданий, но построить их классификацию на момент перерегистрации (апрель 2016 г.). Авторы этой классификации С.А. Петухов и В.А. Мельников опираются на типологический анализ по системе Л.Л. Реснянской и М.В. Шкондина и выделяют три группы изданий с подвидами (общественно-политические, рекламно-информационные, развлекательные, деловые, культурно-исторические, профессионально-отраслевые, религиозные и издания национальных общин). Статистические подсчеты внутри типологических групп выявляют неожиданные цифры, за которыми, несомненно, стоят содержательные про-

цессы социально-культурного характера. Например, пять лет назад православных печатных изданий на полуострове было на порядок больше, чем сегодня. Только в Севастополе издавалось 8 православных газет (то есть больше, чем городских общественно-политических!). После передела православные издания уходят в онлайн, а сегмент мусульманских печатных изданий, напротив, расширяет свое присутствие на полуострове.

Особый интерес вызывает раздел, посвященный телевидению Крыма и Севастополя. Автор этой статьи Д.В. Жуков рассматривает трансформацию телевизионного эфира после интеграции Крыма в Россию. Из ранее работавших здесь региональных телеканалов два прекратили существование («Морион», г. Евпатория и «ЖИСА»), четыре перебазировались в Киев и Одессу («Черноморская», крымско-татарские АТР и Lale, ТРЦ «Бриз» ВМС ВСУ Украины), возникли два новых («Крым 24» и «Миллет»), большинство же сохранили вещание, зарегистрировавшись в новом правовом поле («Крым» – «Первый крымский», ИТВ, «ТВ FM», СТВ – «Информационный канал Севастополя», НТС, «Первый севастопольский», «Народный канал»).

Все телекомпании Крыма и Севастополя, относящиеся к региональным, работают по принципу полного программирования и вещают по 24 часа в сутки, что является существенным отличием от других регионов России, где большую часть программной сетки занимает контент сетевых партнеров. Еще одной особенностью крымского телевизионного пространства является полное отсутствие телеизмерений. Уполномоченная в России организация для проведения исследований долей зрительской аудитории – компания «Медиаскоп» – не зашла в Крым и не начала измерения на полуострове. Отметим, что в книге несколько раз возникает мотив, почему какая-то компания или коммерческий банк не заходят на полуостров? Боятся ли они международных санкций, административного давления или чего-то еще – не всегда понятно. Но ясно, что Крым – это все еще не вполне Россия.

В сборнике статей ставятся вопросы самобытности медиаканалов и «крымского текста» (медiateкстов региональных СМИ). Когда регион получает «человеческое измерение» и становится значимым для человека, приобретая статус пространства идентичности? Какое место занимает региональная идентичность в жизни современного российского человека? Какие особенности имеет идентичность именно жителя Крыма как полуостровной территории и Севастополя как доста-

точно самостоятельного образования? Это крайне важные вопросы для регионалистики, поиск ответа на которые поднимает авторов книги до осмысления «островной психологии» и сборки будущего. Да, в сборнике статей последовательно и с дотошностью энциклопедистов исследуется медийная система. Но трансформация СМИ региона закономерно связана с изменениями в политическом устройстве жизни в Крыму. Журналистика – значимый институт современного общества, и в институциональном плане медиа отражают весь комплекс проблем социума, выступая и важнейшей площадкой организации общественного мнения, и модератором общественной дискуссии.

Читая 220-страничный труд московских и крымских медиаисследователей, я испытал некоторые затруднения в определении жанра издания. Книга содержит полное и всестороннее исследование одной проблемы – перехода крымских СМИ под юрисдикцию России. И поскольку авторы стоят на общей методологической позиции, они – единомышленники, приверженцы одного научного подхода, книгу можно было бы назвать коллективной монографией. В то же время в книге не представлена какая-то одна концепция, которая объединила бы тексты тринадцати авторов. Нет в книге и приложений, примечаний, комментариев, которые обычно являются частью научного аппарата монографий. Поэтому с самоопределением издания как сборника статей можно, пожалуй, согласиться. Однако это не тот сборник, который станет «братской могилой» никому неинтересных текстов. Нет никаких сомнений в том, что книга будет востребована студентами и преподавателями факультетов журналистики, найдет отклик у журналистов-практиков и медиаменеджеров, будет цитироваться в научных статьях и станет определенной вехой в исследованиях региональных медиасистем.

CRIMEAN REPARTITION. Book Review: Zhukov, D.V. & Shchepilova, G.G. (eds) (2018) *SMI Kryma i Sevastopolya v mediasisteme Rossii* [Mass Media of Crimea and Sevastopol in Russian Media System]. Moscow: MediaMir

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 128–131.

Yuriy M. Ershov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ershov@newsman.tsu.ru

DOI: 10.17223/26188422/3/7

Keywords: media system, media market, information policy

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЫСОЦКАЯ Ирина Всеволодовна – д-р филол. наук, профессор кафедры семиотики и дискурсного анализа Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: vysotskya@mail.ru

ДЕМЕНТЬЕВА Ксения Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева» (г. Саранск). E-mail: dementievakv@gmail.com

ЕРШОВ Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики, научный руководитель Научно-образовательного центра «Высшая школа журналистики» Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ershov@newsman.tsu.ru

ЗЕТКИН Сергей Николаевич – председатель информационно-издательского отдела Саранской епархии, заместитель руководителя группы компаний «СИ-ТИОЙЛ» по маркетингу и PR (г. Саранск). E-mail: serzet@mail.ru

ИВАНОВА Дарья Николаевна – студент отделения филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород). E-mail: IvanovaD.19@ya.ru

ПЕТРОВА Наталия Евгеньевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. E-mail: petrova_ngpu@mail.ru

СЕМЕНОВА Александра Леонидовна – д-р филол. наук, доцент кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород). E-mail: alsemenova@mail.ru

СТРОВСКИЙ Дмитрий Леонидович – д-р полит. наук, профессор, научный сотрудник Ариэльского университета (Израиль), профессор Екатеринбургской академии современного искусства. E-mail: dmitryst@ariel.ac.il; strovsky@mail.ru

ТЕПЛЯШИНА Алла Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a-nik@list.ru

ШАЙХИТДИНОВА Светлана Каимовна – д-р филос. наук, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Svet1206@yandex.ru

От редакции

Научный журнал «Вопросы журналистики» выходит с периодичностью два раза в год. Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/journalism>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/journalism>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет журналистики.

Тел./факс 8(3822)51-27-90

Ответственный секретарь редакции журнала – П.П. Каминский

E-mail: kelagast@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Материалы, представляемые в редакцию журнала «Вопросы журналистики», должны быть оформлены в виде четырёх файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском языке;
- 2) информация на английском языке;
- 3) сведения об авторе;
- 4) скан-копия заверенного бланка согласия blank-2013.doc

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1, Ivanov2, Ivanov3, Ivanov4).

Бланк согласия должен быть подписан автором (и каждым из соавторов) и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

Материалы прикрепляются на сайте журнала через личный кабинет после регистрации автора: journals.tsu.ru/journalism/

На указанный при регистрации адрес электронной почты будут высылаться автоматические уведомления об изменении статуса статьи (результат рецензирования, ориентировочные сроки публикации и т.д.).

Оформление статей

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord, статьи должны быть представлены в электронном виде. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку. Все рисунки публикуются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации будут доступны только в электронной версии статьи.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Принципы исследования публицистики на современном этапе);
- 3) ее краткая аннотация (500 знаков, считая пробелы), аннотация выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (5–10).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 12 пт., межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 1 см.

Нумерация страниц сплошная, с первой страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники и литературу приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо указывать только один источник.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник.

Информация на английском языке

Информация на английском языке включает:

- 1) английский вариант фамилии, имени и отчества автора, перевод названия своей организации и названия статьи на английский язык, например: Kaminskiy Piotr P., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Principles of the study of publicism at the present stage;
- 2) автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
- 3) перевод на английский язык ключевых слов.

Сведения об авторе

Сведения включают:

- фамилию, имя, отчество (полностью);
- ученую степень (если есть);
- должность, структурное подразделение (кафедра, лаборатория, отдел и т.д.), название своей организации без сокращений, город, например: КАМИНСКИЙ Петр Петрович – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета (Томск).

E-mail: kelagast@yandex.ru

Здесь же также указываются номер контактного телефона (необходим только для связи редакции с автором).

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

Russian Journal of Media Studies

2018. № 3

Редактор К.Г. Шилько
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки В.А. Вершинин

Подписано в печать 19.12.2018 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.

Печ. л. 10,6; усл. печ. л. 9,9.

Бумага для офисной техники. Цена свободная.

Тираж 500 экз. Заказ № 3561.

Дата выхода в свет 21 декабря 2018 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49